

2017 №1

История российской психологии в лицах: Дайджест

Электронный научный журнал проекта
"История российской психологии в лицах"

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№1 – 2017

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Faculty Member of Department of Psychology, Moscow State University of Design and Technology; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich(Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и

социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuАНН, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии

Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2017. – №1. – 232 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. – 2017. – №1. – 232 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 20.02.2017

© Авторы статей, 2017

Содержание

От редакции..... 15

Биография

Карезин А.С., Сучков Ю.А. Кащенко Петр Петрович: данные биографии #2 18

Сизинцев П.В. Четвериков Иван Пименович: данные биографии #2 28

Библиография

Козлов В.В., Мазиллов В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #2..... 48

Колосова В.В. Поршнева Борис Федорович: данные библиографии #1 69

Некрополь

Костригин А.А. Кащенко Петр Петрович: некрополь 81

Возвращение памяти...

Мазиллов В.А., Костригин А.А. Открытие рубрики «Возвращение памяти...» ... 84

Стояхина Н.Ю. К списку репрессированных психологов #1 90

Костригин А.А. «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)..... 108

Историческая психология

- Болтаевский А.А.** Женская психология в условиях военного времени: к постановке проблемы..... 139

Вопросы истории и методологии психологии

- Батыршина А.Р., Жарова Д.В.** Проблема педагогических способностей учителя: сравнительный анализ психологических подходов отечественных и зарубежных исследователей..... 150
- Козлов В.В.** Русские духовные традиции и истоки духовной психологии в России 174
- Мазилев В.А.** Лайош Секей: выдающийся психолог, человек Европы, строитель мостов и разрушитель стен 187
- Слепко Ю.Н.** Некоторые проблемы изучения истории психологии учебной деятельности 209

Читаем забытую классику...

- Четвериков И.П.** Понятие личности (Из лекций по общей психологии)..... 215

Хроника

- Слепко Ю.Н., Костригин А.А.** «Микроистория» российской психологии, или как появилась психология в Нижегородском университете..... 225

Table of contents

Editorial 15

Biography

Karezin A.S., Suchkov Yu.A. Kaschenko Petr Petrovich: facts of biography #2.....18

Sizintsev P.V. Chetverikov Ivan Pimenovich: facts of biography #2 28

Bibliography

Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P., Kostrigin A.A. Novikov Viktor Vasilievich: facts of bibliography #2 48

Kolosova V.V. Porshnev Boris Fyodorovich: facts of bibliography #1 69

Necropolis

Kostrigin A.A. Kaschenko Petr Petrovich: necropolis 81

Retrieval of memory...

Mazilov V.A., Kostrigin A.A. Opening of section “Retrieval of memory...” 84

Stoyukhina N.Yu. To list of oppressed psychologists #1 90

Kostrigin A.A. "Work entirely has failed": Case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology in 1930 (archival materials)..... 108

Historical psychology

Boltaevskii A.A. Psychology of women in wartime: setting of problem 139

Issues of history and methodology of psychology

Zharova D.V., Batyrshina A.R. Problem of pedagogical abilities of teachers: comparative analysis of psychological approaches of domestic and foreign researchers 150

Kozlov V.V. Russian spiritual tradition and roots of spiritual psychology in Russia 174

Mazilov V.A. Lajos Székely: eminent psychologist, person of Europe, bridge builder and wall destroyer..... 187

Slepko Yu.N. Some problems of study of history of psychology of learning activity 209

Reading of forgotten classics...

Chetverikov I.P. Concept of personality (From lectures on general psychology) 215

Chronicle

Slepko Yu.N., Kostrigin A.A. «Microhistory» of Russian psychology, or how psychology appeared in Nizhny Novgorod University 225

От редакции

Уважаемые читатели!

Первый номер 2017 г., с одной стороны, продолжает многие историко-психологические проекты прошлых номеров (биографии и библиографии), а с другой, – открывает новые направления историко-научных исследований.

Рады вам представить продолжение биографий:

- Петра Петровича Кащенко: авторы А.С. Карезин и Ю.А. Сучков подробно описывают деятельность выдающегося психиатра в годы его работы в Нижнем Новгороде (1889-1905), показывая событийную сторону становления психиатрии в губернии на Волге и связывая многие достижения Петра Петровича при участии интеллигенции Нижнего Новгорода;

- Ивана Пименовича Четверикова: П.В. Сизинцев критически подошел к анализу фактов жизни психолога и богослова, сравнивая уже опубликованные данные с найденными архивными документами.

В рубрике «Библиография» авторы продолжают публиковать работы советского психолога Виктора Васильевича Новикова (В.В. Козлов, В.А. Мазиллов, Н.П. Фетискин, А.А. Костригин), а также Бориса Федоровича Поршнева (В.В. Колосова).

К представлению Нижегородского периода работы П.П. Кащенко публикуется фотография его могилы (А.А. Костригин).

Открываются новые рубрики:

- «Возвращение памяти...», где читатели познакомятся с фактами репрессий и идеологического давления на психологическую науку. Редколлегия журнала видит в данном направлении деятельности долг перед прошлыми поколениями психологов, имена и заслуги которых забыты, в том числе, и по причинам умалчивания репрессий и порой закрытости и недоступности материалов в архивах. В данном номере мы начинаем составление списка

репрессированных психологов: Н.Ю. Стоюхина подготовила для будущего биобиблиографического словаря материалы по биографии и творчеству репрессированных советских психологов Ивана Николаевича Дьякова, Николая Васильевича Петровского и Давида Исааковича Рейтынбарга. В другой статье А.А. Костригин представляет впервые публикующееся архивное «Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии РАНИОН» (1930 г.), которое, по его мнению, является частью «реактологической дискуссии», выразившейся, в том числе, и в административных разбирательствах.

- Рубрика «Историческая психология» направлена на аккумуляцию исследований, посвященных изучению психологических особенностей людей в различные эпохи. Первой статье в данной рубрике, обозначающей постановку проблем в данной области, стала работа А.А. Болтаевского, посвященная рассмотрению психологии женского поведения и переживаний в годы мировых войн XX в.

В рубрике «История и методология психологии» вы ознакомитесь с несколькими статьями:

- Д.В. Жарова и А.Р. Батыршина рассматривают психолого-педагогические идеи британских ученых (Дж. Селли, А. Бэн, В.Б. Друммонд) рубежа XIX-XX вв. в сравнении с творчеством В.А. Крутецкого, советского психолога, работавшего в середине XX в.;

- В.В. Козлов представил работу, анализирующую истоки духовной психологии в России (от средневековых трудов св. Г. Паламы до Серебряного века и религиозных философов середины XX в.);

- В.А. Мазиллов анализирует творчество малоизвестного венгерского гештальт-психолога, занимавшегося психологией мышления Лайоша Секея;

- Ю.Н. Слепко осуществляет историко-критический анализ психологии учебной деятельности в Советское время (работы Ю.Г. Юдина, Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, Л.В. Занкова, В.Д. Шадрикова, С.Л. Рубинштейна,

А.Н. Леонтьева, Н.П. Ансимовой, Н.В. Нижегородцевой, Е.В. Карпова и В.С. Степина).

Рубрика «Читаем забытую классику...» представлена выдержками из лекций по общей психологии, читанными И.П. Четвериковым в 1912 г., в период его работы в Киевской духовной академии.

Наконец, в «Хронике» Ю.Н. Слепко и А.А. Костригин публикуют рецензию на книгу Н.Ю. Стоюхиной «Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.)», вышедшую в 2013 г., отмечая важность историко-психологических исследований отдельных институций.

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся вас увидеть среди авторов нашего журнала!

Редакция

Биография

Кащенко Петр Петрович: данные биографии #2

Карезин Александр Сергеевич,

Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Н. Новгорода, Россия

e-mail: ngkpb1@mail.ru

Сучков Юрий Александрович,

Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Н. Новгорода, Россия

e-mail: ngkpb1@mail.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о нижегородском периоде жизни Петра Петровича Кащенко. Авторами статьи показаны его основные достижения, проблемы, которые он решил. Некоторые материалы работы используются впервые.

Ключевые слова: П.П. Кащенко, психиатрия, трудотерапия, перепись душевнобольных, больница-колония, патронаж.

Kaschenko Petr Petrovich: facts of biography #2

Karezin Alexander Sergeevich

Nizhny Novgorod Clinical Psychiatric Hospital № 1, Russia

e-mail: ngkpb1@mail.ru

Suchkov Yuri Alexandrovich

Nizhny Novgorod Clinical Psychiatric Hospital № 1, Russia

e-mail: ngkpb1@mail.ru

Abstract. This article deals with the Nizhniy Novgorod period of Petr Petrovich Kaschenko's life. Authors of article showed his main achievements, problems, what he solved. Some materials of the work were used for the first time.

Keywords: P.P. Kaschenko, psychiatry, labourtherapy, census of insane, hospital-colony, patronage.

Статья посвящена нижегородскому периоду жизни известного отечественного врача-психиатра Петра Петровича Кащенко (1859-1920). Этот период (1889-1904) был для него одним из наиболее плодотворных.

К моменту своего приезда в Нижегородскую губернию П. П. Кащенко уже состоялся как специалист. Его первым учителем психиатрии, был Лев Федорович Рагозин. В 1884-1889 гг. он был директором Казанской окружной лечебницы, а затем, в 1889 г., был назначен директором Медицинского департамента при Министерстве внутренних дел.

Под руководством Л.Ф. Рагозина Петр Петрович познакомился с практической психиатрией. Он много времени, в качестве экстерна, проводил в лечебнице, участвовал в обходах, наблюдал больных, изучал организацию психиатрической помощи. В июне 1885 г. П.П. Кащенко получил диплом лекаря и звание уездного врача. Через несколько месяцев ему удалось получить место врача в Тверской губернии, в первой в России колонии для душевнобольных Бурашево. Работая ординатором у заведующего колонией М.П. Литвинова, П.П. Кащенко прошел школу земской психиатрии.

Необходим краткий обзор истории психиатрической помощи в Нижегородской губернии до приезда П.П. Кащенко.

Медицинская помощь душевнобольным в Нижегородской губернии начала оказываться в 1837 г. В это время при Мартыновской больнице было открыто 30-коечное психиатрическое отделение. Затем оно было расширено до 190 коек.

Для постоянно растущего числа пациентов этого оказалось недостаточно, отделение было переполнено, положение пациентов было тяжелым. В отделении отсутствовали водопровод и канализация, больные спали не только на койках, но и на полу. Помещение плохо убиралось, создавалось постоянное зловоние. Как свидетельствует известный российский психиатр П.И. Якоби, посетивший больницу в 80-х гг. 19 в., психиатрическое отделение напоминало даже не ад, а «ад в отхожем месте, или отхожее место в аду». «Говорят», – иронизировал Якоби – «что в последний раз это отделение вычистили на свой счет Минин и Пожарский, отправляясь в поход против поляков» [6, с. 607].

В «доме умалишенных» некоторые больные занимались прорицательством, полученные за это деньги поступали в распоряжение больницы [5, С. 5]. Интересно, что похожая ситуация существовала и в московской Преображенской больнице. В первой половине 19 в. в одной из камер Преображенской больницы жил «ясновидящий», «прозорливец» – Иван Яковлевич Корейша, который был в течении ряда лет «консультантом» по семейным, имущественным и другим делам [7, С. 295].

Стремясь улучшить содержание больных, старший врач Мартыновской больницы Д.А. Венский убедил нижегородское губернское земство построить два новых, современных корпуса, специально разработанные для лечения и содержания душевнобольных. В ряде источников, основание больницы и ее расширение ошибочно связывают с именем П.П. Кащенко. В действительности, возведение основных построек произошло еще до приезда Петра Петровича.

Участок, выделенный под постройку лечебницы, представлял собой часть бровки Ковалихинского оврага и имел сложный рельеф. В связи с этим перед строительством новых зданий была осуществлена нивелировка больничной территории путем подсыпки «мусора» в ее южную, ближайшую к бровке оврага, часть. Интересно, что «мусор», оставшийся после ремонта губернаторского дома, был специально приобретен нижегородским земством.

В 1889 г. Кащенко по рекомендации Л.Ф. Рагозина был приглашен в Нижегородскую губернию на должность заведующего психиатрическим отделением губернской земской больницы. Он поселился неподалеку на улице Тихоновской – ныне ул. Ульянова.

20 февраля 1889 г. П.П. Кащенко приступил к исполнению своих обязанностей. Молодому врачу П.П. Кащенко в тот момент было 30 лет, и с первого дня работы ему пришлось решать множество проблем.

В марте 1889 г. в письме своему другу и коллеге В.И. Яковенко он писал о положении в Мартыновской больнице: «...Товарищества и коллегиальности в общей больнице нет и следа. Все перессорились друг с другом. Ввиду таких отношений я особенно резко поставил вопрос о полном выделении лечебницы (в самостоятельное учреждение), и после некоторой борьбы это сделалось свершившимся фактом».

Необходимо было изменить работу больницы и ее внутренний облик в соответствии с передовыми подходами в лечении душевнобольных. Главными принципами, которых придерживался Петра Петровича, было обеспечение максимальной свободы пациента (к больным перестали применять смирительные рубашки, ввели режим «открытых дверей») и забота о его благе. При этом благо пациента определялось самим врачом, поэтому можно говорить, что подход П.П. Кащенко находился в рамках патерналистской модели отношений врача и пациента.

Едва ли не самой сложной проблемой была нехватка квалифицированных кадров. Старые сотрудники вначале оказывали сопротивление нововведениям П.П. Кащенко. Новых фельдшеров пришлось искать по всей стране. Одна фельдшерица, Тет, была подданной Великобритании [1]. Для повышения профессионального уровня среднего и служительского персонала Кащенко

организовал краткосрочные курсы обучения, им была собрана научная библиотека [2, С. 187]. Сохранившаяся переписка Петра Петровича с будущими сотрудниками характеризует его как управляющего, который участвует в жизни всех сотрудников и готов помогать им в решении многих проблем и вопросов [9, С. 28].

В больницу постепенно начали приходить врачи-психиатры – М.Г. Фальк, П.Д. Трайнин, И.И. Захаров. *Новые здания на улице Тихоновской, рассчитанные на 54 человека, были открыты 1 мая 1889 г.*

В больнице активно развивалась трудотерапия. Были созданы огород и сад. Больные выращивали 28 культур. Часть урожая шла на продажу. Больные заготавливали дрова, убирали территорию. Закупалось современное оборудование, были созданы столярная, корзиночная, швейная, соломенная мастерские. Для развлечения больных устраивались киносеансы, вечера с танцами и пением, спектакли, прогулки на рыбную ловлю. Зимой сооружались горки и каток для больных. Родственников пациентов стали приглашать на вечера.

Петр Петрович ввел более разнообразное и сбалансированное питание больных. Правильное питание и его лечебное значение было одним из направлений его научной деятельности. Этой проблеме была посвящена его книга «Здоровый стол».

Большое внимание П.П. Кащенко уделял и научно-практической деятельности. Он организовал врачебный кружок, на заседаниях которого делались доклады не только по психиатрии и неврологии, но и по другим медицинским проблемам. В больнице проводились занятия по анатомии нервной системы. Ряд экспериментальных работ выполнял психиатр А.В. Агапов. Больничный прозектор проходил обучение в институте Луи Пастера в Париже. Врач И.И. Захаров стал осваивать различные физиотерапевтические методы лечения. Сам Петр Петрович одним из первых в России стал изучать действие на душевнобольных вытяжек семенных желез кроликов и морских свинок [9, С. 54]. Таким образом, П.П. Кащенко заложил основы научной деятельности в больнице и, фактически, стоял у истоков создания кафедры психиатрии Медицинского факультета Нижегородского университета.

Проводя, практически, все время в лечебнице, П.П. Кащенко вскоре переутомился и заболел рожистым воспалением в тяжелой форме. Болезнь протекала бурно, и одно время врачи всерьез опасались за его жизнь [3, С. 401]. После выздоровления он с новыми силами включился в работу.

Под руководством П.П. Кащенко деятельность больницы постепенно приобрела по-настоящему лечебно-реабилитационное содержание.

В этом отношении показательна история одного из пациентов – Евлогова. Алкоголик, ловкий и находчивый, он имел возможность доставать себе водку, напивался и становился кошмаром для больницы. Под влиянием мести Евлогов, соорудив из куска железа колющее оружие, нанес им удар надзирателю, жестоко обращавшемуся с ним. В таком виде застал его Петр Петрович. Гуманное и внимательное отношение Кащенко, рациональное применение труда совершенно преобразили больного: он стал спокоен, трудолюбив, послушен, и через 2 года он был выписан.

С тех пор в течение многих лет Евлогов занимал ответственные должности в разных местах России и неизменно приезжал 1-3 раза в Нижний к Петру Петровичу, как только чувствовал какую-либо перемену в настроении. Достаточно было непродолжительного свидания, а нередко недельного пребывания в лечебнице, чтобы больной окреп, получил уверенность в своих силах и снова принялся за работу. После отъезда П.П. Кащенко больной еще продолжал посещать лечебницу по старой памяти, будучи уже стариком.

П.П. Кащенко не ограничивал свою деятельность рамками психиатрии. По его инициативе было создано Нижегородское отделение Русского общества охранения народного здравия. Петр Петрович неоднократно избирался заместителем председателя и председателем Нижегородского общества врачей; способствовал открытию медико-санитарного бюро при нижегородской губернской земской управе. В 1890 г. он был одним из организаторов борьбы с «голодным» (сыпным) тифом в Нижегородской губернии, а в 1892 г. – с эпидемией холеры.

В 1893 г. П.П. Кащенко стал председателем Общества попечения о малолетних преступниках. Благодаря его деятельности удалось расширить колонию для малолетних преступников, построить новое здание и мастерские, подобрать подходящий штат воспитателей и учителей. Именно тогда у П.П. Кащенко появилась мысль о создании для физически и психически неполноценных детей специальных школ, что он предложил сделать своему брату В.П. Кащенко, который стал первым отечественным детским дефектологом.

Активная деятельность П.П. Кащенко изменила общественное мнение и позицию местных властей в отношении душевнобольных. Многие стали содействовать его начинаниям. Активную помощь Петру Петровичу оказывали представители нижегородской общественности, составлявшие культурный центр губернии – А.М. Горький, В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевский, А.С. Гациский и др. В те годы в Нижнем Новгороде собралось много политически неблагонадежной интеллигенции, которой департамент полиции

запрещал проживать в университетских городах. Поэтому здесь, как тогда образно говорили, писатель В.Г. Короленко основал академию для писателей, а статистик Н.Ф. Анненский – академию статистиков по исследованию народного хозяйства. По аналогии можно сказать, что П.П. Кащенко приступил к созданию в Нижнем Новгороде академии земских психиатров [4, С. 37].

Между тем, психиатрическая служба в Нижнем Новгороде нуждалась в дальнейшем улучшении. Создание психиатрической больницы не решало всех проблем. Число пациентов росло, вскоре больница вновь оказалась переполненной.

Для обоснованного планирования и организации психиатрической помощи в губернии П.П. Кащенко использовал данные переписи душевнобольных, которую он провел 1889-1890 гг. В литературе, посвященной его деятельности, часто встречается ошибочное утверждение, что П.П. Кащенко провел первую в России перепись душевнобольных. В действительности, первая подобная перепись была организована одним из его коллег в Тверской губернии.

В организации переписи деятельное участие принимал заведующий статистическим бюро при Нижегородской губернской земской управе Н.Ф. Анненский.

П.П. Кащенко вместе с Н.Ф. Анненским провели перепись душевнобольных, совместив это с проводившейся обычно переписью крестьянских дворов. На особо составленные карточки исследователи заносили требуемые сведения о каждом душевнобольном, находящемся в селении. Таким образом было обследовано 4 уезда в 1889 г. и 4 – в 1890 г. Княгининский, Васильский и Макарьевский уезды в это исследование не вошли, так как подворное описание их было произведено в 1888 г., вне связи с определением числа душевнобольных [8, С. 3].

В «Статистическом очерке переписи душевнобольных в Нижегородской губернии», было показано, что на 1000 человек населения имелось не менее 1 душевнобольного, причем положение большинства из них было бедственным. Кащенко отмечал, что содержание беспокойного больного дома ложится тяжелым бременем на семью, а подчас и на всю общину. Он писал: «единственным выходом для семьи является приковать больного на цепь и держать его так, пока он не успокоится или пока в течении годов наступит окончательное слабоумие в тихой форме. Случаи многолетнего держания больного на цепи далеко не составляет редкости».

В декабре 1893 г. П.П. Кащенко доложил результаты своих статистических исследований в Московском обществе невропатологов и

психиатров, член-корреспондентом которого он являлся с 1891 г. На заседании общества присутствовали известные ученые и врачи – А.Я. Кожевников, И.В. Константиновский, С.С. Корсаков, В.А. Муратов, В.К. Рот, А.А. Токарский, Г.И. Россолимо, В.И. Яковенко и др. В прениях профессор А.Я. Кожевников сказал: «Сообщение, сделанное П.П. Кащенко, касается столь важных вопросов практической психиатрии, что я позволю себе выразить ему благодарность за то, что он потрудился приехать к нам из Нижнего, чтобы поделиться с нами собранным им материалом».

Данные, полученные П.П. Кащенко, позволили ему обосновать открытие еще одного лечебного учреждения для душевнобольных. Он считал, что им должна стать больница-колония. Загородное расположение и обширная территория будущей лечебницы были необходимы для обеспечения покоя больных, их пребывания на свежем воздухе и организации трудовой терапии.

В 1892 г. губернское собрание приняло решение о строительстве лечебницы для душевнобольных за городом. Однако земство, ссылаясь на отсутствие средств, откладывало строительство. В 1895 г. П.П. Кащенко призвал нижегородских купцов жертвовать деньги. Значительную сумму пожертвовали известные нижегородские предприниматели братья Рукавишниковы, а купец и меценат Н.А. Бугров взял на себя расходы на строительство отдельного корпуса.

В 1895 г. И.М. Рукавишников приобрел участок земли, часть бывшего имени писателя П.И. Мельникова-Печерского в деревне Ляхово. Из-за длительных процедур, связанных с покупкой и оформлением участка, работы начались лишь в 1899 году.

К созданию проекта больницы был привлечен архитектор П.П. Малиновский, а П.П. Кащенко, на средства губернского земства, в 1898 г. был командирован за границу для изучения европейского опыта организации психиатрической помощи.

По итогам этой командировки он издал «Отчет по осмотру психиатрических учреждений в Западной Европе и России». Книга эта вызвала широкий интерес среди земских психиатров и организаторов психиатрической помощи России.

Архитектор П.П. Малиновский спроектировал колонию в соответствии со всеми пожеланиями П.П. Кащенко. За образец было взято устройство саксонской больницы «Дворянское поместье Альт-Шербитц» (первая психиатрическая больница-колония). При строительстве были учтены достижения архитектуры психиатрических больниц того периода.

Обстановка внутри корпусов была приближена к домашней. Стеновые панели были окрашены под дуб, в залах висели картины, зеркала, часы. Мебель состояла из венских стульев, деревянных крашенных табуреток, деревянных диванов и полированных столов.

Первая очередь строительства была завершена к началу 1901 года.

Открытие больницы-колонии (ныне – Нижегородская областная психоневрологическая больница им. П.П. Кащенко) *состоялась 10 февраля 1901 года.*

П.П. Кащенко не ограничился созданием больницы-колонии. По его мнению, наиболее прогрессивной формой психиатрической помощи являлся патронаж.

Патронаж – это форма призрения душевнобольных, получившая широкое распространение в XIX в. во многих странах Европы. Пациентов, не представлявших опасность для окружающих, селили в семьях крестьян, которые заботились о них и получали за это деньги от государства. Это удешевляло содержание больных и создавало возможность их, возвращения в общество.

Для размещения пациентов было выбрано с. Кубинцево Балахнинского уезда. За счет перевода больных в патронаж удалось разгрузить психиатрическую больницу на Тихоновской улице от хроников для приема больных с острыми состояниями. К моменту отъезда Кащенко из Нижнего Новгорода в патронаже призревалось 125 больных.

Каждому больному, помещаемому в семьи, давались постель и белье. От кормильца требовалось помещение, уход, стирка белья и пища. Основу рациона больных в семьях составляли щи, картофель, пироги, овощи. Мясо давали всегда по праздникам, часто – и в будни, молоко – также по праздникам, а у кого были коровы – ежедневно. Питание больных контролировалось ежемесячным взвешиванием. Некоторые больные приучались к разным работам.

Таким образом, за 15 лет работы в Нижегородской губернии П.П. Кащенко впервые в России создал поэтапную систему психиатрической помощи, включавшую в себя 1) психиатрическую больницу с приемными функциями, отделениями для лечения острых состояний; 2) больницу-колонию для хронически душевнобольных; 3) семейный патронаж для выздоравливающих и спокойных больных.

Созданная система привлекала своей оригинальностью многих психиатров и земских деятелей России, они приезжали в Нижний Новгород

перенимать опыт. П.П. Кащенко стал одним из наиболее видных психиатров России.

В конце 1904 г. он уехал из Нижнего Новгорода, чтобы возглавить Алексеевскую психиатрическую больницу в Москве, затем он возглавлял губернскую психиатрическую больницу в Петербурге. После Октябрьской революции, в 1918 г., он стал первым руководителем советской психиатрии. 19 февраля 1919 г. Кащенко скончался после неудачной операции. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Список литературы:

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 42, оп. 240, д. 632.
2. Александровский Ю. А. История отечественной психиатрии. Т.1. Усмирение и признание. М.: Изд-во «ГЭОТАР-Медиа», 2013. 384 с.
3. Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии. Т. 3. Психиатрия в лицах. М.: Изд-во «ГЭОТАР-Медиа», 2013. 768 с.
4. Гериш А. Г. П. П. Кащенко (1859-1920). М.: «Медицина», 1980. 80 с.
5. Иваненко Е.С., Тверитнев А.С., Юдинцев Н.С. Возникновение и развитие психиатрической помощи в Нижнем Новгороде – городе Горьком // Актуальные вопросы клинической психиатрии. Выпуск 43 / под общ. ред. Н. В. Иванова. Горький: ГМН, 1973. С. 5-10.
6. Ильон Я.Г. Материалы к истории организационных форм отечественной психопомощи и развития активной терапии психозов: дисс. докт. мед. наук. Горький, 1940. 710 с.
7. Каннабих Ю. В. История психиатрии / отв. за выпуск А. А. Жигарьков. М.: ЦТР МПГ ВОС, 1994. 528 с.
8. Кащенко П.П. Доклад врача заведующего психиатрической лечебницей Нижегородского губернского земства о состоянии лечебницы в 1890 и 1891 г. (с 1 ноября 1890 г. по 1 ноября 1891 г.). Н. Новгород, 1892. 27 с.
9. Костригин А.А. Кащенко Петр Петрович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 3. С. 25-32.
10. Лиманкин О.В., Чудиновских А.Г. Петр Петрович Кащенко. Жизнь и судьба. СПб.: Изд-во «Ковчег», 2009. 216 с.

References:

1. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). F. 42, op. 240, d. 632.

2. Aleksandrovskij, Ju. A. Istorija otechestvennoj psihiatrii. T.1. Usmirenje i prizrenie. M.: Izd-vo «GJeOTAR-Media», 2013. 384 s.
3. Aleksandrovskij Ju.A. Istorija otechestvennoj psihiatrii. T. 3. Psihatrija v licah. M.: Izd-vo «GJeOTAR-Media», 2013. 768 s.
4. Gerish A. G. P. P. Kashhenko (1859-1920). M.: «Medicina», 1980. 80 s.
5. Ivanenko E.S., Tveritnev A.S., Judincev N.S. Vozniknovenie i razvitie psihiatricheskoj pomoshhi v Nizhnem Novgorode – gorode Gor'kom // Aktual'nye voprosy klinicheskoy psihiatrii. Vypusk 43 / pod obshh. red. N. V. Ivanova. Gor'kij: GMN, 1973. S. 5-10.
6. Il'on Ja.G. Materialy k istorii organizacionnyh form otechestvennoj psihopomoshhi i razvitija aktivnoj terapii psihozov: diss. dokt. med. nauk. Gor'kij, 1940. 710 s.
7. Kannabih Ju. V. Istorija psihiatrii / otv. za vypusk A. A. Zhigar'kov. M.: CTR MPG VOS, 1994. 528 s.
8. Kashhenko P.P. Doklad vracha zavedujushhego psihiatricheskoj lechebnicej Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva o sostojanii lechebnicy v 1890 i 1891 g. (s 1 nojabrja 1890 g. po 1 nojabrja 1891 g.). N. Novgorod, 1892. 27 s.
9. Kostrigin A. A. Kashhenko Petr Petrovich: dannye biografii #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: dajdzhest. 2016. № 3. S. 25-32.
10. Limankin O. V., Chudinovskih A. G. Petr Petrovich Kashhenko. Zhizn' i sud'ba. SPb.: Izd-vo «Kovcheg», 2009. 216 s.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/kaschenkopp.php>

Сведения об авторах:

Карезин Александр Сергеевич, заведующий музеем Клинической психиатрической больницы № 1 г. Н. Новгорода (Россия)

Сучков Юрий Александрович, главный врач Клинической психиатрической больницы № 1 г. Н. Новгорода (Россия)

Четвериков Иван Пименович: данные биографии #2

Сизинцев Павел Васильевич

Московская духовная академия, Россия

e-mail: sizinpash61@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена критическому осмыслению различных этапов и биографических эпизодов жизни профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова как в царской России и СССР, так и в Западной Европе (включая дату и статус его рождения, учебу в духовных учебных учреждениях, научную и преподавательскую деятельность до и после 1917 г., арест, следствие, ссылку и жизнь в оккупации и за границей). Автором показана научная несостоятельность различных версий биографии, опубликованных на момент выхода данной статьи в зарубежных и отечественных источниках, а также на многочисленных интернет-сайтах.

Ключевые слова: Переписка, академик, анкеты, пенсионный возраст, трехлетняя ссылка, лишенец, контрреволюция, репрессии, война, оккупация, дата рождения, приват-доцент, зарубежные издания.

Chetverikov Ivan Pimenovich: facts of biography #2

Sizintsev Pavel Vasilievich

Moscow Theological Academy, Russia

e-mail: sizinpash61@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a critical understanding of the various stages and biographical episodes in the life of professor of psychology of Kiev Theological Academy I.P. Chetverikov both in tsarist Russia and the Soviet Union and in Western Europe. (Including the date and status of his birth, study in religious educational institutions, scientific and teaching activities before and after 1917, the arrest, the investigation and the link of the OGPU and life under occupation or abroad). The author shows the scientific groundlessness of different versions of the biography published at the time of this article, in foreign and domestic sources, as well as on numerous Internet sites.

Keywords: Correspondence, academician, questionnaire, retirement age, three-year exile, disenfranchised, counter-revolution, repression, war, occupation, birth date, privat-docent, foreign editions.

Данная статья посвящена критическому осмыслению различных этапов и биографических эпизодов жизни профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова, которые превратились в устойчивые мифы.

При анализе переписки сына Ивана Пименовича Четверикова Николая с академиком АН СССР В.И. Вернадским (1863-1945) на основании архивных документов установлено, что, будучи срочным военнослужащим, 03.02.1942 г. Н.И. Четвериков писал академику, особо указав, что он сын Ивана Пименовича Четверикова... Около года я ничего не получаю от отца... Не могли бы вы через Наталью Дмитриевну Шаховскую узнать о его судьбе. Он оставался в Малоярославце; несмотря на мои неоднократные запросы, никаких известий о нем я не получил. Вы меня крайне обяжете, если сообщите что-нибудь о нем. Уважающий вас Н.И. Четвериков [2, Л. 1]. Письмо было из воинской части 224, дислоцированной в г. Баку, из чего следует очевидный вывод, о том, что на тот период войны Николай Четвериков (1922-2013) в прямых боевых действиях участия не принимал. Также из письма сына И.П. Четверикова В.И. Вернадскому следует, что в Красную Армию его отец, 61-летний по анкетным данным старик пенсионного возраста, ссыльнопоселенец, осужденный по антисоветской статье 58-11, не был призван. Иначе бы об этом, безусловно, знал бы любящий его родной сын и искал бы отца через внутренние запросы о родственниках по линии РККА СССР, что было распространено в среде военнослужащих того времени, и это можно было очень легко сделать.

В письме важна фраза «около года я ничего не получаю от отца», ибо подтверждается мысль о том, что отец и сын расстались весной 1941 г., и далее – с уверенностью об отце – что он «оставался в Малоярославце», когда туда пришла война, и в город вошли фашисты, что полностью дезавуирует абсурдную версию эмигрантских источников о призыве Ивана Пименовича в Красную Армию, которая бездумно переносится исследователями из одной статьи в другую.

Дело в том, что в зарубежных источниках о периоде 1941 г. в жизни И.П. Четверикова с легкой руки эмигрантских биографических сборников усиленно муссировалось ни на чем не основанное утверждение о том, что якобы 61-летний философ и психолог, имевший статус «социально-чуждого элемента» общества, осужденный в 1933 г. ОГПУ СССР по статье 58-11 УК РСФСР «Контрреволюционные преступления» и приговоренный к ссылке, был призван, т.е. мобилизован в Красную Армию [27, С. 222] в довоенный период. Это совершенное измышление, открыто противоречащее как военному законодательству СССР, запрещающему призыв на военную службу ранее осужденных за «контрреволюционные преступления», имевших официальный

юридический статус «социально-чуждых» в советском обществе в 30-40-е годы XX в.

Так называемые «враги народа» в глазах советского государства автоматически лишались ряда социальных прав – от права избирать власть до права служить советской власти в любых государственных органах, тем более, в действующей армии. В этот период советское государство официально проводило политику уничтожения религии, используя политику репрессий и ограничения общегражданских прав. Такого рода репрессиям и был подвергнут И.П. Четвериков за скрытую, по мнению властей, «подготовку антисоветских кадров из церковников». Подпункт ст. 58-11 – «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений» – в отношении И.П. Четверикова автоматически включал вид преступлений, определенный в ст. 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти..., а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». Вся православная литература в рамках этих понятий считалась «антисоветской» литературой, а преподавательская работа И.П. Четверикова – антисоветской деятельностью с целью подрыва или ослабления Советской власти. И такого бывшего преступника, «врага народа» да еще на седьмом десятке лет, по мнению эмигранта Н.М. Зернова (1898-1980), могли призвать в Красную Армию? Подобная гипотеза не имеет под собой никаких оснований, даже если ее высказывает почетный доктор Оксфордского университета и автор книг на русском и английском языках по истории России, православной церкви и проблеме единения христианства. Налицо полная оторванность составителя эмигрантского сборника Н.М. Зернова и близкого знакомого Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963) от знания и понимания реалий довоенного СССР.

Такие люди, как И.П. Четвериков, в СССР без всякого суда и без всякой вины, по точному выражению В.И. Вернадского, были в положении парии [4, С. 250]. На языке культурных людей слово «пария» имело значение «отверженный», «бесправный». С легкой руки немецкого социолога Максимилиана Вебера (1864-1920) так именовалась бесправная группа населения, лишённая необходимых социальных контактов и возможности вхождения в другие социальные группы. Обычно такая группа имела свою идеологию, оправдывающую бесправие и презрение со стороны государства, как правило, это были «бывшие люди», имевшие высокое социальное положение до богоборческой революции 1917 г.; именно они, в первую

очередь, были лишены от всех гражданских прав, политических и социальных свобод.

Репрессии по отношению к духовенству и верующим занимали особое место в репрессивной политике Советского государства, где одной из стратегических целей была полная ликвидация православных религиозных пережитков, а тактической задачей 6 отдела ОГПУ СССР – создание условий для такой ликвидации.

Лишение гражданских прав, как следствие осуждения по 58 статье УК РСФСР, сразу поставило Ивана Пименовича Четверикова в возрасте 53 лет в разряд отверженных, он становился «лишенцем», постоянно находившимся под подозрением властей, обязанный систематически регистрироваться в административном отделе местных органов власти, а как проживающий в статусе социально-чуждого элемента [4, С. 251] не мог покидать данную территорию – г. Малоярославец, т.к. по закону был лишен права проживания в крупных городах [4, С. 222].

И.П. Четвериков не имел права служить в армии, «лишенцы» призывались на службу лишь в тыловое ополчение, они не имели права получать пособие по безработице и пенсию. Он мог получить работу только без права жительства в Москве [5, С. 346], т.е. он не мог жить вместе со своей семьей в Москве [4, С. 351], что для него, глубокого знатока древнегреческой философии и нескольких иностранных языков было смерти подобно, т.к. работы по такому профилю в разгромленной сталинскими «реформами образования, педологии и педагогики» провинции просто не было.

Акцент на возрасте Четверикова имеет важнейшее значение для разоблачения эмигрантской версии о его мифической мобилизации «в Красную Армию», поскольку, будучи по анкетным данным 1880 г. рождения (а фактически, даже на 5 лет старше!), он не попадал даже в призыв тылового ополчения РККА.

Для подтверждения этого, а также для проверки истинной цены голословных утверждений составителей эмигрантских справочников, никогда не бывавших в сталинской России, обратимся непосредственно к советским документам. Процесс открытой мобилизации в СССР с началом войны носил особый характер. Начавшись с 23.06.1941 г. и в течение последующих 7 суток [13], по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. призывались обученные воины запаса 1918-1905 г.р. 1-й категории 1-й очереди, прошедшие действительную военную службу [13]. Этот мобилизационный процесс был четко распланирован еще с начала августа 1940 г. до середины июня 1941 г. Возраст набора – 23-38 лет, в данную категорию набора И.П. Четвериков не попал бы, даже если бы он не был «врагом народа». Иван

Пименович не имел никакой военной специальности, никогда не служил на военной службе и на момент начала военных действий – 22 июня 1941 г. – имел анкетный возраст 61 полный год. О каком призыве пожилого человека при таких жестких мобилизационных требованиях РККА СССР вообще можно серьезно говорить и, тем более, распространять в виде биографического свидетельства? Налицо явная научно-биографическая безответственность всех публикаций о службе И.П. Четверикова в Красной Армии.

Кроме вышеизложенной аргументации, основанной на документах и исследованиях, существуют еще и дневниковые свидетельства ученого с мировым именем и безупречной моральной репутацией, которого не посмел тронуть даже сталинский режим – академика АН СССР В.И. Вернадского. Судя по записям его дневника, И.П. Четвериков и Владимир Иванович продолжали общение до 1941 г., о чем Вернадский записал следующее:

В Малоярославце <оставался> проф[ессор] Ив[ан] Пим[енович] Четвериков, бывший профессор Киевск[ого] Унив[ерситета], занимавшийся греческой философией и действительно, – без всякой вины, кроме того, что он верующий православный, без всякого суда и без всякой вины оказался в положении парии. Он не мог жить в Москве, скрывался, когда посещал семью (жена и сын), «и вынужден был тайно про» жывать в Москве и брать там работу, как специалист по др[евне]греческой философии. И так <продолжалось> более 20 лет [4, С. 250]. Затем в том же дневнике он оставляет еще более ценное личное свидетельство о взаимоотношениях с Иваном Пименовичем в записи от 26.06.1942: У меня он брал книги и весной 1941 г. взял лучшее новое греческое издание ... Я просил его выяснить тексты, на которых основывался Peirce, указывая, что его <Ч. Пирса> логика вещей противоречит Логике Аристотеля [4, С. 250-251].

Следует заметить, что речь идет о Ч.С. Пирсе (1839-1914), которого называли Кантом американской философии [1, С. 178], основоположника прагматизма и семиотики, введшего в философию термин «фанерон», предложившего концепцию «тихизма». Понятие «фанерона» родственно понятию «идея», но в смысле Дж. Локка (1632-1704), при этом Ч.С. Пирс не ставит «фанерон» в отношении к каким-либо реалиям, то есть «фанерон» – это идея, рассматриваемая только в рамках сознания и вне зависимости от связи с материальным миром, это чисто феноменологическое явление сознания [20]. Он также ввел в логику понятия «абдукции», «стрелки Пирса».

Пирс выделял три категории, как модусы сущего, по которым можно подразделить «фанероны» (первичность, двоичность и троичность), имеющие основополагающее значение для современной логики, т.е. науки о знаках. «Абдукция» есть познавательная процедура принятия гипотез, «стрелка Пирса»

– бинарная логическая операция, булева функция над двумя переменными, а «тихизм» – учение Пирса о господстве случая во Вселенной. В частности, доктрина «тихизма» исходит из существования элемента абсолютной случайности в устройстве Всемирного Космоса; этот фактор играет главную роль в эволюции, в условии обладания Космосом свободой выбора законов. Только его величество «Случай» определяет разнородность и разнокачественность вещей этого мира, и именно саморазвитие мира в рамках случая приводит к его устойчивости. Таким образом, академик и ссыльнопоселенец – бывший профессор психологии Киевской духовной Академии и Государственной Академии Художественных Наук – обсуждали комментарии американского исследователя к аристотелевской философии за месяц до начала войны.

Возвращаясь к тексту цитируемого источника совершенно очевидно, что академик ведет речь о весне 1941 г., т.е. о марте-мае 1941 г., когда книги у него были взяты И.П. Четвериковым для выяснения греческих текстов, т.е. весьма кропотливой и трудоемкой глубоко научной работы, которую систематически осуществлял для него Иван Пименович. Допустимо предположить, что и сама полученная от В.И. Вернадского работа должна была быть тщательно сделана в сроки не менее месяца. Над книгой И.П. Четвериков работал в месте своего поселения – Малоярославце и когда началась война, и в период кратковременной оккупации города. Вся эта выявленная и реконструированная хронология предвоенных и военных событий жизни очень важна для дальнейшего понимания событий в жизни И.П. Четверикова.

Следует учесть тот факт, что в результате крупных потерь, в начале войны вследствие гибели и пленения в личном составе РККА Постановлением ГКО № 459 от 11.08.1941 г. была объявлена дополнительная мобилизация [25], когда были призваны остатки возрастов 1918-1905 г.р. обеих категорий, а также был поднят весь ресурс военнообязанных 2-го разряда запаса 1904-1895 г.р.

Всего с начала войны к 1.10.1941 в ряды РККА, включая тыловое ополчение, были призваны группы военнообязанных 24 возрастов от 1918 до 1895 гг. рождения включительно, а иногда и до 1890 г рождения, что составило свыше 14 миллионов человек. Но и по этим дополненным данным предельный возраст призывников СССР в РККА в июне 1941 г. был не старше 51 года. Следовательно, в данную категорию мобилизационного набора И.П. Четвериков не мог попасть ни при каких обстоятельствах просто по своему анкетному возрасту (61 год), который на 10 лет превышал возраст официального призыва РККА, не говоря об ограничениях в связи с его социальным статусом «социально чуждого» элемента.

И здесь следует внести дополнительную ясность об отношении Советской власти к так называемым ею «врагам народа» (это якобинский термин!) в 1930-е годы. Первыми «козлами отпущения» за экономические неудачи Советской власти и связанные с ними лишения, порожденные падением уровня жизни, стали специалисты всех областей промышленности и науки, тут же переименованные большевистской прессой в «буржуазных». Они были не только лишены продуктовых карточек, элементарного доступа к врачам, но иногда просто изгнаны из своих квартир и домов. В 1929 г. тысячи чиновников Госплана, Наркомфина, Наркомзема, Автопрома, Комиссариата по торговле были уволены по причине их, якобы, «правого уклона», ложного саботажа или выдуманной принадлежности к «социально чуждым элементам», вина которых состояла лишь в том, что они усердно и успешно работали в дореволюционной России.

Под волну этой кампании попал и И.П. Четвериков, работавший в ГАХН (1930) [22], Ярославском пединституте (1930) [11, С. 136], в секторе ЦАНИИ (1932-1933) [29] (работал профессором психотехники), т.е. в Центральном автоэксплуатационном научно-исследовательском институте, носившем это название в 1932-1939 гг. Это было уже третье наименование научного института.

Первое его название ЦИАТ – Центральный институт автомобильного транспорта, было дано Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР в системе Цудортранса – Центрального управления дорожного транспорта СССР (1930-1931). Затем институт был переименован в НИИАТ (1931-1932), то есть в Научно-Исследовательский институт автомобильного транспорта. В 1930-е гг. институт выпустил ряд важнейших методических пособий по психотехнике труда водителя (например, «Диспетчерская система на автомобильном транспорте», «Методика тренировки шоферов на автотренажерах»). Это было последнее место работы Ивана Пименовича перед его арестом ОГПУ в феврале 1933 г. [29].

В октябре 1929 г. постановлениями ЦИК и СНК СССР в перечень поражения включили право носить почетные звания и даже – родительские права. Затем была отобрана возможность получать пенсию и пособие по безработице [3]. В СССР людей, лишенных большинства гражданских прав, повсеместно считавшихся «членами прежнего класса имущих и царского аппарата», было зафиксировано более 30 категорий «лишенцев» [24], к ним относились бывшие землевладельцы, бывшие торговцы, бывшие кулаки, бывшие «частники», а также «религиозники», т.е. служители культа – архиереи и священники, монашествующие, и как показывает «случай» И.П. Четверикова – бывшие профессора духовных академий. Шло разделение общества на

противников и сторонников режима. Возникали и искусственно поддерживались режимом такие группы, которые ранее не существовали, например, спецпереселенцы не имели аналогов в дореволюционном обществе, а просуществовали в сталинском с 1930 по 1955 гг., то есть четверть века [16]. Не имели они аналога и в мировой правовой практике.

«Лишенцам» было не дозволено «занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном». Они не имели право получать пенсию и пособие по безработице; им не позволялось вступать в профессиональные союзы, в то же время не члены профсоюза не допускались в руководство советских промышленных предприятий и организаций. Такая искусственная маргинализация приобрела колоссальные размеры и стала органическим сопутствующим элементом репрессий и одним из способов решения политических и экономических проблем (создание системы принудительного труда) [16]. Дискриминационные меры, жертвами которых стали лишенцы, представлявшие в 1932 г. 4% избирателей, составлявшие вместе с их семьями 7 миллионов человек, не ограничивались лишением избирательных прав. В 1929-1930 гг. их лишили права на жилье, на медицинское обслуживание и на продуктовые карточки. В 1933-1934 гг. были приняты еще более строгие меры, возникшие в ходе паспортизации, направленной на чистку городов от «деклассированных элементов».

При этом речь шла, по мнению того же В.И. Вернадского, не об отбросах общества без роду и племени, без образования и профессии, но о научно образованных ученых, как Фохт, Четвериков и пр. [5, С. 298]. Он писал об Иване Пименовиче, что тот работает в самых тяжелых условиях, живя в Малоярославце, на положении ссыльного, появляясь наездами в Москве.

Из «Дневника» В.И. Вернадского, зафиксировавшего слова И.П. Четверикова, очевидно, что его [И.П. Четверикова – примечание П.С.] явно спутали с кем-то другим, но грубо (он [И.П. Четвериков – примечание П.С.] человек относительно робкий – сделан таким жизнью) отказались с этим считаться [6; с. 345-346]. Речь идет о незаконном аресте, сфальсифицированном уголовном деле (1933), незаконной высылке в Казахстан (1933-1936) и последующем поражении И.П. Четверикова в правах (1936-1941) как гражданина СССР. Опять бессмысленное и опасное, никому не нужное страдание [2, Л. 4-5об], а конечный результат подобного рода кадровой сталинской политики таков, что бездарности...царят в нашей философии [6, С. 345-346], заключает академик Вернадский.

Таким образом, политика репрессий в полной мере коснулась положения И.П. Четверикова, создав для мыслителя такие катастрофические условия

существования, в которых он очутился в невозможном положении, при котором вся его огромная, по его словам, библиотека была потеряна в Киеве. Он, приезжая из Малоярославца к семье в Москву, жил по сути дела, скрываясь, осуществляя разовые заказы и работая, сколько возможно... для философских организаций [4, С. 351] Москвы. При этом жизнь его была собачья, – это надо иметь в виду, чтобы его оправдать – подытожил основатель мировой биогеохимии и философской теории «ноосферы», мыслитель «русского космизма» академик В.И. Вернадский.

Людей такого социального положения, как И.П. Четвериков, в Красную Армию не просто не призывали, они были опасны для нее в силу тех социальных ограничений, а, по сути дела, публичных издевательств и унижений, какими была каждодневно наполнена их жизнь, и также в силу своего ума и жизненного опыта успешных людей в царской России.

Более чем сомнительная версия о мобилизации И.П. Четверикова в РККА, по сути, исторический домысел, была впервые написана эмигрантом Н.М. Зерновым в сборнике «Русские писатели эмиграции», где указывалось: «Профессор Киевской Академии. Ссылки и тюрьмы при советской власти. В 1941 г. мобилизован в Красную Армию. По окончании войны остался в Германии» [12, С. 144].

Как мог прошедший ссылки и тюрьмы «враг народа» – философ, богослов и психолог, никогда не служивший ни в каких войсках, включая царские времена – в возрасте 61 года быть призванным в действующую Красную Армию, Н. Зернов не уточняет, как не дает и источников этой удивительной по своему незнанию СССР и принципов мобилиционного набора в ряды Красной Армии начала 40-х гг. XX в. версии. Фантастическая гипотеза эмигранта опровергается сведениями о социальном статусе ссыльнопоселенцев, лишенных Советской властью права служить в армии, принципом мобилиционной политики РККА в военный период и возрастным критерием набора, не говоря уже о вышеприведенных сведениях академика В.И. Вернадского.

Следует подчеркнуть, что вся заметка в книге Н.М. Зернова [12, С. 144] о И.П. Четверикове грешит неточностями:

- Дата рождения Четверикова указана Зерновым как 10 января, а фактическая дата его рождения 6 января, по старому стилю.
- Зернов пишет: «Ссылки и тюрьмы при советской власти». А фактически ссылка у И.П. Четверикова была всего одна по приговору Коллегии ОГПУ СССР от 27/04/1933 с обвинением «вел нелегальную подготовку антисоветских кадров из церковников» по ст.58–11 УК РСФСР и

приговором «3 года высылки в Казахстан». В тюрьмах он также не сидел, а в период следствия содержался в Бутырском изоляторе.

- Зернов пишет о Четверикове: ««одно время преподавал в Богословском Институте в Париже» но нет ни дат преподавания, ни должности преподавателя.

Из переписки архим. Киприана Керна протопресвитером В. Виноградовым установлено, что И.П. Четвериков читал лекции по догматическому богословию в качестве приглашенного профессора Парижского Свято-Сергиевского богословского института. В его письме от 14 (27) июня 1957 г., указано, что из Киевских жив И.П. Четвериков, несколько лет читавший лекции и у нас [28, С. 98], который работал в институте в период 1953-1954 гг. [21, С. 122, 554]. Почти на этот же период времени (1946-1955) приходится издание нескольких православных брошюр И.П. Четверикова в Германии.

•Главный богословский труд И.П. Четверикова – его магистерская диссертация «О Боге, как Личном существе» у Зернова не имеет никаких библиографических данных – Места, года и названия типографии издания [12, С. 144].

Между тем он был издан в 1903 г. в Киеве, в типографии Н.А. Гирит как «богословско-философское исследование».

Однако, в другом более современном зарубежном издании (Москва-Париж, издательство Русский путь – YMCA-PRESS) серии «Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (автор – Антуан Нивьер) биография Ивана Пименовича предстает еще более невероятно-захватывающей и еще более не имеющей никакого отношения к исторически выявленным и документально подтвержденным фактам его реальной биографии.

Эта книга, содержащая удивительную в отношении И.П. Четверикова информацию о его жизни, также представляет собой биографический справочник под названием: «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе (1920-1995).

Судя по всему, это добротный труд, но биографическая заметка в нем об И.П. Четверикове может служить образцом современного «научнообразного» мифотворчества [18, С. 539]. Сопоставление данных, написанных в этой заметке эмигрантской биографии ученого и выявленных настоящим исследованием документальных фактов, проявило в заметке немало неверных сведений:

- Дата рождения И.П. Четверикова у Нивьера – 19 января, а фактическая дата его рождения 6 января (по старому стилю).
- А Нивьер пишет, что И.П. Четвериков был из семьи духовенства, а фактически он родился в семье конторского служащего Тульского Оружейного Завода.
- А Нивьер пишет, что И.П. Четвериков работал как «профессор Дерптского (Тартуского) университета (1922-1944)».
- Далее А. Нивьер пишет о том, что И.П. Четвериков работал как «профессор Ташкентского университета (1918-1922 гг.)».

Фактически же в годы жизни И.П. Четверикова не существовало Дерптского университета, а был Юрьевский университет (с 1893 г.), в котором с 1916 г. по 1917 г. Иван Пименович был приват-доцентом кафедры историко-филологического факультета (г. Тарту, Эстония). Там он преподавал психологию до переезда части Юрьевского Университета в Воронеж. Далее, в 1918 г. И.П. Четвериков был избран профессором историко-филологического факультета в Киевском Университете им. Св. Владимира в его филиал – Таврический Университет российского Крыма, где и проработал с 1918 по 1921 гг.

Высшее учебное заведение в Ташкенте в указанный в заметке Нивьера период называлось в 1918-1919 гг. – Народным университетом, а с 1920 по 1922 гг. – Туркестанским университетом. Никакого Ташкентского университета в вышеозначенный период не существовало и в помине.

Также, фактически копируя А. Нивьера, тиражируется ложная информация о том, что И.П. Четвериков работал как профессор Ташкентского университета (1918-1922), затем был выслан из СССР и поселился в Эстонии, став на 20 лет профессором Дерптского (Тартуского университета) (1922–1944), например, Культурным центром «Дом-музей Марины Цветаевой» в Москве:

- ЧЕТВЕРИКОВ Иван Пименович (19 января 1880, Тульская губ. – 2 октября 1969, Штутгарт, Германия)... Профессор Ташкентского университета (1918–1922). Выслан из Советской России в 1922, поселился в Эстонии. Профессор Дерптского (Тартуского университета) (1922–1944). С 1944 жил в Германии [10].

В действительности в 1922 г. И.П. Четвериков стал заместителем заведующего Физико-Психологического отделения Государственной Академии Художественных Наук и Действительным Членом Академии с 1922 по 1930 гг. [26], будучи по совместительству сотрудником Ярославского педагогического института (с 1922). Очевидно, что, работая в нескольких местах, он никак не мог работать профессором несуществующего Ташкентского Университета в

1922 г. и тем более не мог быть «выслан из Советской России (1922 г.)». А также не мог «поселился в Эстонии» как «профессор Дерптского (Тартуского) Университета, не ведая репрессий и ссылки. Невероятность этой информации состоит в том, что преподавание в стенах Дерптского (Тартуского) Университета с 01.12.1919 г. шло только на эстонском языке, который И.П. Четвериков просто не знал. Представляется, что этот фактор был одной из немаловажных причин его увольнения с должности ординарного профессора Тартуского Университета весной 1918 г.

Поэтому преподавать там с 1922 г., по крайней мере, по 1940 г., русский богослов в силу своего незнания эстонского языка не мог. Русский язык стал на короткий срок обязательным в Университете г. Тарту в силу смены политической власти в республике: Эстония с 1940 г. перешла от демократической независимости к советской власти, уже в составе СССР, но в ходе немецкой оккупации (1941 г.) вошла в состав Третьего Рейха Германии (1941-1944 гг.), будучи, однако, освобождена от гитлеровского режима Советской Армией в ноябре 1944 г. При Советской власти в 1940-1941 гг. вуз переименовали в Тартуский государственный университет, началась его интенсивная советизация, одним из первых шагов которой стало закрытие богословского факультета наряду с введением русского языка в процесс обучения. Однако, во время немецкой оккупации русский язык был опять запрещен, а вуз продолжил деятельность в 1942-1944 гг. как Тартуский университет Эстонского самоуправления (Директората). Подробное рассмотрение всех этих этапов в данном исследовании призвано пролить ясный свет на факты, свидетельствующие о том, что русский богослов и психолог Иван Пименович Четвериков никоим образом не мог работать в стенах Дерптского (Тартуского) Университета с 1922 по 1944 гг.

Также биографический сборник А. Нивьера в отношении русского мыслителя сообщает явно неверную информацию о некоторых этапах его биографии, например, что И.П. Четвериков, якобы, «переехал в Германию (1944)» из охваченной войной прибалтийской республики, операция, по захвату которой РККА СССР была начата в середине 1944 г. Наличие подобных справочников, содержащих заведомо некорректную информацию, несет плохую службу русской науке и всему информационному пространству данных, претендующих быть научными.

Следует отметить, что А. Нивьер (1961 г.р.) – французский историк церкви и русской религиозной мысли, редактор, церковный деятель и преподаватель, профессор университета Нанси II. В 1987 г. в университете Париж IV-Сорбонна им защищена докторская диссертация на тему «Монахи имяславцы: богословский спор среди русских монахов на Афоне (1908-1914)».

К сожалению, его некорректная информация тиражируется без всякой верификации. Подобных примеров достаточно, например, ложная информация о мифической службе в Красной Армии 61-летнего ссыльнопоселенца, имеющего судимость по ст. 58 «Контрреволюционная деятельность» УК РСФСР (в редакции 1937 г.) русского богослова и психолога И.П. Четверикова уже распространяется. Она прошла в статьях ведущих научных сотрудников Российских университетов и информационных сайтах Интернет-пространства:

- Н.Ю. Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор кафедры Истории РПЦ богословского факультета ПСТГУ: подвергался арестам и ссылке. В 1941 г. мобилизован в Красную армию [27, С. 222].

Следует заметить, что арест И.П. Четверикова был в его жизни всего один [29; Л. 125] – в феврале 1933 г. [29; Л. 126]

- А.А. Корнилов [15; с. 69]: В годы войны служил в Красной армии.

Им дается ссылка: Четвериков Иван Пименович (1880-1969) / Религиозные деятели Русского Зарубежья. URL: http://zarubezhje.narod.ru/tya/ch_003.htm (Дата обращения: 14.02.2017). Правда, А.А. Корнилов оговаривается, что неясно, каким образом он попал в Вендлинген – был в немецком плену или еще каким-то образом [15, С. 70]. Тем не менее, он, не сомневаясь, цитирует эмигрантский сайт, который, в свою очередь полностью ссылается на (как это уже доказано) ошибочную информацию биографического сборника Н.М. Зернова.

- В.А. Мазилев [18, С. 160]: целый ряд вновь растиражированных мифов о И.П. Четверикове, например:

Миф первый.

В 1900 г. Окончил Киевскую духовную академию (далее – КДА), преподавал психологию в различных учебных заведениях. И после защиты магистерской в 1905 г. избран профессором КДА [18, с. 160].

На самом деле КДА Иван Пименович окончил в 1899 г. [8], что отражено не только в списке выпускников, но и в Формулярном списке Святейшего Синода (далее – Св. Синода) Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви о службе доцента Императорской духовной академии И.П. Четверикова. Список составлен на 01 июня 1916 г., т.е. в середине 2016 г. Иван Пименович был не профессором, а доцентом КДА.

В формуляре четко указано, что в 1899 г. он со званием студента поступил... в число студентов Императорской Киевской духовной академии, где обучался по исторической группе наук с 1895 по 1899 г. [22, С. 16], т.е. Иван

Четвериков окончил КДА в 1899, а не в 1900 г. Но после ее окончания, он не «преподавал психологию в различных учебных заведениях», хотя работал преподавателем. Окончивши курс Киевской Духовной Академии со степенью кандидата богословия И.П. Четвериков в 1899 г. был определен учителем Екатеринодарского епархиального училища [17, С. 159], а именно 21 августа 1899 г. [22, С. 16].

По прошествии чуть более трех месяцев его преподавательской деятельности приказом Обер-Прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева Иван Пименович получил гораздо более престижное определение – в Калужскую Духовную семинарию (9 декабря 1899 г.) на должность преподавателя сразу нескольких и более значимых церковных дисциплин: логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии, дидактики. Это тоже было отражено в Curriculum Vitae Св. Синода из данных которого следовало, что после Екатеринодарского епархиального училища И.П. Четвериков был определен преподавателем Калужской духовной семинарии (1899). Таким образом, все три информации о И.П. Четверикове являются ложными и не соответствуют архивным российским документам.

Миф второй.

В 1906-1908 гг. <...> на стажировке в Германии <...> работал у В. Вундта и Э. Гуссерля [18, С. 160]. Это тоже неверно, правда, только в отношении Э. Гуссерля, ибо не соответствует информации, предоставленной самим русским Четвериковым, который достаточно подробно описывал свою психологическую практику у лучших психологов мира того времени [14, С. 314].

Прискорбно также, что данная мифотворческая версия была отражена и в прекрасной статье М.С. Гусельцевой [9], вместе с мифом об окончании в 1900 г. Иваном Четвериковым КДА и мифом о его мнимом профессорстве в 1905 г. Вероятно, сыграл свою роль тот факт, что Иван Пименович изучал психологию в Геттингенском и Мюнхенском университетах в 1908 г., а в г. Геттингене в то время (1901-1916) действительно, практиковал Э. Гуссерль (1859-1938). Отсюда, возможно, возникла соблазнительная, но целиком ложная идея связать их жизненные пути.

«Ловушка для исследователей» здесь в том, что русский богослов занимался прикладной, практической психологией, а не философией, на которой тогда специализировался Эдмунд Гуссерль, который, к слову сказать, в 1908 г. и кафедры своей в Геттингенском университете не имел, будучи таким же рядовым преподавателем психологии, как и русский доцент Четвериков.

Мифотворцами биографии И.П. Четверикова забыт важнейший факт того, что Иван Пименович практиковался исключительно на экспериментальной,

«инструментальной», приборной психологии, чем Э. Гуссерль не только не интересовался, но и вообще не признавал. Это была базовая посылка гуссерлевской феноменологии в принципе. Нелишним будет указать на тот общеизвестный у биографов Гуссерля факт, что собственно к философии тот пришел из математической области, когда ему было за 32 года, начав с «Философии арифметики» (1891). А свой основной феноменологический труд «Философия как строгая наука» [30] Э. Гуссерль издал в 1911 г., и основан он был, прежде всего, на выявлении «не психологически понятой субъективности».

К этому времени И.П. Четвериков уже 3 с половиной года преподавал на кафедре психологии КДА курс общей и экспериментальной психологии, внедряя в жизнь все, чему он научился в школах В.М. Вундта (Лейпциг) и Г.Э. Мюллера (Геттинген).

В школе В.М. Вундта (1832-1920), профессора философии в Лейпцигском университете (1875), ныне считающегося «отцом» эксперимента в психологии и первой в мире (1879) лаборатории экспериментальной психологии, настаивали на том, что волевой элемент в процессе восприятия не подвержен никакому дальнейшему разложению [7]. Волевой акт считался в экспериментальной школе основным душевным актом, влияющим на психические процессы в человеке и обуславливающим творческий характер психической активности [14, С. 313].

Г.Э. Мюллер (1850-1834) был одним из первых исследователей, кто продолжил начатое Г. Эббингаузом (1850-1909) экспериментальное изучение высших психических функций, присущих человеку, добавив к изучению души интроспективный оттенок [32]. Вместе со своим помощником Фридрихом Шуманом он придумал «барабан памяти» [31], представлявший собою специально вращающийся цилиндр, который регулировал подачу нужного, для запоминания человеком материала. Создание этого инструментария имело колоссальное значение для эмпирической психологии, ибо способствовало повышению точности и объективности исследований проблем обучения и памяти. Физиологию Г.Э. Мюллер изучал в университетах Лейпцига, а потом Геттингена, где и проработал в течение всей своей 40-летней научной карьеры (1881-1921).

В годы практики Ивана Пименовича его лаборатория, привлекавшая многих студентов со всей Европы и из Соединенных Штатов, соперничала с Лейпцигской лабораторией Вундта.

Здесь важно подчеркнуть, что сама информация, на которую ссылается, в частности, В.А. Мазилев, почерпнута опять, по сути, из эмигрантского источника [23]. Правда со ссылкой на «Российское научное зарубежье», цена

достоверности информации которого оказалась крайне низкая, так же, как и иных эмигрантских биографических справочников, что уже в подробностях рассмотрено выше.

Список литературы:

1. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Издательство Логос, 2001. 344 с.
2. Архив Российской АН. Фонд 518. Оп. 3. Д. 1798. Л. 1.
3. Богомаз Т. Лишенцы – изгои в собственной стране. URL: <http://tvplus.dn.ua/pg/news/8/full/id=5132> (Дата обращения: 14.02.2017)
4. Вернадский В.И. Дневники. 1941-1943. М.: Издательство РОССПЭН, 2010. 570 с.
5. Вернадский В.И. Дневники: в 2 кн. Кн. 1. 1935-1941. М.: Издательство Наука, 2006. 444 с.
6. Вернадский В.И. Дневники: в 2 кн. Кн. 2. 1938-1941. М.: Издательство Наука, 2006.
7. Вундт В.М. Очерки популярной психологии. М.: Книговек, 2015. 484 с.
8. Выпускники Киевской Духовной Академии 1823–1869, 1885-1915. URL: www.petergen.com/bovkalov/duhov/kievda.html (Дата обращения: 14.02.2017)
9. Гусельцева М.С. Изучение художественного воспитания в Государственной академии художественных наук (по материалам протоколов заседаний 1925-1929 гг.) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 4 (18). С. 11.
10. Дом-музей Марины Цветаевой. URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=> (Дата обращения: 14.02.2017)
11. Ермаков А.М. Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 30-х гг. и его последствия // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3-4. 2001. С. 135-143.
12. Зернов Н.М. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972. Boston: G.K. Hall & Co., 1973. 182 с.
13. Ивлев И.И. Особенности работы с архивными документальными материалами по ВОВ и документами военкоматов в целях создания, пополнения, изменения Книг Памяти. URL: <http://istorya.ru/forum> (Дата обращения: 14.02.2017)

14. Извлечение из журналов Совета Киевской дух. Академии за 1906-1907 учебный год // Труды Киевской Духовной Академии. 1907. № 6. С. 305-345.
15. Корнилов А.А. Деятельность Вендлингенской общины православных беженцев в послевоенной Германии // Вестник ПСТГУ. 2013. № 3 (52). 2013. С. 62-77.
16. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–конец 1930-х). Новосибирск: Издательство НГУ, 1998. URL: <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml> (Дата обращения: 14.02.2017)
17. Магистерский коллоквиум // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. Май. С. 159-173.
18. Мазилев В.А. Профессор В.С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 159-169.
19. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920-1995. Биографический справочник. М.: Париж: Издательство Русский Путь. ИМКА-Пресс, 2007. 576 с.
20. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: Издательство Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ, Алетейя, 2000. 352 с.
21. Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института. СПб: ООО Издательство Росток, 2010. 710 с.
22. РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 685. Личное дело Ивана Пименовича Четверикова.
23. Сорокина М.Ю. Четвериков Иван Пименович // Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Издательство Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, 2010. С. 104-105.
24. Социально чуждые элементы. URL: http://studbooks.net/596584/istoriya/sotsialno_chuzhdye_elementy (Дата обращения: 14.02.2017)
25. Справочник офицера Советской Армии и Военно-Морского флота. М.: Военное издательство, 1966. 680 с.

26. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Четвериков Иван Пименович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 34-50.
27. Сухова Н.Ю. «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А.А. Дмитриевского...» (Письма киевлян к А.А. Дмитриевскому) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Выпуск 1 (7). 2014. С. 215-242.
28. Сухова Н.Ю. «Не будучи от левитской лозы и от духовной школы, я всегда привык преклоняться перед нашим духовным сословием» // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Выпуск 3 (46). 2012. С. 71-122.
29. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27416. Личное дело Ивана Пименовича Четверикова.
30. Husserl E. Philosophic als Wissenschaft. // Logos. 1910-1911.
31. Müller G.E. Theorie der Muskelkontraktion. Т. I. Берлин, 1891.
32. Müller G.E. Zur Grundlegung der Psychophysik. Берлин, 1879.

References:

1. Apel' K.-O. Transformacija filosofii. M.: Izdatel'stvo Logos, 2001. 344 s.
2. Arhiv Rossijskoj AN. Fond 518. Op. 3. D. 1798. L. 1.
3. Bogomaz T. Lishency – izgoi v sobstvennoj strane. URL: <http://tvplus.dn.ua/pg/news/8/full/id=5132> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
4. Vernadskij V.I. Dnevnik. 1941-1943. M.: Izdatel'stvo ROSSPJeN, 2010. 570 s.
5. Vernadskij V.I. Dnevnik: v 2 kn. Kn. 1. 1935-1941. M.: Izdatel'stvo Nauka, 2006. 444 s.
6. Vernadskij V.I. Dnevnik: v 2 kn. Kn. 2. 1938-1941. M.: Izdatel'stvo Nauka, 2006.
7. Vundt V.M. Oчерки популярной психологии. M.: Knigovek, 2015. 484 s.
8. Vypuskniki Kievskoj Duhovnoj Akademii 1823–1869, 1885-1915. URL: www.petergen.com/bovkalo/duhov/kievda.html (Data obrashhenija: 14.02.2017)
9. Gusel'ceva M.S. Izuchenie hudozhestvennogo vospitanija v Gosudarstvennoj akademii hudozhestvennyh nauk (po materialam protokolov zasedanij 1925-1929 gg.) // Psihologicheskie issledovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2011. № 4 (18). S. 11.
10. Dom-muzej Mariny Cvetaevoj. URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=> (Data obrashhenija: 14.02.2017)

11. Ermakov A.M. Razgrom prepodavatel'skih kadrov Jaroslavskogo pedinstituta v nachale 30-h gg. i ego posledstvija // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2001. № 3-4. 2001. S. 135-143.
12. Zernov N.M. Russkie pisateli jemigracii: Biograficheskie svedenija i bibliografija ih knig po bogosloviju, religioznoj filosofii, cerkovnoj istorii i pravoslavnoj kul'ture: 1921-1972. Boston: G.K. Hall & Co., 1973. 182 s.
13. Ivlev I.I. Osobennosti raboty s arhivnymi dokumental'nymi materialami po VOV i dokumentami voenkomatov v celjah sozdanija, popolnenija, izmenenija Knig Pamjati. URL: <http://istorya.ru/forum> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
14. Izvlechenie iz zhurnalov Soveta Kievskoj duh. Akademii za 1906-1907 uchebnyj god // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii. 1907. № 6. S. 305-345.
15. Kornilov A.A. Dejatel'nost' Vendlingenskoj obshhiny pravoslavnyh bezhencev v poslevoennoj Germanii // Vestnik PSTGU. 2013. № 3 (52). 2013. S. 62-77.
16. Krasil'nikov S.A. Na izlomah social'noj struktury: Marginaly v poslerevoljucionnom rossijskom obshhestve (1917–koniec 1930-h). Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 1998. URL: <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml> (Data obrashhenija: 14.02.2017)
17. Magisterskij kollokvium // Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii. 1905. Maj. S. 159-173.
18. Mazilov V.A. Professor V.S. Filatov kak osnovatel' jaroslavskoj psihologicheskoj shkoly // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 5. S. 159-169.
19. Niv'er A. Pravoslavnye svjashhennosluzhiteli, bogoslovy i cerkovnye dejateli russkoj jemigracii v zapadnoj i central'noj Evrope. 1920-1995. Biograficheskij spravocnik. M.: Parizh: Izdatel'stvo Russkij Put'. IMKA-Press, 2007. 576 s.
20. Pirs Ch.S. Logicheskie osnovanija teorii znakov. SPb.: Izdatel'stvo Laboratorija Metafizicheskikh Issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU, Aletejja, 2000. 352 s.
21. Prepodobnyj Sergij v Parizhe: istorija Parizhskogo Svjato-Sergievskogo Pravoslavnogo Bogoslovskogo Instituta. SPb: OOO Izdatel'stvo Rostok, 2010. 710 s.
22. RGALI. F. 941. Op. 10. D. 685. Lichnoe delo Ivana Pimenovicha Chetverikova.
23. Sorokina M.Ju. Chetverikov Ivan Pimenovich // Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlja biobibliograficheskogo slovarja. Vyp. 2. [Pilotnyj]: Psihologicheskie nauki: XIX – pervaja polovina HH v. / Avt.-sost. N.Ju. Masolikova, M.Ju. Sorokina. M.: Izdatel'stvo Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A.I. Solzhenicyna, 2010. S. 104-105.
24. Social'no chuzhdye jelementy. URL: http://studbooks.net/596584/istoriya/sotsialno_chuzhdye_elementy (Data obrashhenija: 14.02.2017)

25. Spravochnik oficera Sovetskoj Armii i Voенно-Morskogo flota. M.: Voенное izdatel'stvo, 1966. 680 s.
26. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Chetverikov Ivan Pimenovich: dannye biografii #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 4. S. 34-50.
27. Suhova N.Ju. «Мы знаем действител'но znamenitogo liturgista, nashego uchitelja A.A. Dmitrievskogo...» (Pis'ma kievljan k A.A. Dmitrievskomu) // Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii. Vypusk 1 (7). 2014. S. 215-242.
28. Suhova N.Ju. «Ne buduchi ot levitskoj lozy i ot duhovnoj shkoly, ja vseгда privyk preklonjat'sja перед nashim duhovnym sosloviem» // Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vypusk 3 (46). 2012. S. 71-122.
29. CA FSB RF. D. R-27416. Lichnoe delo Ivana Pimenovicha Chetverikova.
30. Husserl E. Philosophic als Wissenschaft. // Logos. 1910-1911.
31. Müller G.E. Theorie der Muskelkontraktion. T. I. Berlin, 1891.
32. Müller G.E. Zur Grundlegung der Psychophysik. Berlin, 1879.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/chetverikovip.php>

Сведения об авторе:

Сизинцев Павел Васильевич, аспирант кафедры богословия, Московская духовная академия (Россия)

Библиография

Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #2

Козлов Владимир Васильевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Мазилев Владимир Александрович

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Фетискин Николай Петрович

Костромской государственный университет, Россия

e-mail: nikfet@kmtn.ru

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Московский государственный университет дизайна и технологии;

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Авторы продолжают представление библиографии Виктора Васильевича Новикова (1935-2014), российско-советского психолога, одного из основателей Ярославской психологической школы, ученика В.С. Филатова, президента Международной академии психологических наук (МАПН), специалиста в области социальной психологии, организационной психологии и экономической психологии

Ключевые слова: Новиков, Филатов, Ярославль, Ярославская психологическая школа, социальная психология, организационная психология, экономическая психология, история психологии, библиография.

Novikov Viktor Vasilievich: facts of bibliography #2

Kozlov Vladimir Vasilievich

P.G. Demidov Yaroslavl State University

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Fetiskin Nikolay Petrovich

Nekrasov Kostroma State University, Russia

e-mail: nikfet@kmtu.ru

Kostrigin Artem Andreevich

Solzhenitsyn Russian Abroad House;

Moscow State University of Design and Technology;

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The authors present the bibliography of Viktor Vasilievich Novikov (1900-1974), a Russian-Soviet psychologist, one of the founders of Yaroslavl psychological school, a disciple of V.S. Filatov, a president of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), a specialist in the field of social psychology, organizational and economical psychology.

Keywords: Novikov, Filatov, Yaroslavl, Yaroslavl psychological school, social psychology, organizational psychology, economical psychology, history of psychology, bibliography, IAPS, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl State University

Виктор Васильевич Новиков имеет богатое творческое наследие и в области науки, и в области публицистики (на заре его профессионального и личностного развития). В данной статье авторы продолжают представлять список научных трудов ярославского психолога (предыдущая часть см. [1]).

1980

114. Вопросы психологии крестьянства в трудах В.И. Ленина (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 3. С. 24-32.

- 115.** О влиянии производственного коллектива на формирование личности мастера // Личность в системе коллективных отношений. М.: ИП АН СССР, 1980. С. 174-175.
- 116.** Комплексные бригады создаются в училище (В соавторстве с директором Менделеевского НМЗ В.С. Солоповым) // Профтехобразование. 1980. № 5. С. 10-12.
- 117.** Текучесть кадров – процесс управляемый (В соавторстве с В.С. Солоповым) // Социалистический труд. 1980. № 8. С. 32-39.
- 118.** О социальной и экономической эффективности комплексных исследований // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 4. С. 137-144.
- 119.** Воспитание в комплексных бригадах коммунистического отношения к труду // Проблемы формирования личности в коллективной деятельности и общении. Ч. 2. Гродно: ГрГУ, 1980. С. 89-91.
- 120.** Опыт создания и работы комсомольско-молодежного коллектива в научно-исследовательском институте // ЭКОУ в НПНХП. 1980. № 11. С. 23-25.

1981

- 121.** Вопросы психологии рабочего класса в трудах В.И. Ленина (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 4. С. 13-20.
- 122.** О социально-экономическом и управленческом анализе деятельности предприятия (В соавторстве с Е.В. Волковой и Л.К. Дудченко) // Психологические аспекты повышения эффективности трудовой и учебно-воспитательной деятельности. Новосибирск, 1981. С. 56-57.
- 123.** Социально-психологические аспекты исследования движения за коммунистическое отношение к труду (В соавторстве с О.И. Зотовой) // Психологические аспекты повышения эффективности трудовой и учебно-воспитательной деятельности. Новосибирск, 1981. С. 83.
- 124.** Основные проблемы создания и функционирования отраслевой психологической службы // Психологические факторы повышения эффективности деятельности трудовых коллективов. М.: ИП АН СССР, 1981. С. 16-20.
- 125.** Социальное регулирование профессиональной адаптации молодежи // Психологические факторы повышения эффективности деятельности трудовых коллективов. М.: ИП АН СССР, 1981. С. 167-170.
- 126.** Социально-психологические механизмы управления развитием производственных коллективов // Тезисы научных сообщений советских

психологов к XXII Международ. психологическому конгрессу в Лейпциге. М., 1981. Ч. 2. С. 374-375.

1982

127. Социально-психологические проблемы совершенствования движения за коммунистическое отношение к труду (В соавторстве с О.И. Зотовой) // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 94-99.
128. Актуальные социальные и психологические проблемы исследования материальных и трудовых ресурсов на предприятиях АТИ // Рациональное использование материальных и трудовых ресурсов в производстве АТИ. М.: ЦНИИТЭнефтехим, 1982. С. 38-39.
129. О формировании психологической готовности к труду и соблюдению техники безопасности (В соавторстве с А.Я. Драчом) // Психология учебной деятельности. М.: Педагогика, 1982. С. 54.

1983

130. Из опыта создания и функционирования отраслевой психологической службы // Материалы VI Всесоюз. съезда Общества психологов СССР. Ч. 3. 1983. С. 507-509.
131. Социально-психологические проблемы организации комплексных бригад // Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М.: Наука, 1983. С. 29-31.
132. Принцип построения и опыт работы отраслевой психологической службы Миннефтехимпрома СССР // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика. Курган: ИП АН СССР, 1983. С. 27-35; 44-51.
133. Методологические особенности работы отраслевой психологической службы, ее социальная и экономическая эффективность // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 214-224.
134. Соцсоревнование и формирование благоприятного психологического климата // Проблемы повышения эффективности производства. М.: ИП АН СССР, 1983. С. 132-140.
135. Принципы и формы трудового самоуправления в системе социалистического производства // Проблемы повышения эффективности соцсоревнования. М.: Профиздат, 1983. С. 43-46.
136. Социалистическое соревнование и благоприятный психологический климат трудового коллектива Проблемы повышения эффективности соцсоревнования. М.: Профиздат, 1983. С. 92-94.

1984

- 137.** Опыт совместной работы отраслевой психологической службы и предприятия (В соавторстве с В.С. Солоповым – генеральным директором АО «Ярославнефтеоргсинтез») // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 1. С. 94-99.
- 138.** Об опыте разработки и внедрения организационных проектов управления // Психологические проблемы совершенствования кадровой службы в энергетике. М.: Атомэнерго, 1984. С. 19-20.
- 139.** Психофизиологические и социально-психологические аспекты режимов труда и отдыха в бригаде // Способы изучения и предупреждения производственного утомления. Пенза, 1984. С. 104-105.
- 140.** Психофизиологические и социально-психологические аспекты режимов труда и отдыха при бригадной организации труда // Способы изучения и предупреждения производственного утомления. Пенза, 1984. С. 63-65.
- 141.** Совершенствование внутрипроизводственного механизма отношений в производственном коллективе // Роль психологических факторов в интенсификации в экономике. Ч. 2. М., 1984. С. 47-52.
- 142.** Образ жизни советского крестьянства (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) (на рус., англ. и финском яз.) // Психология образа жизни. М.: Наука, 1984. С. 150-165.
- 143.** Социально-психологические особенности образа жизни советского крестьянства (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) (на англ. яз.) // Проблемы образа жизни и жизненного пути личности. Хельсинки, 1984. С. 156-164.
- 144.** Некоторые «правила игры» в общении руководителя производственной организации // Мышление и общение в производственной деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1984. С. 63-66.
- 145.** Опыт изучения психологии советского крестьянства (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) (На англ., франц., нем., испан., япон. и др. яз.) // Общественные науки. М.: ИП АН СССР, 1984. С. 41-57.
- 146.** Совершенствование психологического механизма внутрипроизводственных отношений трудового коллектива // Роль психологических факторов интенсификации экономики. Ч. 2. М.: ВСНО, 1984. С. 36-37.

1985

- 147.** Опыт разработки и внедрения программы сокращения ручного труда... (В соавторстве с А.П. Барановым) // Социальные проблемы сокращения ручного труда. Пенза: ДНТП, 1985. С. 32-33.

- 148.** К вопросу об экономическом эффекте прикладных психологических исследований // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 2. С. 47-54.
- 149.** О системе профилактики нарушений трудовой дисциплины // Передовой опыт решения вопросов профилактики нарушения трудовой дисциплины. Пенза: ПДНТП, 1985. С. 6-8.
- 150.** КМК и вопросы укрепления дисциплины (В соавторстве с В.А. Винниченко) // Передовой опыт решения вопросов профилактики нарушения трудовой дисциплины. Пенза: ПДНТП, 1985. С. 54-55.
- 151.** Психологические детерминанты функционирования производственных бригад (В соавторстве с В.А. Винниченко) // Проблемы социально-психологической службы промышленного предприятия. Курган, 1985. С. 37-42.
- 152.** Некоторые черты образа жизни ИТР промышленного предприятия (В соавторстве с В.А. Винниченко) // Психолого-педагогические проблемы подготовки инженера. Казань, 1985. С. 62-64.

1986

- 153.** Формирование личности в процессе движения за коммунистическое отношение к труду (В соавторстве с О.И. Зотовой) // Профсоюзы и соревнование. М.: ВЦСПС, 1986. С. 147-153.
- 154.** К истории исследования психологических проблем соцсоревнования // Исторические аспекты психологической науки. Ереван, 1986. С. 87-89.
- 155.** Из опыта разработки оргпроектов стабилизации производственных коллективов // Материалы по НОТ в УССР. Киев, 1986. С. 37-42.
- 156.** О ЦКП «Социальное планирование» (В соавторстве с Б.Ф. Кузьмичевым) // Автомобильная промышленность. 1986. № 7. С. 24-28.
- 157.** Формирование психологической устойчивости // Психологические резервы человека. Одесса, 1986. С. 48-50.
- 158.** О стирании существенных различий в психологии рабочих и крестьян // Прикладная социальная психология. М.: Наука, 1986. С. 86-92.
- 159.** Формирование стабильных трудовых коллективов в районных агропромышленных предприятиях // Психологический журнал. 1986. Т. 7. №2. С. 29-40.
- 160.** Некоторые вопросы организации общения руководителей производственных коллективов // Мышление, общение, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1986. С. 141-148.
- 161.** Опыт разработки и внедрения ЦКПРТ на предприятиях АТИ (В соавторстве с замзав лабораторией НОТ А.П. Барановым) // Проблемы

сокращения ручного тяжелого физического и монотонного труда. Пенза, 1986. С. 54-57.

- 162.** Опыт разработки и реализации целевой программы: социальное развитие коллектива (В соавторстве с Б.Ф. Кузьмичевым) // Применение программно-целевого метода в управлении социальным развитием. Пенза, 1986. С. 67-71.
- 163.** О формировании экономического мышления молодого специалиста (В соавторстве с аспирантом С.Ю. Флоровским) // Научно-технический прогресс и интенсификация подготовки инженера. Казань, 1986. С. 84-86.
- 164.** Управление социальными процессами на предприятиях Миннефтехимпрома // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 101-107.
- 165.** О формировании благоприятного социально-психологического климата в производственном коллективе // Эмоциональная регуляция учебного и рудовой деятельности. Одесса, 1986. С. 67-69.
- 166.** Социально-психологическое проектирование производственных бригад (В соавторстве с аспирантом С.Ю. Флоровским) // Актуальные проблемы социальной психологии. Ч. 3. Кострома, 1986.
- 167.** О системе управления социальными процессами на предприятии // Актуальные проблемы социальной психологии. Ч. 3. Кострома, 1986. С. 97-98.
- 168.** О комплексном подходе к исследованию безопасности труда (В соавторстве с М.В. Максимовской) // Психологические и эргономические вопросы безопасности деятельности. Таллин, 1986. С. 82-83.

1987

- 169.** Задачи социальной психологии (В соавторстве с А.Л. Журавлевым и Е.С. Кузьминым) // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2. С. 3-12.
- 170.** Социально-психологические противоречия гибкого графика работы // Психологические проблемы ускорения внедрения НОТ. Кохтла-Ярве (Эстония), 1987. С. 36-38.
- 171.** Социально-психологические особенности образа жизни советских крестьян. М.: Наука, 1987. С. 176-182.
- 172.** Основные психологические проблемы социального развития производственных коллективов // Социология и психология производственной организации. Курган: ИП АН СССР, 1987. С. 15-22.
- 173.** О системе становления молодого специалиста (В соавторстве с Р.Л. Мугиновым) // Психологические резервы интенсификации подготовки инженеров. Казань, 1987. С. 15-16.

- 174.** Психологические проблемы подготовки бригад в ПТУ // Психологические условия становления профессионала. Славянск, 1987. С. 37-39.
- 175.** Опыт подготовки кадров по программе «Социальное планирование» (В соавторстве с Б.Ф. Кузьмичевым) (на рус. и англ. яз.) // Материалы II Советско-финляндского семинара по социологии. М.: ИСИ АН СССР, 1987. С. 87-92.
- 176.** Психологические аспекты повышения эффективности деятельности производственной организации // Психологические проблемы рационализации трудовой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1987. С. 117-125.

1988

- 177.** О творческом наследии ярославских психологов по проблемам становления молодежи // Проблемы перестройки и молодежь. Ярославль: ЯрГУ, 1988. С. 42-44.
- 178.** О целевой комплексной программе повышения квалификации по социальному планированию // Социально-экономические аспекты активизации человеческого фактора. Пенза, 1988. С. 62-63.
- 179.** О социальном управлении производственной организацией // II Всесоюз. конф. по экспериментальной психологии. Л.: ЛГУ, 1988. С. 55-56.
- 180.** Социально-психологические проблемы подготовки бригад в ПТУ // Психологические условия профессионального становления личности в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы. М.: ИОПП, 1988. Ч. 2. С. 67-68.
- 181.** Некоторые черты образа жизни советского крестьянина (В соавторстве с О.И. Зотовой и Е.В. Шороховой) // Психология личности и образ жизни. М.: Наука, 1988. С. 176-182.

1989

- 182.** Социально-психологические особенности формирования комсомольско-молодежных производственных коллективов (В соавторстве с рабочим ЯПК В.А. Винниченко) // Бригадная организация труда в разных видах трудовых коллективов. М.: ИП АН СССР, 1989. С. 79-95.
- 183.** Проблемы социального развития личности в трудовом коллективе // Тезисы VII съезда Общества психологов СССР. М., 1989. Т. 5. С. 39-40.
- 184.** Письма о кооперации // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 141-142.
- 185.** К проблеме становления молодого специалиста (В соавторстве с зав. отделом Миннефтехимпрома СССР Р.Л. Мугиновым) // Среднее специальное образование. 1989. № 3. С. 41-43.

186. Пошехонье в «Пошехонской старине» // Политическая агитация. Ярославль, 1989. № 8. С. 50-53.

1990

187. О системе психологического управления производственной организацией // Страховские чтения. Саратов, 1990. С.47-52.

188. Некоторый опыт изучения общественного сознания народных депутатов и их избирателей // Общественное сознание и идеологическая работа. Кострома, 1990. С. 32-34.

189. Психологическое управление производственной организацией (В соавторстве с Ю.М. Забродиним). М.: Ассоциация практической психологии, 1990. 240 с.

190. Социально-психологические проблемы социального планирования на промышленном предприятии (В соавторстве с С.И. Ериной) // Социально-психологические проблемы практической работы в коллективе. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 12-30.

191. Чему и как учат в университете марксизма-ленинизма? // Время и мы. Ярославль, 1990. № 3. С. 23-26.

1991

192. О системе психологического управления производственной организацией // Первые Международные Ломовские чтения. М.: ИП АН СССР, 1991. С. 237-239.

193. Народные депутаты, кто они? (В соавторстве с Т.Л. Бадоевым, В.Д. Кукушкиным и М.Ю. Мизулиным) / Депонирована в ИНИОН АН СССР, № 45332 от 16.09.1991. С. 24.

194. О так называемой системе управления производственной организацией // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов, 1991. С. 74-76.

1992

195. Психологическое управление (В соавторстве с Ю.М. Забродиним). Изд. 3. М.: АПП, 1992. 348 с. (19,8 п.л.).

196. Психолог и время (В соавторстве с А.А. Ершовым) // Актуальные проблемы социальной психологии. Материалы международного симпозиума. Кострома-Москва, 1992. Ч. 1. С. 28-29.

197. Мотивационная сфера деятельности предпринимателя (В соавторстве с А.П. Портянко и Ю.А. Соломиным) // Актуальные проблемы социальной психологии. Материалы международного симпозиума. Кострома-Москва, 1992. Ч. 3. С. 42.

- 198.** Социальная психология и малый бизнес // Актуальные проблемы социальной психологии. Материалы международного симпозиума. Кострома-Москва, 1992. Ч. 3. С. 40-41.
- 199.** Практическое мышление современного отечественного предпринимателя – актуальная проблема психологической науки // Мышление и общение в практической деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1992. С. 53-56.
- 1993**
- 200.** О Международной Академии Психологических Наук // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 175-176.
- 201.** Социальная психология сегодня: отвечать действиями // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 8-15.
- 202.** О становлении банковского холдинга в современной России. Отдельный оттиск лекции в Мельбурнском университете Австралии (на рус. и англ. яз.) (В соавторстве с В.А. Гановым и А.И. Литвиненко). 16 с.
- 203.** Культурные традиции прошлого и массовое сознание периода перестройки. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 56774 от 16.09.1993.
- 204.** Некоторые социально-психологические проблемы становления банковского бизнеса в современной России (В соавторстве с В.А. Гановым) (на англ. яз.) // Behavioral and economics psychology. Moscow, 1993. S. 335-345.
- 205.** Некоторые социально-психологические стереотипы неприятия бизнеса в России (В соавторстве с В.А. Гановым) // Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы. Ч. 3. СПб.: Гум. ун-т, 1993. С. 8-9.

1994

- 206.** Высшая школа Практической психологии и менеджмента профессора В.В. Новикова // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3. С. 126.
- 207.** О социально-психологическом феномене жертвенности народа // Психологический журнал. 1994. Т. 15. С. 141-146.
- 208.** О Международной Академии Психологических Наук // Бюллетень МАПН. Вып. 1. Саратов-Ярославль, 1994. С. 5-12.
- 209.** Об одной социально-психологической особенности международных переговоров в сфере бизнеса (В соавторстве с В.А. Гановым) // Тезисы и материалы выступлений Международного семинара «За честный бизнес». М., 4-6 января 1994. С. 44-45.
- 210.** О природе и механизмах умонастроений различных групп населения по отношению к бизнесу // Тезисы и материалы выступлений Международного семинара «За честный бизнес». М., 4-6 января 1994. С. 46-47.

- 211.** Социально-психологические аспекты формирования новых представлений в общественном сознании // Психологический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие. М.: ИП РАН, 1994. Т.2. С. 53-55.
- 212.** Психологические механизмы влияния социокультурной среды на формирование личности // Человек в современной социокультурной ситуации. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 69-71.
- 213.** О диалектическом воздействии общества и семьи друг на друга (В соавторстве с Т. Фридланд /США) // Человек в современной социокультурной ситуации. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 140-142.
- 214.** В чем смысл жизни? (В соавторстве с В.А. Юрасовым) // Сыск. 1994. № 4. С. 50-53.
- 215.** Умонастроения населения и формирование новых трудовых отношений в условиях складывающегося рынка // Трудовые отношения в условиях коренного реформирования российского общества. Пенза, 1994. С. 17-19.
- 216.** Предисловие к книге Страхова В.И. Очерки психологии внимания. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 3-4.

1995

- 217.** В.М. Бехтерев и А.А. Ухтомский - основоположники отечественной практической психологии // В.М. Бехтерев и современная психология. Казань, 1995. С. 19-20.
- 218.** Некоторые социально-психологические аспекты становления молодого специалиста в современной России // Психологические проблемы непрерывной профессиональной подготовки специалиста. Казань, 1995. С. 88-90.
- 219.** Социально-психологические состояния коллектива и его диагностика // Вестник Псковского вольного университета. Псков, 1995. Т. 2. № 1. С. 49-54.
- 220.** О совершенствовании психолого-педагогической подготовки студентов на основе психологических законов А.А. Ухтомского // Непрерывное обучение профессионалов. Курск, 1995. С. 75-78.
- 221.** О динамике религиозности и суеверности в современной России // Синектика духовности. Уфа, 1995. Кн. 1. С. 32-34.
- 222.** Нравственные ценности - здоровье нации (В соавторстве с В.А. Юрасовым) // Здоровье нации и национальная безопасность. М.: Криминологическая Ассоциация, 1995. С. 123-124.
- 223.** История и социальная психология // Проблемы истории и историографии. Самара, 1995. С. 163-174.

224. К вопросу о социально-психологическом содержании предпринимательской деятельности (В соавторстве с В.В. Марченко) // Психологическое обеспечение предпринимательства. Материалы международной конференции 17-21.09.1995. С. 7-10.
225. О месте правовой психологии в структуре правосознания (поиски концепции) (В соавторстве с В.А. Юрасовым) // Бюллетень МАПН. Саратов-Ярославль, 1995. Вып. 2. С. 18-20.
226. Социально-психологические проблемы негосударственной организации // Глава в учебнике «Социальная психология». М.: МПА, 1995. С. 84-96.
227. Предисловие к книге Страхова В.И. и Добраева В.А. Очерки психологии внимания. Саратов, 1995. С. 3-4.
228. Предисловие научного редактора (и под редакцией) к книге Маслова А.В. Некоторые вопросы психодиагностики личности и группы. Ярославль: МАПН, 1995. С. 3.
229. Предисловие научного редактора (и под редакцией) к книге Киселева И.Ю. Политическая элита, ее сущность и содержание. Ярославль: МАПН, 1995. С. 3-5.
230. Предисловие научного редактора (и под редакцией) к книге Марченко В.В. Социальная психология предпринимательства. М.: МАПН, 1995. С. 3-7.

1996

231. Предисловие научного редактора (и под редакцией) к книге Шемет И.С. и Козлова В.В. Применение интегративных психотехнологий в социальной работе. Ярославль: ЯрГУ, 1996.
232. Очерки истории возникновения и становления социальной психологии предпринимательства (В соавторстве с В.В. Марченко). Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ и МАПН, 1996. 90 с.
233. Персональная психология предпринимательской деятельности в современной России // Вестник Балтийской академии. 1996. Вып. 6. С. 59-62.

1997

234. Предисловие к Бюллетеню МАПН. Вып. 4. С. 3-5.
235. Социально-психологические аспекты формирования новых представлений в общественном сознании // Бюллетень МАПН. Вып. 4. С. 6-8.
236. О социально-психологическом феномене жертвенности народа (В соавторстве с М.А. Рутковским) // Бюллетень МАПН. Вып. 4. С. 12-18.
237. К вопросу о месте правовой психологии в структуре правосознания (В соавторстве с В.А. Юрасовым) // Бюллетень МАПН. Вып. 4. С. 42-43.

238. Диалектика изменчивости и постоянства в личности руководителя (В соавторстве с Р.Р. Кашаповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 4. С. 44-48.
239. Некоторые социально-психологические аспекты становления личности молодого специалиста (В соавторстве с В.В. Марченко, А.В. Масловым) // Бюллетень МАПН. Вып. 4. С. 124-125.
240. Предисловие к книге Чечулина А.А. Социальная психология управления. Новосибирск, 1997. С. 4-6.
241. Предисловие научного редактора к книге «Psychological Pulse of Modern Russia». М.-Ярославль: МАПН. С. 8-10.
242. Слово материалиста о психотехнологиях // Творчество воли./ Под ред. Козлова В.В. М., 1997. С. 6-7.
243. О системе понятий и методов в современной социальной психологии // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования Т. 9. Тверь, 1997. С. 8-15.
244. Пути формирования экономического мышления технического специалиста в вузе (В соавторстве с В.В. Марченко и Г.М. Мануйловым) // Проблемы эффективности высшего технического образования. Рыбинск, 1997. С. 50-51.
245. О совершенствовании психолого-педагогической подготовки студентов на основе законов А.А. Ухтомского // Проблемы эффективности высшего технического образования. Рыбинск, 1997. С. 51-52.
246. Совместная управленческая деятельность руководителей как объект социально-психологического изучения и воздействия (В соавторстве с Г.М. Мануйловым и С.Ю. Флоровским) // Проблемы эффективности высшего технического образования. Рыбинск, 1997. С. 76-80.
247. Особенности социально-перцептивных процессов в управлении на предприятиях (В соавторстве с Р.Б. Гительмахером, Н.В. Волковой) // Актуальные проблемы в области психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1997. С. 25-28.
248. Предисловие к книге Страхова В.И., Седова К.Ф. От внимания к учебному процессу. Саратов: МАПН, 1997. С. 3-4.
249. Предисловие к книге Бондаренко Г.В., Страхова В.И. Экологическое сознание. Саратов, 1997. С. 3-4.
250. Предисловие к книге Страхова В.И., Милехина А.В. Темпоральность-внимание. Ч. 1. Саратов: МАПН, 1997. С. 3-4.
251. Предисловие к книге Страхова В.И., Прохорова А.О., Козача В.В. Внимание. Психические состояния. Интеллигентность. Саратов, 1997. С. 3-5.
252. Предисловие к Бюллетеню МАПН. Вып. 5. С. 3-5.
253. Психологический пульс современной России // Бюллетень МАПН. Вып. 5. С. 6-16.

- 254.** Методология интеракции в социальной психологии (В соавторстве с Г.М. Мануйловым) // Бюллетень МАПН. Вып. 5. С. 43-45.
- 255.** Интеракция в организаторской деятельности руководителя (В соавторстве с А.Б. Зайцевым и Г.М. Мануйловым) Бюллетень МАПН. Вып. 5. С. 55-57.
- 256.** Социальная психология в практике деятельности служб публичных релейшенз (В соавторстве с И.Ю. Никольской) Бюллетень МАПН. Вып. 5. С. 152-157.
- 257.** Взаимоотношения людей в организации (на предприятии) (В соавторстве с Ж. Герином). Ярославль: МАПН, 1997. 44 с.
- 258.** Предисловие к книге «Люди и деньги» (Отношение различных социальных групп к деньгам). Ярославль: МАПН, 1997. С. 3-5.

1998

- 259.** Быть верным традициям отечественной социальной психологии (В соавторстве с В.В. Марченко, Г.М. Мануйловым) // Вестник КГПУ, 1998. № 1. С. 6-7.
- 260.** Конфликты в предпринимательской деятельности (В соавторстве с В.В. Марченко) // Вестник КГПУ, 1998. № 1. С. 81-82.
- 261.** Предисловие к выходу в свет VI выпуска Бюллетеня МАПН (В соавторстве с В.И. Страховым, А.Н. Дониным) // Бюллетень МАПН. Вып. VI. Саратов, 1998. С. 4.
- 262.** Личность священнослужителя как объект социально-психологического исследования (В соавторстве с М.А. Разумовской) // Педагогическая практика: опыт и перспективы. Саратов, 1998. С. 150-156.
- 263.** Конфликты в предпринимательской деятельности (В соавторстве с В.В. Марченко) // Человек. Власть. Общество. Материалы Азиатско-тихоокеанского Международного конгресса психологов. Хабаровск, 1998. С. 68-70.
- 264.** Необходимость и особенность личностного подхода в современной общественной психологии // Человек. Власть. Общество. Материалы Азиатско-тихоокеанского Междунар. конгресса психологов. Хабаровск, 1998. С. 80-83.
- 265.** Основной организатор конгресса психологов // Информационный бюллетень. Человек. Власть. Общество. 21-24.05. 1998. Хабаровск: Дальний Восток, 1998. С. 7.
- 266.** Введение к сборнику Материалов Азиатско-тихоокеанского Международного конгресса психологов (В соавторстве с С.А. Чернышевым) // Информационный бюллетень. Человек. Власть. Общество. 21-24.05. 1998. Хабаровск: Дальний Восток, 1998. С. 5.

267. Взгляд современного историка // В.Г. Анисков. Библиография и историография ученого. Юбилейный выпуск. Уфа, 1998. С. 31-36.
268. Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука (монография). Изд. 2., исправл. и дополн. М., 1998. 465 с.
269. К вопросу о традициях отечественной социальной психологии (В соавторстве с В.В. Марченко, Г.М. Мануйловым) // Ежегодник РПО «Психология и практика». Т. 4. Вып. 1. Ярославль, 1998. С. 129.
270. Методологические основы синергетического подхода в психологии (В соавторстве с Н.В. Волковой, Е.А. Назаровским) // Ежегодник РПО «Психология и практика». Т. 4. Вып. 4. С. 140-147.
271. Особенности отношения молодежи к социально-экономической ситуации в российском обществе (В соавторстве с С.И. Ериной, Е.Г. Ветчинной) // Ежегодник РПО «Психология и практика». Т. 4. Вып. 4. С. 143-146.
272. Кризис единой национальной идеи и возвращение к объекту социальной психологии (В соавторстве с И.А. Ивановой) // Ежегодник РПО «Психология и практика». Т. 4. Вып. 4. С. 138-143.
273. Молодежь и рыночные отношения (В соавторстве с С.И. Ериной, Н.М. Рехвиашвили) // Ежегодник РПО «Психология и практика». Т. 4. Вып. 4. С. 146-148.
274. Удовлетворенность взаимоотношениями руководителей и подчиненных на приватизированных российских предприятиях (В соавторстве с А.Б. Зайцевым, Г.М. Мануйловым) // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Т. 11. Тверь, 1998. С. 20-24.
275. Проблемы современной социальной психологии // Феномен личности и группы. Ч. 1. Кострома, 1998. С. 12-15.
276. Инновационное проектирование труда на предприятиях в условиях рынка (В соавторстве с Г.М. Мануйловым) // Феномен личности и группы. Ч. 2. Кострома, 1998. С. 3-5.
277. Слово к читателям // Вопросы практической психологии. Вып. 12. Саратов, 1998. С. 9-10.
278. Проектирование организации труда на предприятиях в условиях рынка (В соавторстве с Г.М. Мануйловым) // Вестник Балтийской Академии. Вып. 19. СПб., 1998. С. 7-9.
279. Российская социальная психология сегодня // Вестник Международной Академии Наук высшей школы. М., 1998. № 2. С. 77-82.
280. Взгляд современного историка // Библиография и историография ученого. Уфа: ВЭГУ, 1998. С. 31-36.
281. Конфликты в предпринимательстве. Учебное пособие. (В соавт. с В.В. Марченко). Ярославль: МАПН, 1998. 90 с.

- 282.** Социально-психологические аспекты управления производственной организацией (учебное пособие) / Под ред. В.В. Новикова. Составлено студентами специализации «социальная психология». Ярославль: МАПН, 1998. 96 с.
- 283.** Девиантное поведение и кризис национальной идеи воспитания // Девиантное поведение подростков. М.-Тверь, 1998. С. 5-8.
- 284.** Феномен жертвенности (В соавт. с М.А. Рутковским) // В.Г. Анисков. Война и судьба российского крестьянства. Вологда-Ярославль, 1998. С. 247-
- 285.** Некоторые теоретические и методологические особенности психологии управления в государственных и предпринимательских структурах (В соавт. с В.В. Марченко, Г.М. Мануйловым) // Там же, С. 191-199.
- 286.** О системе понятий и методов современной социальной психологии (В соавт. с В.В. Марченко, Г.М. Мануйловым) // Там же, С. 215-222.
- 287.** О взаимоотношениях руководителей и подчиненных на приватизированных предприятиях (В соавт. с А.Б. Зайцевым, Г.М. Мануйловым) // Там же, С. 8-14.

1999

- 288.** О феноменологии психосоциальных представлений в социальной психологии XXI века: Пленарный доклад Международному симпозиуму «Социальная психология – XXI век». Ярославль, 1999. 40 с.
- 289.** Теория и практика психологического управления производственной организацией в кризисном обществе: Дис...докт. эконом. наук. Ярославль, 1999. 90 с.
- 290.** Обращение к читателю // Психология и эргономика. Ярославль-Тверь, 1999. Вып. 3. С. 2.
- 291.** Актуальные проблемы социальной психологии // Психотехнологии в образовательном процессе. Кострома, 1999. Ч. 3. С. 5-8.
- 292.** «Провинциальная психология» в России (В соавторстве с А.Н. Дониным и В.И. Страховым) // Бюллетень МАПН. Саратов, 1999. С. 6-12.
- 293.** Кризис единой национальной идеи и возвращение к объекту социальной психологии // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 1. С. 3-6.
- 294.** Современная социальная психология и развитие организаций // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 2. С. 15-20.
- 295.** О феноменологии психосоциальных представлений... // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 3. С. 3-9.
- 296.** Проектирование организации труда на предприятии в условиях рынка (В соавторстве с Г.М. Мануйловым) // Вестник Балтийской Академии. СПб., 1999. Вып. 19. С. 5-7.

- 297.** Некоторые вопросы экономической психологии малого города (В соавторстве с Е.А. Мельником) // Мат-лы междунароод симп. «Социальная психология – XXI век». Ярославль: МАПН, 1999. Т. 2. С. 86-88.
- 298.** Современная социальная психология и развитие организаций // Мат-лы междунароод симп. «Социальная психология – XXI век». Ярославль: МАПН, 1999. Т. 2. С. 141-151.
- 299.** Социальная психология, организация, управление: единство теории и практики // Мат-лы международного симпозиума «Социальная психология – XXI век». Ярославль: МАПН, 1999. Т. 2. С. 151-159.
- 300.** Некоторые аспекты отношения молодежи к деньгам (В соавторстве с С.И. Ериной, Н.М. Рехвиашвили) // Мат-лы международного симпозиума «Социальная психология – XXI век». Т. 2. Ярославль: МАПН. С. 159-162.
- 301.** Социальное развитие малого города (В соавт. с Е.А. Мельником) // Сборник трудов, посвященных 80-летию И.Х. Лейбовича. Тверь, 1999.
- 302.** Экономическая социализация личности как актуальная проблема современного образования (В соавторстве с Е.А. Углановой) // Мат-лы межрегиональной научно-практ. конф. «Психотехнологии в образовательном процессе». Ч. 2. Кострома: КГУ, МАПН, 1999. С. 5-6.
- 303.** Поисковый характер социально-экономического развития современного малого города. (В соавторстве с Е.А.Мельником)// Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. Том 12. Тверь, 1999. С. 12-17.
- 304.** В преддверии 2-го съезда РПО // История и развитие психологического образования в г. Твери и области. Тверь, 1999. С. 129-139.
- 305.** Особенности системы монетарных ценностей современной российской женщины (В соавторстве с Е.А. Углановой) // Тезисы Международной научно-практической конференции «Женщины в политике и управлении: история и современность». Иваново, 18-19 октября 1999 г. Иваново, 1999. С. 100-102.
- 306.** Еще раз о кризисе национальной идеи воспитания (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Психотехнологии в образовательном процессе. Ч. 3. Кострома, 1999. С. 33-35.
- 307.** Актуальные проблемы социальной психологии // Психотехнологии в образовательном процессе. Ч. 3. Кострома, 1999. С. 51-53.
- 308.** Очерки истории становления и современное состояние психологии предпринимательства (В соавторстве с В.В. Марченко). Ярославль: МАПН, 1999. 42 с.

2000

- 309.** Психологическое управление в России (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С.
- 310.** Из истории корпоративного взаимодействия психологов, экономистов и управленцев (В соавторстве с Г.М. Мануйловым, В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С. 18-20.
- 311.** Социально-психологические отношения в производственном коллективе (В соавторстве с Г.М. Мануйловым, В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С. 21-23.
- 312.** Психологические проблемы найма, расстановки и оценки деятельности персонала (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Психология и экономика. Калуга, 2000. С.435-438
- 313.** К вопросу о национальной идее воспитания // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С. 24-27.
- 314.** Разделение ответственности за экономические преступления (В соавторстве с Р.Х. Шаиповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С. 48-52.
- 315.** О необходимости и неизбежности корпоративного сотрудничества психологии и экономики XXI века // Психология и экономика. Калуга, 2000. С. 3-5.
- 316.** К истории изучения предпринимательства (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Психология и экономика. Калуга, 2000. С. 50-56.
- 317.** Из истории возникновения науки психологического управления в России (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Психология и экономика. Калуга, 2000. С. 57-60.
- 318.** Опыт лонгитюдного взаимодействия психологов, экономистов и производственников (В соавторстве с Г.М. Мануйловым, В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Психология и экономика. Калуга, 2000. С.158-160.
- 319.** Методологические особенности психологии управления в государственных и предпринимательских структурах (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Б.М. Степановым, Р.Х. Шаиповым) // Проблемы психологии и эргономики. Вып. 5. Ярославль-Тверь, 2000. С.18-20.
- 320.** // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль-Тверь, 2000. Вып. 5. С.21-22.

- 321.** К истории психологического проектирования в России (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Б.М. Степановым, Р.Х. Шаиповым) // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль-Тверь, 2000. Вып. 5. С.23-25.
- 322.** И снова о социально-психологических отношениях в производственных коллективах (В соавторстве с Г.М. Мануйловым, В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Бюллетень МАПН. Вып. 9. Саратов, 2000. С.26-28.
- 323.** Психологические особенности разделения ответственности за групповые экономические преступления (В соавторстве с Р.Х. Шаиповым) // Психология и экономика. Калуга, 2000. С.361-365.
- 324.** Основные гипотезы и предпочтительные методы исследования предпринимательства (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Проблемы психологии и эргономики Ярославль-Тверь, 2000. С.29-30.
- 325.** Некоторые основные психолого-экономические аспекты поведения человека в производственной группе) // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль-Тверь, 2000. С.31-33.
- 326.** К истории изучения предпринимательства (В соавторстве с В.И. Козыревым, А.Ф. Пирожковым, Р.Х. Шаиповым) // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль-Тверь, 2000. С.34-36.
- 327.** Еще раз о кризисе национальной идеи воспитания. Проблемы психологии и эргономики. Ярославль-Тверь, 2000. С. 3-5.
- 328.** Новиков В.В., Анисимов П.Р., Козлов В.В., Мануйлов Г.М., Марченко В.В. У социальной психологии пора прорастания крыльев. Пленарный доклад Междунар. симп. «Социальная психология: теория, эксперимент, практика. Ярославль, 2000. 24 с.
- 329.** Новиков В.В. Не лидер – учитель, носитель корпоративного профессионального мнения // Ярославский психологический вестник. М.-Ярославль, 2000. Вып. 2. С. 8-15.
- 330.** Новиков В.В. Социальная психология XXI века // Звезды ярославской психологии / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль, 2000. С. 15-29.
- 331.** Новиков В.В. Социально-психологическая характеристика общностей предпринимателей // Хрестоматия. Социальная психология в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 477-485.
- 332.** Новиков В.В. Проблема предмета в социальной психологии // Социальная психология в периоды кризиса общества. Наб. Челны, 2000. С. 3-6.

333. Новиков В.В. О книге, авторах и субъективных пожеланиях // Анисков В.П., Рутковский М.А. История Ярославского края (1928-1998). Ярославль: МАПН, 2000. С. 3-5.
334. Новиков В.В., Козлов В.В. Основные векторы развития личности // Конфликт и личность в изменяющемся мире. Ижевск, 2000. С. 17-19.
335. Новиков В.В. Социальная психология вызывает к систематизации накопленного материала // Социальная психология: практика, теория, эксперимент. Практика. Т. 1. Ярославль, 2000. С. 11-20.
336. Новиков В.В., Козырев В.И., Пирожков А.Ф., Иванова И.А., Шаипов Р.Х. Методологические особенности психологии управления в государственных и предпринимательских структурах // Проблемы психологии и эргономики. Тверь-Ярославль. № 1. 2000. С. 3-6.
337. Новиков В.В., Козырев В.И., Мануйлов Г.М. Динамика психосоциальных представлений в психологии и экономике (монография). Ярославль: МАПН, 2000. 40 с .
338. Некоторые подходы к практической психологии. (в соавторстве с Козловым В.В.) Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века. Сб. тезисов юбилейной научной конференции ЯрГУ. ЯрГУ. Ярославль, 2000. 3 с.

Список литературы:

1. Козлов В.В., Мазиллов В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #1// История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 104-121.

References:

1. Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P., Kostrigin A.A. Novikov Viktor Vasil'evich: dannye bibliografii #1// Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 5. S. 104-121.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/novikovvv.php>

Сведения об авторах:

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, Президент Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия)

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Фетискин Николай Петрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии, Костромской педагогический университет им. Н.А. Некрасова (Россия)

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Поршнева Борис Федорович: данные библиографии #1

Колосова Валентина Викторовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: kovv27@mail.ru

Аннотация. В статье представлен список опубликованных в 1920 – нач. 1960-х гг. работ известного отечественного психолога и историка Б.Ф. Поршнева. Список составлен на основе книг «История и историки. Историография всеобщей истории»¹, сборника статей, библиография для которого подготовлена М.Н. Соколовой, «История и историки. Историографический ежегодник»², библиография подготовлена Е.Д. Романовой, публикаций Кондратьевой Т.Н. и О.Т. Вите. В данной статье приводится список работ, изданных на русском языке, библиография других работ учёного готовится к печати в следующих номерах журнала.

Ключевые слова: Поршнева, публикации, библиография, всеобщая история.

Porshnev Boris Fedorovich: facts of bibliography #1

Kolosova Valentina Viktorovna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: kovv27@mail.ru

Abstract. The article is a list of works published in 1920-beg. of 1960s. of famous domestic psychologist and historian B.F. Porshnev. The list is based on the books "Istorija i istoriki. Istoriografija vseobshhej istorii", collection of articles, bibliography for which prepared by M.N. Sokolova, "Istorija i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik, bibliography prepared by E.D. Romanova, and on publications of T.N. Kondratieva and O.T. Vite. This article contains a list of works, published in Russian, bibliography of other works the scientist is prepared for printing in the following issues of the journal.

Keywords: Porshnev, publications, bibliography, General history

¹ Изд-во «Наука» М., 1966. 400 с. С. 375-386.

² Изд-во «Наука» М., 1973, 408 с. С.402-406.

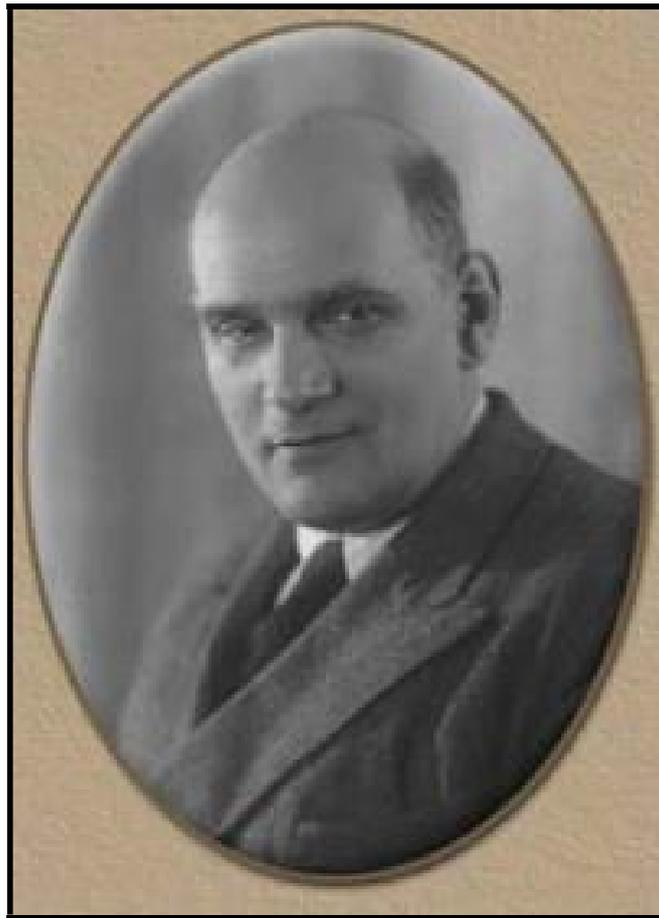

Рис. 1. Борис Федорович Поршнеv

1926

1. Горсоветы и работница. М. Л., 1926.

1928

2. Горсоветы и работница. Издание 2-е, исправленное. М.-Л., Гос. изд-во, 1928. 32 с.

1929

3. Рецензия. Парадизов П. Очерки по истории декабристов. М., 1929 // Каторга и ссылка. 1929. № 10. С. 204–210.

1930

4. Министерства в России // МСЭ³. М., 1930, т.5.

1933

³ Малая советская энциклопедия.

5. Предисловие // Перцов П.П. Литературные воспоминания, 1890-1902 гг. М.-Л., «Academia». 1933.

1934

6. Важный участок исторической науки // Книга и пролетарская революция⁴, М., 1934. №6, стр. 31-38.
7. Западноевропейская история в «Известиях Академии наук» // Книга и пролетарская революция, № 11, стр. 42-46 (Историографический обзор).
8. Рецензия: Наукообразный труд. [Рец. на кн. А.К. Дживелегов. Данте Алигиери. М., 1933] // Книга и пролетарская революция, № 6, стр. 81-85. [Псевдоним: В. Пуцин].
9. О новой библиотечно-библиографической классификации // Книга и пролетарская революция. 1934. № 12. С. 5055.

1935

10. Фронда // БСЭ (1-е изд.). М., т. 59.
11. Рецензия: Новый шаг в изучении истории Америки // Книга и пролетарская революция. № 2. С. 60-63. [Рец. на кн.: Ефимов А.В. К истории капитализма в США. Институт истории Комкадемии. Соцэкгиз.М., 1934].
12. Рецензия: Изысканно-опошленный Данте // Книга и пролетарская революция, № 3, стр. 87-90. [Рец. на кн.: Данте Алигиери. Vita Nova. Пер. с итал., введ. и примеч. А. Эфроса. М., 1934] [Псевдоним В. Пуцин].
13. Рецензия: Рецидив абстрактного социологизирования // «Книга и пролетарская революция». № 3. С. 26—29. [Рец. на кн.: В. В. Рейхардт. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.-Л., 1934].
14. Рецензия: С.Г. Лозинский. История папства. Т. I. М., 1934 // «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 1-2, стр. 239-241.

1936

15. Фактория // БСЭ (1-е изд.). М., 1936. т. 56.

1937

16. Католицизм (в средние века) // БСЭ (1-е изд.). т. 31. [Подпись: Б. П.].
17. Карл Великий // БСЭ (1-е изд.), т. 31. [Без подписи].
18. Камизары // БСЭ (1-е изд.), т. 31. [Без подписи].
19. Крепостное право (на западе в средние века) // БСЭ, т. 34. [Без подписи].

⁴ Ежемесячный критико-библиографический журнал, выходивший в Москве в 1932-40 гг.

20. Рецензия: Луи де Сен-Симон. Мемуары. Пер. и коммент. И.М. Гревса. т. II. М.-Л., 1936 // «Историк-марксист», № 5-6, стр. 234—237.

1938

21. Вопросы средневековой истории в работах Маркса // Книга и пролетарская революция. № 4. С. 95-100.
22. Восстание в Байонне в 1641 году // «Известия АН СССР. Отд. общественных наук». 1938. №°1-2. С. 95-132.
23. Кольбер Жан Батист // БСЭ (1-е изд.), т. 33. [Без подписи].
24. Компаньонажи // БСЭ, т. 33. [Без подписи].
25. Ло // БСЭ (1-е изд.), т. 37. [Без подписи].
26. Людовик XIII // БСЭ (1-е изд.), т. 37. [Без подписи].
27. Людовик XIV // БСЭ (1-е изд.), т. 37. [Без подписи].
28. Людовик XV // БСЭ (1-е изд.), т. 37. [Без подписи].
29. Людовик XVI // БСЭ (1-е изд.), т. 37. [Без подписи].
30. Мануфактура // БСЭ (1-е изд.), т. 38. [Без подписи].
31. Меркантилизм // БСЭ (1-е изд.), т. 39. [Без подписи].
32. Мюнцер Томас // БСЭ (1-е изд.), т. 40. [Без подписи].
33. Рецензия: История французского народа // Интернациональная литература, № 7. С. 178-181 [Рец. на кн.: А. Ribard. La France. Histoire d'un peuple. Paris, 1938].

1939

34. Крестьянские и плебейские восстания во Франции XVII-XVIII вв. // Историк-марксист. № 4. Стр. 85—93.
35. Нантский эдикт // БСЭ (1-е изд.), т. 41. (Без подписи).
36. Община (на западе) // БСЭ (1-е изд.), т. 42.
37. Папство (в средние века) // БСЭ (1-е изд.), т. 44.
38. Первоначальное накопление // БСЭ (1-е изд.), т. 44. (Без подписи).
39. Исторический очерк // Нидерланды // БСЭ (1-е изд.). М., 1939, т. 42 (в соавт.).
40. Рецензия: История средних веков. М., 1939. т. II. Учебник для вузов. Под ред. С.Д. Сказкина и О.Л. Вайнштейна. «Правда», 4 декабря 1939 г.

1940

41. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века // Историк-марксист. 1940. № 2. С. 91-113.

42. Народные восстания во Франции 20—40-х годов XVII века // «Учёные записки исторического факультета МОПИ», т. II. С. 3-99.
43. Цели и требования крестьян в бретонском восстании 1675 г. // «Труды МИФЛИ», т. VI. С. 42-118.
44. Исторические предпосылки развития средневековой философии. // История философии. Т. I, кн. 2. Философия феодального общества. М., 1940. С. 399-409. [Без подписи].
45. Плебейство (в средние века) // БСЭ (1-е изд.), т. 45.
46. Рабочий класс (от возникновения до промышленного переворота // БСЭ (1-е изд.), т. 47.
47. Рецензия: Вторая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса. [Архив Маркса и Энгельса, т. VI]. Под ред. М.Б. Митина. М., 1939 // Книга и пролетарская революция, № 1. С. 58—61.
48. Рецензия: Е.А. Косминский. История средних веков. Учебник для 6-7 классов средней школы. М., 1940 // «Правда», 23.XII.
49. Ред.: «Учёные записки исторического факультета МОПИ», М., 1940. т. 2.

1941

50. Проблема Фронды // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 96-105.
51. Исторические предпосылки развития буржуазной философии / В кн.: История философии, т. II. М., стр. 3-19. [Без подписи].
52. Рецензия: Третья тетрадь «Хронологических выписок» Маркса [Архив Маркса и Энгельса, т. VII]. Под ред. М. Б. Митина. М., 1941 // Большевик, № 1. С. 89-96.
53. Рецензия: О.Л. Вайнштейн. Историография средних веков // Политическая и социально-экономическая литература, № 2, стр. 41-45.
54. Предисловие к кн.: П. Мериме. Хроника времен Карла IX. М., 1941. С. 5-12.

1942

55. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году (начало и организационная форма восстания) // Сб. Средние века, вып. 1, стр. 164-183.
56. Ред.: Средние века. Сборник. Вып. 1. М.-Л. (член редколлегии. Также в последующих выпусках до вып. X).

1943

57. Завоевательные авантюры в истории Германии и гитлеровщина // Большевик. № 14. С. 37-51.

1944

58. Народные восстания во Франции в XVII в. Автореферат дисс. // «Известия АН СССР. Серия истории и философии». 1944. т. I, № 1. С. 37-39.

1945

59. Восстание в Бордо в 1675 г. // Истфак МГУ «Доклады и сообщения». М. №3. С. 3-10.
60. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 г. (развитие и программа восстания) // Исторические записки, т. 15, С. 215-246.
61. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну // Исторический журнал, № 3. С. 1-20.
62. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. II, № 5. С. 319-340.

1946

63. Народные восстания во Франции при Кольбере // Средние века. Сборник. М.-Л., Изд. АН СССР. 1946. вып. II. С. 373-404. Пер.: Paris, 1954.

1947

64. Густав Адольф и подготовка Смоленской войны // Вопросы истории, № 1. С. 53-82.
65. Ледовое побоище и всемирная история // «Доклады и сообщения истфака МГУ», № 5. С. 29-45. (В примечании отмечалось, что статья была написана к 700-летию события в 1942 г.).
66. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии (восстание в Руане) // «Ученые записки МГУ», вып. 114. С. 59-92.
67. Рецензия: Четвертая тетрадь «Хронологических выписок» Маркса [Архив Маркса и Энгельса, т. VIII]. М., 1946 // Советская книга, № 6, стр. 53-61. (Совместно с Звавич И.С.).
68. Рецензия: [Р. Мунье. Продажа должностей при Генрихе IV и Людовике XIII. Руан, 1945] // Вопросы истории, № 9, стр. 143-147.

1948

69. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. - 724 с. (Пер. на нем. яз.: Leipzig, 1954. Пер. на франц. яз.: Paris, 1963).

Рецензии:

Мосина З.В. // «Вопросы истории», 1948, № 7. С. 127-132.

Б.Г. Вебер. Б.Ф. Поршневу. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., Изд. АН СССР, 1948 // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1948, т. V, № 4. С. 382-387.

Манфред А.З. // «Советская книга», 1948, № 9. С.82-85.

Слободянюк И.Н. // «Наука и жизнь», 1950, № 4.

«Преподавание истории в школе», 1950, № 5.

Самойлов Р. [М. Я. Гефтер] // «Литературная газета», 29 марта 1950.

[...]

70. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV-XVIII вв. // Учёные записки Академии общественных наук при ЦК ВК П (б). 1948, вып. 2. С. 5-33.

71. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. V, № 6. С. 473-488.

72. Отв. ред.: К столетию революции 1848 года. Сб. статей. М., 1948.

73. Рецензия: Е.А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947 // «Советская книга», № 2. С. 70-75.

74. Рецензия: Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.-Л., 1947 // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. V, № 1, С. 125-126.

75. Рецензия: Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера // «Советская книга». № 7. С. 60-63.

76. Рецензия: Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1947// Вестник АН СССР. М., 1948, №7.

77. Рецензия: Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война. 1618-1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М., 1947 // «Советская книга», № 8. С. 58-63.

78. Отв. ред.: К столетию революции 1848 года. Сборник статей. М., 1948.

1949

79. История средних веков и указание товарища Сталина об основной черте феодального общества // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. VI, № 6. С. 521-537.

80. Абсолютизм // БСЭ, 2-е изд., т. 1.

81. Отв. ред.: К столетию революции 1848 года. Сборник статей. 2-е издание. [М.], 1949.

1950

82. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. VII, № 3. С. 205-221. (Пер. на нем. 1952, № 3).
83. Сущность феодального государства // «Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. VII, № 5. С. 418-444. (Пер. на польский 1951, № 2. Пер. на нем. 1951, № 2).
84. Рецензия: М.А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.— Л., 1949 // Вопросы истории, № 8. С. 131-134.
85. Рецензия: Я.Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949 // «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 1. С. 92-93.
86. Рецензия: Алеференко П.К. Крестьянские движения и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. М., 1948 // Вопросы истории. 1950, №8.

1951

87. Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир // Сб. «Средние века», М. -Л., Изд. АН СССР, 1951. вып. III. С. 180-216.
88. Ред.: Новая история, т. I. 1640-1789. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. [1-е издание] Под ред. В. В. Бирюковича, Б.Ф. Поршнева, С.Д. Сказкина. Автор глав: 1 [совместно с В.Ф. Семеновым], 2-3 [совместно с В.М. Лавровским], 7,8, 10 [совместно с С.Д. Сказкиным и К.Э. Кировой], 17, 20.

1952

89. Густав II Адольф // БСЭ, 2-е изд., т. 13.

1953

90. Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории» // «Вопросы истории». №4. С. 1130-142.
91. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории, 1953, № 6. С. 52—67. (Перевод на венгерский (1953), немецкий (1954), польский (1954) и румынский (1954) языки).
92. Ред.: Новая история, т. I. 1640—17189. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. Под ред. Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича. (Перевод на польский (1954), немецкий (1954), румынский (1954), латышский (1954), языки).
93. Кольбер Жан Батист // БСЭ, 2-е изд., т. 22.

94. Крестьянский кодекс // БСЭ, 2-е изд., т. 23.
95. Рецензия: История средних веков, т. I. М., 1952. (Учебник для исторических факультетов государственных ун-тов и педагогических ин-тов). Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина [Совместно с С.И. Архангельским и А.А. Зиминим] // Коммунист, № 17. С. 112-121.

1954

96. Феодализм. Краткий философский словарь. 4-е изд. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд. М. С. 504-505.
97. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. // Вопросы истории, № 5. С. 44-58. (Перевод на румынский (1954) и немецкий (1956) языки).
98. Возрастание роли народных масс в истории // «Вопросы философии», 1964, № 4. С. 14-28. Перевод на польский (1954) язык.
99. Английская революция и современная ей Франция // Английская буржуазная революция XVII в. Под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого, тт. 1-2. М. 1954. Т. 2. С. 71-89.
100. Мазаньелло // БСЭ, 2-е изд., т. 2.
101. Мазарини Джулио // БСЭ, 2-е изд., т. 26.
102. Мишле Жюль // БСЭ. 2-е изд., т. 27.
103. Монархомахи // БСЭ, 2-е изд., т. 28.
104. Огонь // БСЭ, 2-е изд., т. 30.
105. Оксеншерна Аксель // БСЭ, 2-е изд., т. 30.

1955

106. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. 1955. М., 72 с. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме). (Перевод на французский (1975) язык).
107. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955. С. 213-237.
108. Материализм и идеализм в вопросах становления человека // Вопросы философии, № 5, стр. 143-156. (Пер. на немецкий 1956).
109. О древнейшем способе получения огня // Советская этнография, 1955. № 1. С. 7-28.
110. Новые данные о высекании огня // Институт этнографии. Краткие сообщения. АН СССР, т. XXIII. С. 59-67.

111. О чём говорят эти факты? (По поводу статьи Л. Малаховой «Вскормленные зверем») // Знание – сила, № 11. С. 20-22.
112. Эпоха Коперника // Николай Коперник. Сб. статей и материалов. М., С. 33-56.
113. Ред.: Всемирная история в девяти томах, т. 1. М. (Член главной редакции и далее в тт. 2-10).
114. Рецензия: Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества // Коммунист, № 9. С. 107-116. (Рец. на кн.: Historia mundi t. 1-2. Bern, 1952-53). [Совместно с М.Г. Левиным и В.В. Струве].

1956

115. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. 207 с. (Перевод на китайский (1958), чешский (1959), румынский (1967) и французский (1979) языки).
- Рецензии:
- Козлов Г. // Коммунист, 1957, № 9.
- Морозов Ф. // Вопросы экономики, 1958, № 11.
- Козловский В. // Вопросы экономики, 1962, № 9.
- Серовайский Я.Д. // Ученые записки Казахского пед. ин-та. 1959. т. 39, вып. 5.
116. Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию // Сб. Средние века, вып. VIII. С. 319-347.
117. Борьба вокруг Шведско-Русского союза в 1631-1632 гг. // Скандинавский сборник», т. I. Таллин. 1956. С. 11-71.
118. Тридцатилетняя война, 1618-1648 // БСЭ, 2-е изд., т. 43.
119. Фронда // БЭС, 2-е изд., т. 45. (Без подписи).

1957

120. «Вторая Фронда» и английская республика // Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Е.В. Тарле. 1957. М., стр. 52-71.
121. Швеция и Вестфальский мир // Скандинавский сборник, т. II. Таллин. С. 93-136.
122. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР, 1957. № 5. С. 112-140.
123. Еще к вопросу о становлении человека // Советская антропология, 1957, №2. С. 256-262.
124. Научные встречи в Париже (заметки советского историка) // Новая и новейшая история, 1957. № 4. С. 268-270.

125. На съезде австрийских историков (Клагенфурт, сентябрь 1956) // Новая и новейшая история, № 1, С. 180-181.
126. Ред.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Е.В. Тарле. М., 1957. (Член редколлегии).
127. Ред.: Журнал «Новая и новейшая история». В следующие годы член редколлегии.

1958

128. Вопросы классовой борьбы пролетариата в «Капитале» Маркса // Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей памяти академика А.М. Панкратовой. М. С. 631-647. Перевод на румынский (1960) язык.
129. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества // Вопросы истории, № 2. С. 139-156.
130. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры // Вестник истории мировой культуры, № 2 (8). С. 25-44.
131. Феодално-абсолютистская Франция во второй половине XVII в. // Всемирная история, т. V. М. С. 108-143.
132. Кальвин и кальвинизм // Вопросы истории религии и атеизма, 1958. Вып. 6. С. 261-290.
133. Спиноза // Всемирная история, т. V. М., С. 102-105.
134. Легенды? Но, может, они достоверны! // Комсомольская правда, 11 июля.
135. Предисловие и отв. ред. Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». М., АН СССР, 1958, вып. 1-2 (Перевод на немецкий (1961) и итальянский (1965) языки).
136. Поездка во Францию // Новая и новейшая история. 1958. № 3. С. 209-210.

1959

137. К истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны // «Французский ежегодник, 1958». М., С. 56-72.
138. Со страниц древних рукописей // Комсомольская правда. М., 07 июня 1959.
139. Загадка «Снежного человека» // Современный Восток. М., 1959, №8-9.
140. Ред.: «Французский ежегодник, 1968». М. (Чл. ред.). (Также в последующих выпусках).
141. Предисловие и отв. ред.: Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке», вып. 3-4. М.

1960

142. В.И. Ленин о ранних буржуазных революциях // Новая и новейшая история, № 2. С. 50-66.
143. Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны // Вопросы истории. № 10. С. 56-75. (Перевод на румынский (1961) язык).
144. Два открытия или одно? // Знание – сила. № 2. С. 18-21.
145. Ред.: Из истории революционной борьбы. Сб. статей. М. (Член редколлегии).

1961

146. Основные проблемы изучения новой истории // Новая и новейшая история, № 6. С. 30-44. (Перевод на венгерский (1962) язык).
147. К итогам дискуссии о чартизме // Новая и новейшая история, 1961. № 2. С. 119-125 (редакционная статья).
148. Ускорение ритма истории // Проблемы мира и социализма. 1961. № 12. С. 76-77.
149. Международный коллоквиум в Париже // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 188-189.
150. Коллоквиум, посвященный изучению Бабефа и бабувизма // Французский ежегодник, 1960. М., С. 275-280.
151. Кисть неизвестного высшего примата // Природа. № 2. С. 61-63. [Совместно с Г.П. Дементьевым и М.Ф. Нестурхом].
152. Рецензия: Жордания Г. Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в., ч. 1-2. Тбилиси // Вопросы истории. № 4. С. 133-140.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/porshnevbfb.php>

Сведения об авторе:

Колосова Валентина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Некрополь

Кащенко Петр Петрович: некрополь

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Московский государственный университет дизайна и технологии;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Представлены фотографии могилы Петра Петровича Кащенко (1859-1920), известного психиатра и общественного деятеля в области психиатрии.

Ключевые слова: Кащенко, некрополь, история психологии, история психиатрии, Новодевичье кладбище

Kaschenko Petr Petrovich: necropolis

Kostrigin Artem Andreevich

Solzhenitsyn Russian Abroad House;

Moscow State University of Design and Technology;

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The article presents the photos of grave of Petr Petrovich Kaschenko (1859-1920)? a prominent psychiatrist and public figure in psychiatry.

Keywords: Kaschenko, necropolis, history of psychology, history of psychiatry, Novodevichy Cemetery

Петр Петрович Кащенко умер 19 февраля 1920 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (4 участок, 41 ряд).

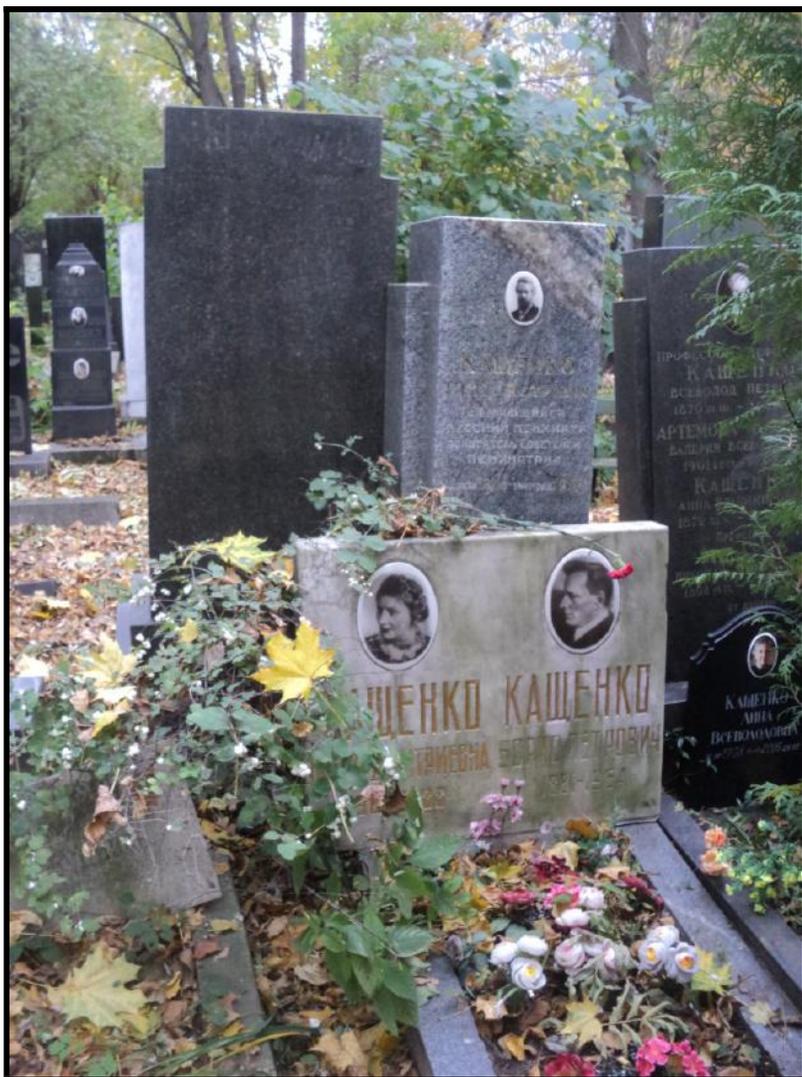

Рис. 1. Могила П.П. Кащенко на Новодевичьем кладбище в Москве (Правообладатель фото – А.А. Костригин)

Рис. 2. Могила П.П. Кащенко на Новодевичьем кладбище в Москве (Правообладатель фото – А.А. Костригин)

Рис. 3. Могила П.П. Кащенко на Новодевичьем кладбище в Москве (Правообладатель фото – А.А. Костригин)

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/kaschenkopp.php>

Сведения об авторе:

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Возвращение памяти...

Открытие рубрики «Возвращение памяти...»

Мазиллов Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Московский государственный университет дизайна и технологии;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Авторы открывают новую рубрику журнала «Возвращение памяти...», посвященной репрессиям и идеологическому давлению на ученых-психологов и на психологическую науку. Обосновывается моральная и исследовательская важность данного направления.

Ключевые слова: рубрика, Возвращение памяти, репрессии, идеология, история психологии

Opening of section “Retrieval of memory...”

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Kostrigin Artem Andreevich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;

Moscow State University of Design and Technology, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The authors open a new section of the journal «Retrieval of memory...» dedicated to the repression and ideological pressure on psychologists and psychological science. The article substantiates the moral and research importance of this direction.

Keywords: section, Retrieval of memory, repression, ideology, history of psychology

*Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.*

Анна Ахматова

Уважаемые коллеги!

Мы открываем новую рубрику «Возвращение памяти...», в которой будут публиковаться материалы, посвященные идеологическому давлению, «чисткам» и репрессиям, которые совершались в отношении российских (советских) психологов.

Несмотря на сложность и, подчас, избегание этой темы как в социуме, так и в научном сообществе, в данной сфере присутствуют примеры важнейших и значимых попыток разработки данной проблематики (поиска архивных документов, составление биобиблиографических списков репрессированных в различных отраслях культуры, науки и искусства, описание судьбы науки под гнетом идеологии): А.А. Матышев «Энциклопедия репрессированных авторов, 1917-1987» [5; 6; 7]; Проект Мемориала «Жертвы политического террора в СССР» [1]; Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина (ред.) «Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991)» [3]; База новомучеников, ведущаяся Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом [8]; И.Г. Арэфьева (сост.) «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР» [11]; Формозов А.А. «Русские археологи в период тоталитаризма: историографический очерк» [12]; М.Г. Ярошевский (ред.) «Репрессированная наука» [9] и др.

Опираясь на этот опыт и руководствуясь словами Анны Ахматовой – «назвать всех поименно», научный коллектив журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест» начинает собственную деятельность по изучению судеб репрессированных ученых в области психологии и приглашает к сотрудничеству всех занимающихся данным вопросом.

Редакционная коллегия считает, что эта рубрика в журнале совершенно необходима.

Моральный долг ныне живущих психологов состоит, в частности, в сохранении памяти о тех коллегах, чья профессиональная деятельность полностью или частично была прервана и нарушена по независящим от самого человека причинам.

Редколлегия полагает, что открытие этой рубрики – это не просто восстановление исторической справедливости, согласно которой в науке должны остаться все имена людей, внесших вклад в развитие психологической науки и практики. Редколлегия полагает, что полная история психологии складывается из совокупности всех высказанных идей, гипотез, смыслов, исследований, осуществленных в психологическом сообществе. Только весь спектр идей и мнений дает адекватное представление о развитии науки [4], без учета всех составляющих психологического знания в обществе картина не будет полной. Обратим внимание, что преследованиям в тоталитарном обществе могут подвергаться не только отдельные личности, но и целые группы, направления в психологической науке. Такого рода искусственное вмешательство в развитие науки нарушает логику развития психологии в целом, возникают диспропорции в развитии. Выявить их важно для понимания исторического процесса в психологии и для постижения логики развития психологического знания.

Начиная с этого номера журнала, будет издаваться продолжающийся список-словарь репрессированных психологов в формате статьи со сквозным заголовком «К списку российских репрессированных психологов (#1/2/3...)». Эта работа, в определенном смысле, не имеет определенного срока и объема, то и невозможно сразу сделать окончательный список: каждый раз, когда редколлегия журнала или внешние авторы обнаружат новые имена, сведения или документы, связанные с жертвами политических репрессий, данный материал будет публиковаться под именем автора и со сквозным заголовком под очередным номером.

В этом номере журнала будет опубликована первая статья «К списку российских репрессированных психологов #1» (Н.Ю. Стоюхина) [10], где автор начнет составление будущего биобиблиографического словаря репрессированных психологов, публикация которого, надеемся, когда-нибудь состоится.

Также в данной рубрике будут публиковаться архивные документы и другие материалы, свидетельствующие о различных фактах политических репрессий и идеологического давления на психологическую науку, образование и практику. Так, А.А. Костригин представит документы о «Деле по чистке (по проверке социального состава) аппарата института экспериментальной

психологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук (РАНИОН)» [2].

Приглашаем специалистов в данной области, а также всех неравнодушных к сотрудничеству в деле «Возвращения памяти...».

Список литературы:

1. Жертвы политического террора в СССР: компакт-диск с данными о репрессированных. М.: Звенья, 2007.
2. Костригин А.А. «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. №1. С. 108-138.
3. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
4. Мазилев В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии // Ребенок и пространство: Семь шагов к истине / Под ред. В.В.Козлова. М.:МАПН, 1996, с. 58-71
5. Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов, 1917-1987: Биобиблиография советской трагедии: доарестные книги на русском языке авторов, репрессированных коммунистическим режимом : 3 т. Т. 1: А-Б. СПб., 2012. 640 с.
6. Матышев А. А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917-1987: Биобиблиография советской трагедии: доарестные книги на русском языке авторов, репрессированных коммунистическим режимом: 3 т. Т. 2: В-Г. СПб., 2013. 767 с.
7. Матышев А. А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917-1987: Биобиблиография советской трагедии: доарестные книги на русском языке авторов, репрессированных коммунистическим режимом: 3 т. Т. 3: Д-Е. СПб., 2014. 656 с.
8. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. База новомучеников. URL: <http://martyrs.pstbi.ru/>
9. Репрессированная наука. Выпуск II/ Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994. 315 с.

10. Стоюхина Н.Ю. К списку репрессированных психологов #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. №1. С. 90-107
11. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. ст. / Рос. АН, Отд-ние истории, Арх. РАН; Сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева. М. : Наука, 1995. 251 с.
12. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографический очерк. Москва: Знак, 2006. 341 с.

References:

1. Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR: kompakt-disk s dannymi o repressirovannyh. M.: Zven'ja, 2007.
2. Kostigin A.A. «Rabota v celom ne udalas'»: Delo po chistke apparata Instituta jeksperimental'noj psihologii v 1930 g. (arhivnye materialy) // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. №1. S.
3. Ljudi i sud'by. Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov - zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917-1991). Izd. podgotovili Ja. V. Vasil'kov, M. Ju. Sorokina. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 496 s.
4. Mazilov V.A. Russkaja pravoslavnaja filosofija, filosofskaja psihologija i metodologicheskie problemy sovremennoj psihologii // Rebenok i prostranstvo: Sem' shagov k istine / Pod red. V.V.Kozlova. M.:MAPN, 1996, s. 58-71
5. Matyshev A.A. Jenciklopedija repressirovannyh avtorov, 1917-1987: Biobibliografija sovetskoj tragedii: doarestnye knigi na russkom jazyke avtorov, repressirovannyh kommunisticheskim rezhimom: 3 t. T.1: A-B.SPb.,2012.640s.
6. Matyshev A.A. Jenciklopedija repressirovannyh avtorov. 1917-1987: Biobibliografija sovetskoj tragedii: doarestnye knigi na russkom jazyke avtorov, repressirovannyh kommunisticheskim rezhimom: 3 t. T.2: V-G. SPb.,2013.767s.
7. Matyshev A. A. Jenciklopedija repressirovannyh avtorov. 1917-1987: Biobibliografija sovetskoj tragedii: doarestnye knigi na russkom jazyke avtorov, repressirovannyh kommunisticheskim rezhimom: 3 t. T. 3: D-E.SPb.,2014.656s.
8. Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij Bogoslovskij institut. Baza novomuchenikov. URL: <http://martyrs.pstbi.ru/>
9. Repressirovannaja nauka. Vypusk II/ Red. M.G. Jaroshevskij. Red.-sost. A.I. Melua. SPb.: Nauka, 1994. 315 s.
10. Stojuhina N.Ju. K spisku repressirovannyh psihologov #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. №1. S.

11. Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR: Sb. st. / Ros. AN, Otd-nie istorii, Arh. RAN; Sost., avt. predisl. I. G. Aref'eva. M. : Nauka, 1995. 251 s.
12. Formozov A.A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskij ocherk. Moskva: Znak, 2006. 341 s.

Сведения об авторах:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

К списку репрессированных психологов #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В данной статье, начинающей новую рубрику «Возвращение памяти...», делается попытка создать словарные статьи для будущего биобиблиографического словаря репрессированных психологов на примере имен психотехников 1920-1930-х гг. И.Н. Дьякова, Н.В. Петровского, Д.И. Рейтынбарга. Их приговоры – расстрел, ссылка – привели к замалчиванию, забыванию самих людей, их имен, судеб, книг, теперь это наша забота.

Ключевые слова: история психологии, репрессии, список, биография, библиография, советская психология, И.Н. Дьяков, Н.В. Петровский, Д.И. Рейтынбарг

To list of oppressed psychologists #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The article starting a new section "Retriev of memory ..." is an attempt to create vocabulary entries for the future biobibliographical dictionary of oppressed psychologists on an example of names of psychotechnicians of 1920-1930. – I.N. Dyakov, N.V. Petrovsky, D.I. Reytynbarg. Their sentences – execution and exile – resulted in silencing, forgetting the people themselves, their names, the fate of books, now it's our concern.

Keywords: history of psychology, repression, list, biography, bibliography, Soviet psychology, I.N. Dyakov, N.V. Petrovsky, D.I. Reytynbarg

...История, как через сито,
Не всех пускает в век другой.
И сколько скрытых и забытых,
И обойденных стороной,
Отдавших дни свои и ночи
Для беспокойных дел людских...
Ю. Адрианов

Начиная новую рубрику «Возвращение памяти...», позволю сказать немного личного...

Говорят, что великая китайская поэзия пришла в упадок после потери связи с предшествующей традицией, когда люди перестали понимать многозначность иероглифов и начали считывать только первый план. Во многом современные психологи так и видят психологию, а историки психологии видят палимпсест, когда из каждого, вроде бы понятного исторического факта, как на древнем пергаменте, проступает неожиданный смысл, доступный лишь тем, кто открыт к познанию прошлого; и усиливается ощущение разнообразия психологии как системы, включающей и психологов, и исследования, и институты, ощущение того, насколько она была разветвлена. Понимаешь, что российская психология не исчерпывается именами тех ученых, известных нам из учебников, и даже тех, чье имя и чью судьбу узнаешь сама в результате поиска...

Воскрешение памяти о незаслуженно забытых психологах прошлого – обязанность нас, ныне живущих. Взяв на вооружение простую мысль – ты можешь рассчитывать на беспристрастность потомков, когда извлечешь из небытия хотя бы одного предшественника – считаю своим долгом доступными мне средствами бороться за восстановление имен несправедливо оболганных и невинно осужденных наших коллег из прошлого, писать о них и их деятельности непредвзято, насколько это возможно.

Последние несколько лет мои занятия историей советской психотехникой, абсолютной психологической «Атлантидой», такой же неизвестной и загадочной, привело к пониманию следующих положений:

- память о 1920-30-х гг. раздроблена, фрагментарна, уходяща, вытеснена на периферию массового сознания;
- много оборванных судеб;
- оборваны даже имена;

- исчезло срединное поле психологов, в памяти остались только Великие, а для обычного развития науки нужен и «подлесок», а не только «мачтовые сосны»;
- сложно разделить палачей и жертв;
- в учебниках тема закрытия психотехники присутствует как исторически детерминированное и безальтернативное решение государственной задачи;
- вся система психологии 1920-30-х гг. словно «залинкована», где множество реальных персонажей встречаются на ограниченном пространстве, пересекаясь, ты словно ходишь по гиперссылкам;
- полученные знания о каждом «открытом» психологе превращается в драматическую историю;
- при чтении современных исследований часто появляется вопрос к их авторам: зачем это сделано? это было до вас, и не хуже...

Начинаем рубрику с разговора о трех психотехниках, чьи разные судьбы все же оказались сходны в одном: их имена либо совсем неизвестны современным психологам, либо звучат совсем не громко, хотя в 1920-30-х гг. их деятельность была заметна коллегам. И снова возвращаясь к поэту,

Пусть незаметны эти лепты,
Пусть в строках не звучит набат,
Но классики без них нелепы,
Как генералы без солдат.
(Ю. Адрианов)

ДЬЯКОВ Иван Николаевич (8/20 октября 1881, г. Новочеркасск – 10 октября 1937, г. Москва, Донское кладбище), психолог, педолог, психотехник.

Окончил Новочеркасскую мужскую гимназию (1902-1910) с золотой медалью, учился на философско-психологическом отделении историко-филологического факультета Московского университета (1910-1915). Над сочинением «Критика учения Джемса о личности и единстве сознания» работал в Берлине (лето 1913) и удостоен факультетом золотой медали (1913). Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии и психологии (1915-1919) и преподавал в московских гимназиях логику, психологию и русскую литературу.

Первая научная работа – «Проблема взаимоотношения субстанции и времени» (1917), затем ряд критических статей в журнале «Психологическое обозрение». Преподаватель Донского педагогического института (1919), профессор по кафедре философии и психологии, декан внешкольного факультета (1920).

Рис. 1. И.Н. Дьяков во время обучения в Московском университете (фото из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ); публикуется впервые)¹

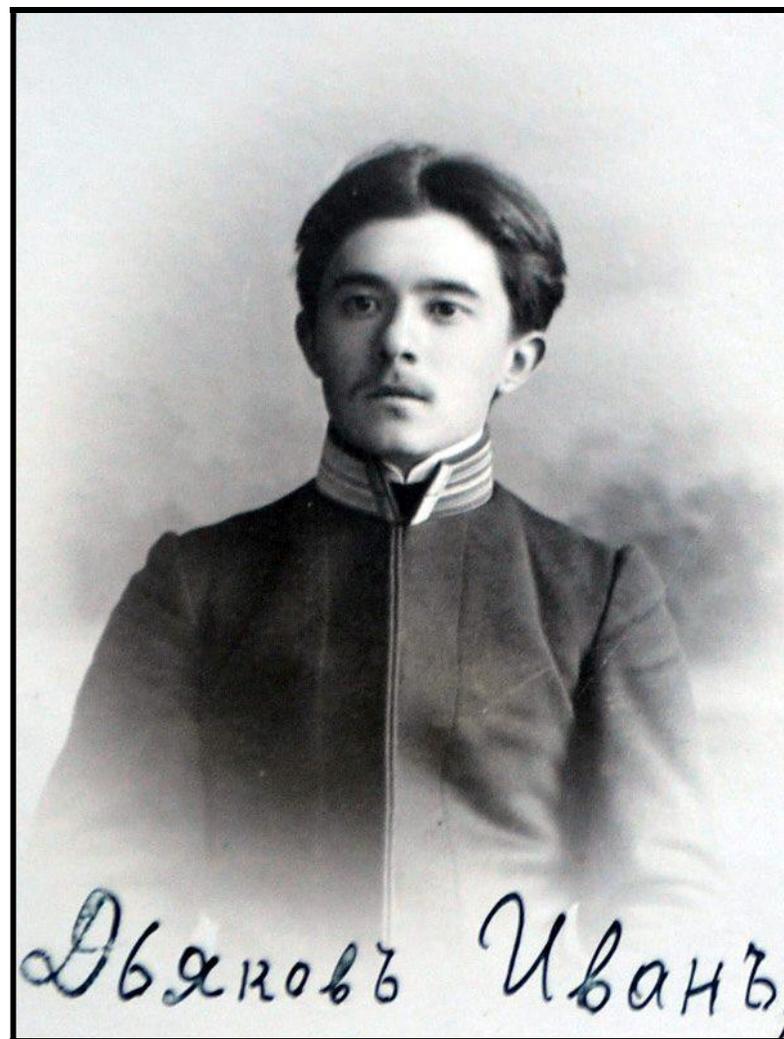

Рис. 2. И.Н. Дьяков во время обучения в Московском университете (фото из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ); публикуется впервые)

¹ За фото И.Н. Дьякова благодарим Марину Юрьевну Сорокину

Рис. 3. Фото И.Н. Дьякова из следственного дела
(Источник:

[http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu2vCyefe6UW88UfG0Ve8eieu0ZceXb**\)](http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu2vCyefe6UW88UfG0Ve8eieu0ZceXb**))

Старший научный сотрудник Института научной философии 1-го МГУ (1921), заведующий Педагогическим курсами про Главпрофобре, старший научный сотрудник и действительный член Центрального педологического института (1921-1923), выступает на педологической секции Второго всероссийского психоневрологического съезда (03.01-19.01.1924 г., Ленинград) с докладом «Развитие социального сознания ребенка». Профессор психологии Витебского педагогического института (1923), старший научный сотрудник и профессор Государственного института физической культуры (1924-1925); заведующий психотехнической лабораторией Московского коммунального хозяйства (1926-1929); заместитель директора, профессор Психотехнического

института автодорожной безопасности (1929-1932); старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института Центросоюза и Центрального автодорожного института (1933-1935).

Член-корреспондент Государственной Академии художественных наук (1927), штатный действительный член Академии (1930), где в Комиссии по изучению художественного восприятия читал доклады «Интуитивная эстетика природы Кнута Гамсуна, «К вопросу о природе творчества», в группе по экспериментальному изучению ритма – «Проблема ритма у Бюхера», в Кабинете по изучению примитивного искусства – «Метод исследования интеллектуального развития детей по их рисункам» (1927-1928). Участник I Всесоюзном съезде по психотехнике и психофизиологии труда (20.05-25.05.1931, Ленинград).

Преподавал курс психологии в Ярославском педагогическом институте (наездами); вел специальную научную тему в Психологическом институте – «Психология грамматики и синтаксиса» (Москва) (1935-1936).

Автор более 30 работ по психодиагностике, психологии утомления, искусству художественной рекламы, дорожной безопасности; создатель аппаратов: пневматический ртутный динамометр для исследования физической взаимосвязи и энергетического фона; сигнализационный ламповый тахистоскоп; психотехнический экспериментальный экран.

Арестован 4.08.1937 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической казачьей организации и в подготовке терактов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. 10.09.1937 приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР. Захоронен в Москве, на Донском кладбище. Реабилитирован 20.10.1956.

Отец: Николай Иванович (ум. 1935, Ленинград), преподаватель Донского кадетского корпуса Новочеркасской станицы, надворный советник; с 1920 – профессор математики в Донском политехническом институте. Мать: Елена Васильевна (урожд. Персиянова). Сестры: Елизавета (род. 1885), Нина (род. 1886), Ксения (род. 1890), Мария (род. 1894), Анна (1895), Наталья род. 1897); братья: Николай (род. 1883), Василий (род. 1888), Дмитрий (род. 1884), Иван (род. 1891).

Основные публикации

1. Дьяков И.П. Критика учения В. Джемса о личности и единство сознания. Кандидатская работа, удостоенная золотой медали Московского университета в 1913 г.

2. Дьяков И.П. Проблема взаимоотношения субстанции и времени (Свобода, стремление и творчество в свете мирового всеединства). Этюд. М, 1917.
3. Дьяков И.П. Вундт В. Проблема психологии народов. Москва. 1912 // Психологическое обозрение. 1917.
4. Дьяков И.Н. Проблема достоверности познания в современной философии // Труды Донского педагогического института. (Новочеркасск) 1921.
5. Дьяков И.Н. Экземплярский В.М. Проблема одаренности. Москва, 1923 // Путь просвещения. Шлях освіти. (Харьков) 1924. Дьяков И.П. Городские подземные железные дороги (метрополитен) // Коммунальное хозяйство. 1924.
6. Дьяков И.П. Искусство художественной рекламы в городской жизни России и Запада // Коммунальное хозяйство. 1925.
7. Дьяков И.П. Реклама как фактор организации городской жизни // Коммунальное хозяйство. 1925.
8. Дьяков И.П. Городская жизнь и утомление // Коммунальное хозяйство. 1925.
9. Дьяков И.П. Постановка психотехнического подбора и квалификации обслуживающего персонала автопредприятий МКХ и психотехнической рационализации движения в Москве // Коммунальное хозяйство. 1925.
10. Дьяков И.П. Методы психотехнического отбора работников городского транспорта // Коммунальное хозяйство. 1925.
11. Дьяков И.Н., Петровский Н.В., Рудик П.А. Психология шахматной игры на основе психотехнических испытаний участников Международного шахматного турнира в Москве в 1925 г. М., 1926 г.
12. Дьяков И.П. Психотехнические испытания на автомобильном транспорте // Коммунальное хозяйство. 1926.
13. Тесты педологического отдела ИМШР: тесты 1-8 / Сост. Н.А. Бухгольц, И.Н. Дьяков, А.М. Шуберт: Институт методов школьной работы. М.: Новая Москва, 1926.
14. Дьяков И.П. Изучение кривой работы школьника. Сб.: Вопросы НОТ в школе. Сб. 1. Под ред. С.В. Иванова. Л.: Брокгауз-Ефрон. 1926.
15. Дьяков И.П. Психофизический организм человека как рабочая машина / Сб.: Выбор профессии и школа / Под ред. Рыбникова. М., 1926. 112 с.
16. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте // Коммунальное хозяйство. 1927, 1928, 1929.
17. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. М., 1928.

18. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Ответ т. Шпильрейну (на его критику по поводу статьи авторов «Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте») // Коммунальное хозяйство. 1928.
19. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Исследование утомления шоферов, вагоновожатых и кондукторов психотехнической лабораторией МКХ // Коммунальное хозяйство. 1929.
20. Дьяков И.П. Экспериментальное психофизиологическое исследование регулятора коллективного поведения // Психоневрологические науки в СССР. Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. М., 1930.
21. Дьяков И.Н. Предупреждение автомобильных катастроф. М., 1931.
22. Дьяков И.П. Развитие коммунального транспорта в Москве и Ленинграде // Транспорт и дороги города. 1933.
23. Дьяков И.Н., Мкрчанц С.А. Сигнальные дорожные знаки для регулирования безопасности автогужевого движения. М.: Стандартгиз, 1935.
24. Дьяков И.Н. Борьба с аварийностью силами автохозяйств. М., 1936.
25. Дьяков И.Н. Индустриальный метод в психотехнике / Труды психотехнической лаборатории МКХ под ред. И.Н. Дьякова

Петровский Николай Васильевич (11 февраля /30 января 1890 г., с. Раменки Рязанской губернии – ?), психолог, психотехник.

После окончания Зарайского духовного училища и Рязанской духовной семинарии (1910) поступил в Московский университет на историко-филологический факультет; выбрав специальностью философию и психологию, занимался в семинариях Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова. Окончил университет (1915) с золотой медалью за дипломную работу «Критика современной функциональной психологии» и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии и психологии. Преподавал философские дисциплины в московских гимназиях, вечерне-воскресных классах для мытищинских заводов, народном Богородском университете «Труд и наука» (с 1915). 1919-1921 гг. – преподаватель психологии и экспериментальной психологии в Нижегородском государственном университете, декан историко-филологического факультета, профессор по кафедре психологии и логики.

Рис. 4. Н.В. Петровский во время обучения в Московском университете (фото из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ);) (1910). Фото публикуется впервые¹

Рис. 5. Н.В. Петровский во время обучения в Московском университете (фото из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ);) (1915)

¹ За фото Н.В. Петровского благодарим Марину Юрьевну Сорокину

Участник Первого Всероссийского съезда по психоневрологии (10-15.01.1923, Москва) – доклад «Психологическая природа сознания реальности», Второго Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (03-10.01.1924, Петроград) – доклады «Принцип ассоциаций в психологии», «экспериментальное исследование процессов восприятия».

В 1920-е гг., работая в Государственном институте физической культуры, Институте профзаболеваний ми. Обуха, психотехнической лаборатории Московского коммунального хозяйства, занимался масштабными психотехническими исследованиями, изучая психологические качества шахматистов, профессиограмму шоферов, вагоновожатых, контролеров, учеников школ коммунального хозяйства и моторную одаренность подростков-учеников ФЗУ. Выступал популяризатором психологических и психотехнических знаний, рассказывая в книгах о массовом тестировании в армии США, о важности выбора профессии. Как член Государственной академии художественных наук выступал с докладами в Комиссии по изучению истории эстетических учений – «Философские предпосылки эстетики Шеллинга» и в Комиссии по изучению художественного творчества – «Психологические данные к вопросу о происхождении орнамента» (1927).

Арестован (октябрь 1930) и осужден (03.09.1931) по статье 58-11 как участник и один из организаторов церковно-политического центра Всесоюзной контрреволюционной монархической организации «Истинно-православная церковь». Отбывал срок в Свирьлаге. Дата смерти не известна.

Отец: Василий Федорович (род. 1859), учитель и законоучитель начальных народных школ и приходского училища, священник Богородицерождественской церкви в С. Раменки. Мать: Анфиса Ивановна (род. 1860), из семьи священника. Сестры: Нина (род. 1885), учительница в земской школе, Елизавета (1887), Мария (род. 1891), учительница в церковно-приходской школе, Капитолина (род. 1892), Вера (род. 1900). Братья: Иоанн (род. 1896), окончил Рязанскую духовную семинарию.

Женился в 1914 г.

Основные публикации:

1. Петровский Н.В. И. Лапшин. О перевоплощаемости в художественном творчестве. Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. 161-262 стр. // Психологическое обозрение. 1918.
2. Петровский Н.В. Thod. Lipps. Zur Einfühlung. Psychologische Untersuchungen, В. II, Н. 2, и. 3 // Психологическое обозрение. 1918.

3. Петровский Н.В. Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке. М., 1925.
4. Дьяков И.Н., Петровский Н.В., Рудик П.А. Психология шахматной игры на основе психотехнических испытаний участников Международного шахматного турнира в Москве в 1925 г. М., 1926.
5. Дьяков И.Н. Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. М.: Мосрекламсправиздат, 1928.
6. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте // Коммунальное хозяйство. 1927, 1928, 1929.
7. Петровский Н.В. К вопросу об исследовании моторной одаренности / Рабочий подросток и выбор профессии. М., 1928.
8. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Ответ т. Шпильрейну (на его критику по поводу статьи авторов «Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте») // Коммунальное хозяйство. 1928.
9. Петровский Н.В. Выбор профессии и одаренность. Популярный очерк с приложением примерных тестов. М.-Л.: Московский рабочий, 1929.

Рейтынбарг Давид Исаакович (3.05.1899, г. Ровно, Польша (ныне – Украина) -1977, г. Москва) – психолог, психотехник, специалист в области психологии воздействия.

Родился в семье служащего, мать домохозяйка. По окончании городского училища и гимназии в Екатеринославе (сейчас – Днепропетровск), учился там же в педагогическом институте. Учитель в колонии для беспризорных еврейских детей в подмосковной Малаховке (начало 1920-х). 1923-1925 – внештатный сотрудник Лаборатории промышленной психотехники НКТ СССР, одновременно обучение на педагогическом факультет 2-го МГУ; 1925-1935 – заведующий Кабинетом по борьбе с промышленным травматизмом в Московском институте охраны труда. Участвовал в написании книги «Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона» (1928) вместе с Шпильрейном И.Н. и Нецким Г.О. Был членом Ассоциации работников рекламы при Доме печати. Разрабатывал тему рекламы и плаката как средства воздействия на человека для обеспечения безопасности труда, подготовив и опубликовав множество статей. Подготовил диссертацию «Плакат по безопасности труда в СССР и за границей» (1931).

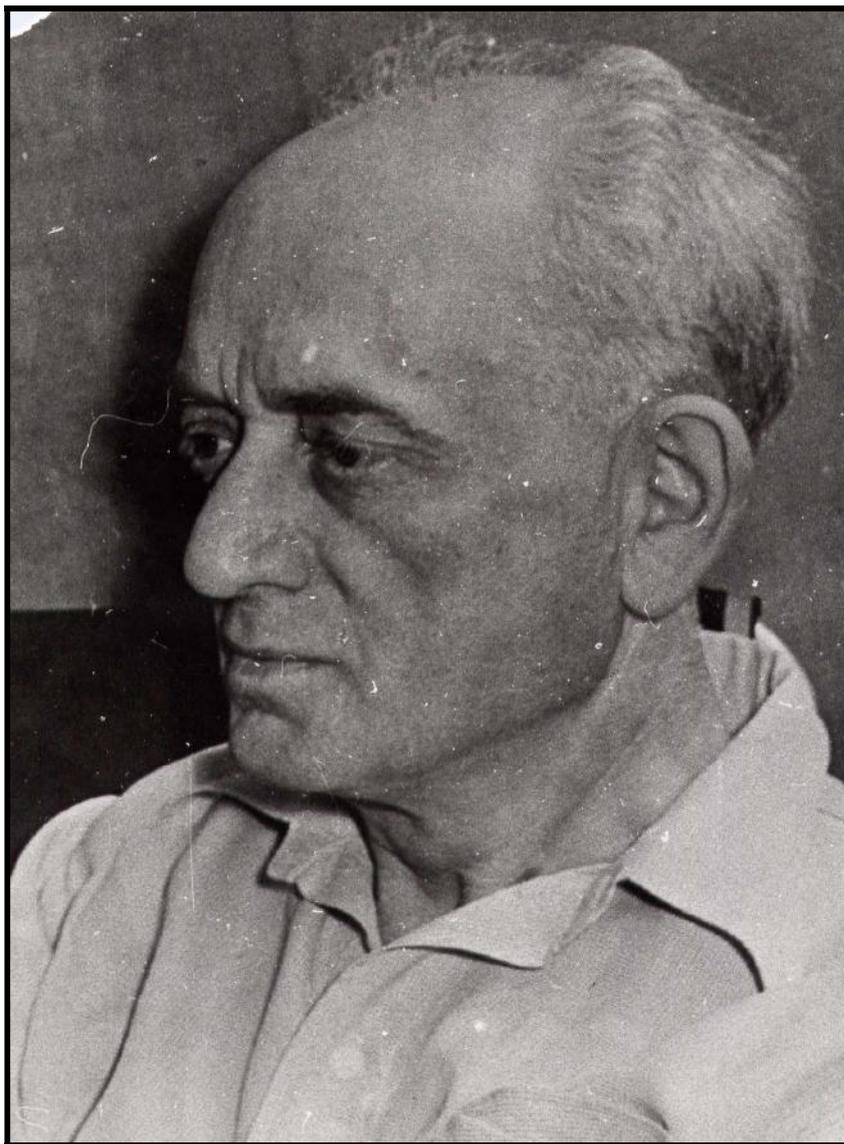

Рис. 6. Давид Исаакович Рейтынбарг¹

Первый арест по обвинению в контрреволюционной деятельности – январь 1935. Срок отбывал на строительстве Сегежского лесобумхимкомбината (Карелия); был освобожден досрочно (1938), но остался там вольнонаемным. Начав с нормировщика, меньше чем через год, дослужился до начальника отдела охраны труда и техники безопасности. Во время ВОВ эвакуировался с комбинатом в г. Тавда, затем в г. Минусинск. Потом, благодаря хлопотам С.Г. Геллерштейна, стал заведовать отделением трудотерапии в Кисегачском госпитале. После войны несколько лет работал как специалист в области трудотерапии в госпиталях Ивановской, Владимирской, Московской областей. 1948 – старший научный сотрудник Центрального института санитарного просвещения. Арестован повторно в 1950. Вернулся в институт после общей реабилитации в 1956.

¹ За фото Д.И. Рейтынбарга благодарим Ольгу Геннадьевну Носкову

Умер в 1977, похоронен на Долгопрудненском кладбище.

Брат: Филипп; эмигрировал вместе с матерью в США в 1920-х. Сестра: Лия Исааковна Рейтынбарг, редактор в литературном издательстве (род. 1902). Жена: в 1-м браке: Нехама Самойловна Геллер (1894, г. Ковно – 1944, Москва), редактор отдела словарей в редакции БСЭ; во 2-м браке: Лиза Ровер-Лосьева, сотрудник Института санитарного просвещения. Дочь: Прима Давидовна Рейтынбарг (род. 18.03.1926), врач-эпидемиолог, живет в США.

Основные публикации:

1. Рейтынбарг Д.И. К вопросу об организации испытания профпригодности // Вопросы труда. 1923.
2. Рейтынбарг Д. Гуго Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь. Пер. с нем. М., 1924 // Гигиена труда. 1924.
3. Рейтынбарг Д. С.С. Чахотин. Организация, принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. М., 1924. 196 с. // Книгоноша. 1924.
4. Рейтынбарг Д.И. Наша реклама // Время. 1925.
5. Рейтынбарг Д.И., Гейвесман Р.М., Минц Р.В. Организационный труд. Хрестоматия по организации труда для внешкольного чтения. М., 1925.
6. Рейтынбарг Д. Газета как реклама // Журналист. 1925.
7. Рейтынбарг Д. «Нигде кроме...» // Журналист. 1925.
8. Рейтынбарг Д. Надпись на плакате (Опыт статистики плаката) // Журналист. 1927.
9. Рейтынбарг Д. Техника плаката // Культурный фронт. 1927.
10. Рейтынбарг Д. Hendrik de Man. Der Kampf um die Arbeitsfreude. Гендрик де Ман. Борьба за радость труда. Исследование 78 высказываний промышленных рабочих и служащих. Иена, 1927. 291 стр. // Вопросы труда. 1928.
11. Рейтынбарг Д. Полундра. Жизнь пожарных. М., 1928.
12. Рейтынбарг Д. Ритмическое оформление рекламы (Ритмическая марка) // Советское искусство. 1928.
13. Шпильрейн И.Н., Рейтынбарг Д.И., Нецкий Г.О. Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М.-Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1928.
14. Рейтынбарг Д.И. Материалы к библиографии рекламы и пропаганды, в частности пропаганды безопасности // Вестник Казанского института НОТ. 1929.

15. Рейтынбарг Д.И. Ф. Баумгартен. Испытания профессиональной пригодности. Теория и практика. 1928. 742 с. // Гигиена, безопасность и патология труда. 1929.
16. Рейтынбарг Д. К вопросу об издании плакатов по технике безопасности, профессиональной гигиене и социальному страхованию // Вопросы просвещения по охране труда и социального страхования. Сборник материалов под ред. дир-ра Центрального музея ОТ и СС НКТ СССР, РСФСР и отдела труда Моссовета д-ра О.Л. Кузнецова. М.: Вопросы труда, 1929.
17. Бурлюк Л., Геллерштейн С., Красновская Л., Рейтынбарг Д., Шпигель Ю. К вопросу о психологическом изучении несчастных случаев // Промышленный травматизм и борьба с ним: Труды и материалы Государственного института охраны труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР под общ. ред. директора института проф. С.И. Каплуна. М.-Л.: Гострудиздат, 1930.
18. Рейтынбарг Д.И. Гэрриет Э. Бэрд. Безопасность прежде всего – для школы и дома. Гильберт А. Кристиен. Безопасность прежде всего // Гигиена, безопасность и патология труда. 1930.
19. Рейтынбарг Д.И. Отзывы посетителей о выставках советских и иностранных плакатов по безопасности труда 1929 г и 1930 г. (230 анкет) // Психотехника и психофизиология труда. 1930.
20. Рейтынбарг Д.И. Реклама книги / Прикладная психология (Психология труда и психотехника). Под ред. проф. И.Н. Шпильрейна. М., 1930.
21. Рейтынбарг Д.И. Отзывы посетителей о выставках советских и иностранных плакатов по безопасности труда 1929 г и 1930 г. (230 анкет) // Психотехника и психофизиология труда. 1930.
22. Рейтынбарг Д. Массовая работа с плакатом по безопасности труда // Охрана труда. 1931.
23. Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. М., 1931.
24. Рейтынбарг Д.И. Социалистическое соревнование на снижение несчастных случаев на производстве. М., 1930.
25. Рейтынбарг Д., Макаров И. Изучение эффективности положительного и отрицательного (устрашающего) плаката по безопасности // Психотехника и психофизиология труда. 1931.
26. Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда на новом этапе (из кабинета психологии воздействия Всесоюзного центрального института оздоровления и организации труда. Доклад, прочитанный на Уральской

- психотехнической конференции в марте 1932 г.) // Советская психотехника. 1932.
27. Рейтынбарг Д.И. Профессор Меде – идеолог фашизма // Советская психотехника. 1933.
28. Рейтынбарг Д.И. Организация мастерских трудотерапии при эвакогоспиталях ВЦСПС (Из опыта нейрохирургии восстановительного госпиталя ВЦСПС). М., 1944.
29. Геллерштейн С.Г., Рейтынбарг Д.И. Восстановительная трудотерапия и трудовое обучение. Под ред. А.Н. Шабанова. М., 1948.
30. Рейтынбарг Д.И. Стоит ли рисковать? М., 1960.

Список литературы:

1. Будаков В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М.: Вече, 2014. 512 с.
2. Кольцова В.А., Носкова О.Г. Рейтынбарг Давид Исаакович / Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. 783 с. С. 389.
3. Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957): учеб. пособие; под ред. проф. Е.А. Климова / О.Г. Носкова. М.: Изд-во МГУ, 1997. 334 с.
3. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека. Ленинград, 25 января – 1 февраля 1930 г. Психотехническая секция // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3.
4. Перевыборы правления Всероссийского психотехнического общества // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3.
5. Профессора ЯГПУ. 1908-2003: биографические очерки. - Ярославль, 2003.
6. Профессора ЯГПУ. 1918-2008: биографические очерки (сост. А.В. Еремин; под ред. д-ра истор. наук, проф. М.В. Новикова). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. 220 с.
7. Рейтынбарг П. Так мы жили. Chertstoun, SC, 2013. 410 с.
8. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.) / Печатается по решению Ученого совета ННГУ. Нижний Новгород, 2013. 307 с. Сер. К 100-летию ННГУ.
9. Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. Санкт-Петербург, 2011. 232 с.

10. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие. М.: Логос, 2012. 324 с.
11. Стоюхина Н.Ю. Николай Васильевич Петровский. Биографический очерк // Психологическая диагностика. 2010. № 1. С. 63-83.
12. Стоюхина Н.Ю. Психолог И.Н. Дьяков – ученик профессора Г.И. Челпанова: один из многих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 5-6. С. 72-96.
13. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. монография. Ярославль: РИО: ЯГПУ, 2016. 429 с.
14. Стоюхина Н.Ю. Психология рекламы глазами психотехника Д.И. Рейтынбарга // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 57-62.
15. Стоюхина Н.Ю. Психотехник Н.В. Петровский: открывая заново // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 86-111.
16. Стоюхина Н.Ю. Психотехнические исследования 1920-1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // Психолог. 2015. № 1. С. 66-93.
17. Стоюхина Н.Ю. Становление гуманитарного образования в Нижегородском университете: 1919-1921 // Вестник ННГУ. 2009. № 3. С. 294-301.
18. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Д.И. Рейтынбарг: основатель психологии воздействия в советской психотехнике // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 169-178.
19. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Психотехник Д.И. Рейтынбарг – основатель психологии воздействия в СССР // Системная психология и социология. 2015. № 2(14). С. 89-99.
20. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Создание аппаратных методик как проблема советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 212-219.
21. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
22. Толчинский А., Геллерштейн С. О реорганизации лаборатории МКХ // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 2-3.

References

1. Budakov V. General Snegarev na poljah vojny i mira. M.: Veche, 2014. 512 s.
2. Kol'cova V.A., Noskova O.G. Rejtnyng David Isaakovich / Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v shesti tomah / red.-sost. L.A. Karpenko. Pod obshh red. A.V. Petrovskogo. M.: PER SJe, 2005. 783 s. S. 389.

3. Noskova O.G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917–1957): ucheb. posobie; pod red. prof. E.A. Klimova / O.G. Noskova. M.: Izd-vo MGU, 1997. 334 s.
3. Pervyj Vsesojuznyj s#ezd po izucheniju povedenija cheloveka. Leningrad, 25 janvarja – 1 fevralja 1930 g. Psihotehnicheskaja sekcija // Psihotehnika i psihofiziologija truda. 1930. № 2-3.
4. Perevybory pravlenija Vserossijskogo psihotehnicheskogo obshhestva // Psihotehnika i psihofiziologija truda. 1930. № 2-3.
5. Professora JaGPU. 1908-2003: biograficheskie ocherki. - Jaroslavl', 2003.
6. Professora JaGPU. 1918-2008: biograficheskie ocherki (sost. A.V. Eremin; pod red. d-ra istor. nauk, prof. M.V. Novikova). Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2008. 220 s.
7. Rejtnbarg P. Tak my zhili. Cherlston, SC, 2013. 410 s.
8. Stojuhina N.Ju. Vydajushiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918-1921 gg.) / Pechataetsja po resheniju Uchenogo soveta NNGU. Nizhnij Novgorod, 2013. 307 s. Ser. K 100-letiju NNGU.
9. Stojuhina N.Ju. Gumanitarnoe obrazovanie v provincii. Nizhegorodskij universitet v pervye gody sovetskoj vlasti. Sankt-Peterburg, 2011. 232 s.
10. Stojuhina N.Ju. Istorija sovetskoj psihotehniki: psihologija vozdejstvija. Uchebnoe posobie. M.: Logos, 2012. 324 s.
11. Stojuhina N.Ju. Nikolaj Vasil'evich Petrovskij. Biograficheskij ocherk // Psihologicheskaja diagnostika. 2010. № 1. S. 63-83.
12. Stojuhina N.Ju. Psiholog I.N. D'jakov – uchenik professora G.I. Chelpanova: odin iz mnogih // Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija. 2013. № 5-6. S. 72-96.
13. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. monografija. Jaroslavl': RIO: JaGPU, 2016. 429 s.
14. Stojuhina N.Ju. Psihologija reklamy glazami psihotehnika D.I. Rejtnbarga // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2014. № 11-2 (39). S. 57-62.
15. Stojuhina N.Ju. Psihotehnik N.V. Petrovskij: otkryvaja zanovo // Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija. 2015. № 6. S. 86-111.
16. Stojuhina N.Ju. Psihotehnicheskije issledovanija 1920-1930-h gg. po predotvrashheniju avarij na transporte // Psiholog. 2015. № 1. S. 66-93.
17. Stojuhina N.Ju. Stanovlenie gumanitarnogo obrazovanija v Nizhegorodskom universitete: 1919-1921 // Vestnik NNGU. 2009. № 3. S. 294-301.
18. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. D.I. Rejtnbarg: osnovatel' psihologii vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 4. S. 169-178.

19. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Psihotehnik D.I. Rejtnybnarg – osnovatel' psihologii vozdejstvija v SSSR // Sistemnaja psihologija i sociologija. 2015. № 2(14). S. 89-99.
20. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Sozdanie apparaturnyh metodik kak problema sovetskoj psihotehniki // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2016. № 6. S. 212-219.
21. Taho-Godi A.A. Losev. M.: Molodaja gvardija, 2007. 534 s.
22. Tolchinskij A., Gellershtejn S. O reorganizacii laboratorii MKH // Psihotehnika i psihofiziologija truda. 1930. № 2-3.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/oppressedpsychologists.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

«Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Московский государственный университет дизайна и технологии;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы исследования фактов репрессий и идеологического давления в сфере науки и, в частности, в психологии в советское время. Автор представляет найденные архивные материалы по «Делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии РАНИОН» в первой половине 1930 г. Отмечается, что данное дело, скорее всего, связано с «реактологической дискуссией» вокруг психологического подхода К.Н. Корнилова и его сторонников. Указываются пробелы в фактической стороне «реактологической дискуссии», на частичное восполнение которых и направлена данная работа.

Ключевые слова: идеология, чистка, Институт экспериментальной психологии, Корнилов, архивы, история психологии, советская психология, реактологическая дискуссия

"Work entirely has failed": Case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology in 1930 (archival materials)

Kostrigin Artem Andreevich

Solzhenitsyn Russian Abroad House, Russia

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;

Moscow State University of Design and Technology, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract The article discusses the problems in the study of the facts of repression and ideological pressure in the field of science and, in particular, in the psychology of the Soviet era. The author presents the archival materials on the "Case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology of RANION" in the first half of 1930s. The author notes this case is likely to be associated with "Reactological discussion" about the psychological

approach of K.N. Kornilov and his supporters. The article indicates the gaps in the factual side of "Reactological discussion", which this work is directed to fill partly.

Keywords: ideology, cleansing, Institute of Experimental Psychology, Kornilov, archives, history of psychology, Soviet psychology, Reactological discussion

Российская и советская наука имеет как выдающиеся, так и негативные страницы в собственной истории. К числу последних относятся репрессии и события идеологического давления, как на научный методологический аппарат, так и на самих ученых. Эти события и факты в последние два с половиной десятилетия постсоветского периода освещаются с достаточной полнотой и в различных сферах естественных и гуманитарных дисциплин [8; 9; 11; 12; 13; 14; 17; 26; 27; 28; 31]. В области истории психологии подобных работ не очень много [5; 29; 30], и «белые пятна» еще остаются.

В истории советской психологии примеров репрессий достаточно: высылка из страны, «рефлексологическая дискуссия», «реактологическая дискуссия», закрытие педологии, «павловская сессия», увольнения, ссылки, расстрелы и мн.др., и тем более важна работа по изучению документов, фактов и причин происходивших событий.

В данной работе будет впервые рассмотрено (без детального анализа) «Дело по чистке аппарата», связанное с Институтом экспериментальной психологии Российской академии научно-исследовательских институтов общественных наук (ИЭП РАНИОН) (сейчас – Психологический институт Российской академии образования (ПИ РАО)). ПИ РАО является первым созданным в России научным институтом по психологии, в котором происходили знаковые для отечественной психологической науки исследования и мероприятия и в котором сложились прочные традиции психологических исследований.

Здесь же происходили и не самые позитивные дни в истории науки...

«Дело по чистке (по проверке социального состава) аппарата института экспериментальной психологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук (РАНИОН)» [4] совсем не освещено в литературе. Оно происходило (по документам) с 30 апреля по 30 мая 1930 г., но, возможно, какие-то мероприятия были и до, и после этих дат.

Скорее всего, рассматриваемое дело связано с «реактологической дискуссией» и К.Н. Корниловым, однако точные документы пока нами не найдены. Попробуем восстановить ход событий.

В литературе мы можем найти следующие сведения о судьбе К.Н. Корнилова и советской психологии в данный период.

А.Н. Ждан указывает, что в данный период происходило становление марксистской психологии [6, С. 401-403], в частности, реактология Корнилова была одной из попыток создать психологию по методологии марксизма [6, С. 418, 424-427], однако в 1931 г. произошла дискуссия по реактологической психологии [6, С. 426], где ее «разгромили» как «остаток буржуазно-идеалистических теорий».

Т.Д. Марцинковская отмечает, что в 20-30-е гг. были периодом разработки педологии и психотехники, а К.Н. Корнилов предложил собственную «модификацию науки о поведении» [15, С. 491-492], однако увеличивались нападки на детскую психологию и педологию (1929-1931 гг.) [15, С. 501], и подход Корнилова «не мог привести к значительным успехам, а потому программа Корнилова через некоторое время была исчерпана, тем более что появились другие, более перспективные пути построения новой психологии, предложенные Выготским, Блонским, Лурией и другими психологами» [15, С. 492].

Д. Джоравски пишет, что К.Н. Корнилов, на которого возложили (и взявший на себя сам) задачу проектирования единой марксистской психологии, долгое время старался оправдывать ожидания, развивая реактологию, но после Первого съезда по изучению поведения человека (Ленинград, 1930 г.), где Корниловская школа предстала как «неувязанное слияние реактологии и когнитивной психологии» [31, С. 357], а сам Корнилов был «административным эклектиком» [с. 357], ученого обвинили в «отрыве теории от практики» [31, С. 357], РККИ организовала «чистку» («a purge or cleansing» [31, С. 357-358]), результат которой был изложен в статье газеты «Известия» от 20 ноября 1930 г. [22] В июне 1931 г. партия приняла резолюцию по результатам реактологической дискуссии и сняла Корнилова с поста директора ИЭП [31, С. 358]. Д. Джоравски однозначно использует термин «purge» («чистка»), но ссылается только на текст резолюции [7].

С.А. Богданчиков [2; 3] подробно описывает историографию реактологической дискуссии, комментируя и текст резолюции, и предшествующий этому процесс дискуссии между Корниловым и Челпановым, и др. его современниками относительно задач психологии (напр., см. [20]), но сама «чистка» никак не упоминается.

В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник и Б.Н. Тугайбаева осуществляют обзор содержания «реактологической дискуссии» [19, С. 77-81], но не описывают фактологическую сторону дела. Ученые справедливо отмечают: реактологии

«инкриминируется отказ от исследования психических феноменов, сведение внутреннего мира к совокупности реакций, утверждение зеркального характера отражения, игнорирование качественной специфики высших психических процессов (мышления, речи) и т.д. Конечно, эти замечания могли бы стать предметом серьезного научного обсуждения. Но не оно было задачей данной “дискуссии”. Исход в ней был заранее предопределен, и поэтому никакие научные аргументы и доводы не могли сыграть уже никакой роли. Рефлексология и реактология как самостоятельные научные направления были обречены, они приносились в жертву новой идеологии и методологии, которая уже открыто заявляла свои права на монопольное господство в области научного мировоззрения. Сам факт принудительного выделения одного подхода, одной идеи или одного методолого-теоретического основания в качестве единственного, безальтернативного, доминирующего противоречит природе науки, ее плюралистическому существу. И уж совершенно не укладывающимся в рамки законов научной жизни является запрещение, административное закрытие научного направления, даже если в научно-содержательном отношении оно характеризуется определенными недостатками» [19, С. 77-78].

О.А. Артемьева описывает социальную биографию становления отечественной психологии в период 1929-1935 гг.: «год великого перелома», резкое ужесточение партийной и государственной политики; постановление «О журнале «Под знаменем марксизма», в котором излагаются основные ориентиры развития советской науки («разработка ленинского этапа в развитии диалектического материализма, освоение ленинского философского наследства и материалистической диалектики в работах товарища Сталина» [1, С. 167]).

И.М. Кондаков так описывает процесс ухода К.Н. Корнилова из института: «В январе 1930 г. проходил I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека, созванный по решению Главнауки Наркомпроса РСФСР, под руководством Н.А. Карева, А.Б. Залкинда, И.Д. Сапира и К.Н. Корнилова. Корнилов и его ближайшие сотрудники продолжали настаивать, что именно они являются наиболее последовательными приверженцами диалектического метода в психологии. Но после «года великого перелома» (1929) начались инициированные И.В. Сталиным «повороты» на фронте естествознания и на философском фронте. И в конце 1930 г. в Институте психологии развернулась «реактологическая дискуссия», стоившая Корнилову поста директора (его занял А.Б. Залкинд), а институту – смены названия – на Государственный институт психологии, педологии, психотехники и дефектологии (ГИППИ). Летом 1931 г. состоялось партийное собрание по вопросу реактологической психологии,

проведенное по инициативе ячейки ВКП (б), на котором главной ошибкой Корнилова было признано непонимание им сущности социального обусловливания сознания человека» [10, С. 117].

А.И. Дзюра считает, что «хотя дни жизни реактологии <...> были сочтены, тем не менее К.Н. Корнилову перед самым закатом его школы было дано, пускай на время, но глотнуть-таки «воздуха победы и славы»: К.Н. Корнилов вошел в состав оргкомитета Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека («поведенческого съезда»), на котором был представлен весь цвет советской психологии - Б.Г. Ананьев, М.Я. Басов, П.П. Блонский, В.А. Вагнер, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, А.Н.Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А.Ухтомский и др.» [5, С. 20]. И после постановления ЦК ВКП (б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» (26 января 1931 г.) К.Н. Корнилов был отнесен к «меньшевиствующим идеалистам», повторив, по мнению, А.И. Дзюры, судьбу Г.И. Челпанова.

В.В. Умрихин «в красках» описывает противостояние ведущих советских психологов того времени с молодыми аспирантами – членами партии: «Наступает конец 20-х гг., и К.Н. Корнилов становится одним из первых «подсудимых» в специально организованной реактологической дискуссии. О том, что далеко не теоретическая ограниченность реактологии служит поводом ее организации, свидетельствует состав остальных «прорабатываемых» психологов: В.М. Боровский, изучавший поведение животных с позиций, близких бихевиоризму; И.Н. Шпильрейн – один из создателей советской психотехники, испытывавший влияние идей одного из крупных немецких психологов – В. Штерна; Л.С. Выготский – выдающийся советский психолог, наиболее адекватно осмысливший проблему построения психологии на основе марксизма; А.Р. Лурия, разрабатывавший в тесном контакте с Л.С. Выготским проблему культурно-исторической обусловленности сознания; наконец, <...> В.М. Бехтерев и даже косвенно И.П. Павлов – ученые, авторитет которых в мировой науке бесспорен. Кем же были обвиняемые? Ими оказались фактически все лидеры существовавших тогда направлений в советской психологии! Возникает закономерный вопрос: а судьи кто? Ими оказалась группа молодых сотрудников и аспирантов – членов партячейки ГИПППа» [29, С. 141].

Наконец, в журнале «Вопросы психологии» (№2, 1994) публиковались материалы самой реактологической дискуссии – тексты выступлений А.А. Таланкина, К.Н. Корнилова и А.Р. Лурии [21].

Рассмотренные авторы убедительно говорят о том, почему реактология была «закрыта», а Корнилов был отстранен от должности директора ИЭП.

Однако документально сам процесс этого отстранения описывается приблизительно.

На данный момент мы можем констатировать следующее:

1. 1 июня 1929 г. СНК СССР выпустило постановление «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций», которое, в частности, гласило «1. Предоставить органам рабоче-крестьянской инспекции право выносить обязательные для всех государственных учреждений и предприятий, а также кооперативных и общественных организаций, постановления по нижеследующим вопросам: а) о запрещении навсегда или на время службы во всех звеньях советского и кооперативного аппарата, а также в общественных организациях лицам, при оценке работы которых выяснилось, что она безусловно вредит интересам рабочего класса, вследствие чего оставление их на службе является абсолютно недопустимым; б) о запрещении навсегда или на время занимать должности в определенной местности или в определенном ведомстве, учреждении, предприятии или организации; в) о запрещении навсегда или на время занимать ту или иную категорию должностей в советском и кооперативном аппарате, а также в общественных организациях» [18, С. 3].

2. Первый съезд по изучению поведения человека (январь 1930 г.) [20], на котором К.Н. Корнилов и его коллеги по ИЭП защищали свои позиции в рамках марксистской психологии.

3. 30 апреля-30 мая 1930 г. – «Дело по чистке (по проверке социального состава) аппарата института экспериментальной психологии РАНИОН» [4].

4. Результаты чистки опубликованы в газете Известия (от 20.11.1930 г.) – «Реорганизация Института экспериментальной психологии» [22] (текст данной газетной заметки мы приведем в конце нашей статьи).

5. 6 июня 1931 г. – резолюция по «итогам дискуссии по реактологической психологии» [7].

Мы видим пробелы в периодах между июнем 1929 г. и январем 1930 г., между январем и апрелем 1930 г., между маем 1930 г. и июне 1931 г. Возможно, этих документов и не осталось, однако поиск будет продолжен.

Ниже мы приводим само «Дело по чистке (по проверке социального состава) аппарата института экспериментальной психологии РАНИОН».

В дальнейшем планируется публикация «Стенограмма Общего собрания сотрудников ГИЭПа, посвященного чистке сов. аппарата», материалы которой сейчас обрабатываются.

Ф. А406. Оп. 12. Д. 2505.¹

Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР). Группа труда.

Дело по чистке (по проверке социального состава) аппарата института экспериментальной психологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук (РАНИОН)

30 апреля 1930

30 мая 1930

Лист 1

ИТОГИ ПРОВЕРКИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

25-го мая 1930 г. группа, выделенная Комиссией по чистке аппарата РАНИОН в составе т.т. Эппельбаума, Малинского, Вольного, Лебединского и комиссии содействия т.т. Ансона, Таланкина и Можайкина.

Группой было проведено одно общее собрание научных работников, и аспирантов и технич. персонала, 4 собрания секций, кроме того, был проведен ряд бесед с руководителями секций, аспирантами и научными сотрудниками.

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ИНСТИТУТА

Ин-т Психологии входящий в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) ставил перед собой задачи:

- 1) Подготовку высоко-квалифицированных научно-исследовательских кадров марксистов в области психологии для ВУЗов и научных институтов и
- 2) Научно-исследовательскую работу в соответствии с нуждами социалистического строительства путем разработки актуальных и конкретных проблем по соответствующим заданиям.

¹ Орфография и пунктуация сохранены так, как это приведено в документе.

Структура аппарата

Коллегия
Директор

Учебная часть

Семинары
Практикумы
Секции

Научно-исследоват. часть

Совет
Секции

Административная часть

Делопроизводство
Хозяйственная часть
мастерские

Лист 2

Научно-вспомогательные учреждения

Фото-лаборатория
Аппаратурный фонд
Счетная часть
Лаборатория по общей психологии
-“- по детской психологии
-“- по сравнительной психологии
-“- по психотехнике

Кабинеты
Библиотека

Фактически не было разграничения между учебной работой и научно-исследовательской.

Структура Ин-та имеет следующие недостатки:

1) Как по линии подготовки кадров, так и по линии научно-исследовательской, не говоря уже об административно-финансово-хозяйственной части и общего руководства, все вопросы решались Коллегией и Советом, начиная от принципиальных и кончая мелочными вопросами.

РАБОТА КОЛЛЕГИИ

Количественный состав Коллегии – 5 человек.

Директор, являющийся Председателем Коллегии, работой не руководил. Коллегия занималась всеми вопросами, за исключением принципиальных, она в значительной мере загружена мелочными вопросами, разрешение которых должно разрешаться отдельными руководителями аппарата (Пример: выдача зарплаты, выходного пособия техническим работникам, мелкие вопросы по мастерской и др.)

За время знаменитого существования мастерских на хозрасчете Коллегия совершенно не занималась научными или учебными вопросами,

Лист 3

она превратилась в «Коллегию при мастерской». Проекты научно-исследовательских тем утверждаются Коллегией, но установление какого-нибудь контроля за их выполнением не было. Это привело к такому положению, когда после двух-трех лет экспериментирования работы отвергаются Ин-том (пример: работа Беляева «О психологии коллектива», работа Мамлеева «О судебной психологии» и др.).

По протоколам этого года можно видеть, что Коллегия занимается и такими вопросами, которые должны разрабатываться отдельными сотрудниками или в готовом виде докладываться в Совете.

Несмотря на все эти существенные недостатки Коллегия являлась единственным органом через который общественные организации Ин-та исправляли отдельные ошибки руководителей, и оказывали организующее влияние на работу Ин-та в целом.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЧАСТЬ

Делопроизводство.

Фигурирующая по штату должность технического секретаря занималась либо аспирантами Ин-та по совместительству, либо приглашенными техническими работниками. В течение последнего учебного года сменилось 3 секретаря, причем ни один из них не имел достаточной подготовки. Это, конечно, не могло не отразиться на работе этой части. Состояние делопроизводства в настоящее время характеризуется большой запущенностью (отсутствие элементарных сведений по целому ряду вопросов, научного, учебного и административного порядка). Нет правил внутреннего распорядка, нет регистрации времени прихода и ухода сотрудников и т.д.

Хозяйственная часть.

По штату полагаются т.н. хозяйственные ассистенты.

Начиная с 1923 по 1930 г. заведующего хозяйством не было. Этим делом занимались аспиранты, директор, Коллегия и др., т.к. никто из них не имеет никакого элементарного представления о хозяйственной работе вообще, то и результаты такого хозяйствования

Лист 4

не замедлили сказаться на всей работе Ин-та.

Лишь в феврале мес. 1930 г. был приглашен работник по хозяйственной части. Институт находится на территории 1-го МГУ и входит в его общее владение, и в отношении отопления, освещения и ремонта обслуживается хозяйственной частью 1-го МГУ. Ин-т занимает 4-х этажное здание, хорошо оборудованное. Большое и ценное имущество его в виде ценных заграничных аппаратов, станков, установок и т.д. никем не учитывается и не контролируется, в результате похищены ценные аппараты (список похищенного передан в МУР, где ведется следствие).

Аппаратура и ее использование

За последние годы Ин-том выписано из-за границы очень много аппаратов.

В 1927/28 г. на 3.800 р.

-“- 1928/29 г. -“- 5.700 р.

Аппаратура, как правило выписывалась безпланово. Заявки руководителей секций не проверялись и не обсуждались, с точки зрения действительной потребности Ин-та. Секции не равномерно и нецелесообразно снабжались аппаратурой (пример: важнейшая секция психотехники имеет весьма бедное оборудование). Использование аппаратуры весьма слабое, некоторые из них совершенно не использованы (пример: аппарат Зандера для наблюдения разносторонних двигательных чувств стоимостью 700 р., контактные часы с секундным пенделем стоимостью 155 р. и др.).

Как уже указано выше из-за отсутствия наблюдения похищена ценная аппаратура. Установленная аппаратура по многочисленным кабинетам и лабораториям используется крайне недостаточно. Это объясняется тем, что все научные сотрудники без исключения совмещают работу в двух и более местах, так что работе Ин-та, как не основной, уделяли слишком ограниченное

время, зачастую не бывали совсем в Ин-те. Аспирантура же (их всего 11 чел.) не может, конечно, по целому ряду причин пополнить этот пробел.

Лист 5

Выписка аппаратуры не увязана с другими организациями и научными учреждениями, которым также предоставлено право покупать ее за границей (Акад. Коммун. Воспитания, 2 МГУ, Ин-т по Кадрам ВСНХ и др.). В целях экономного расходования золотой валюты можно было бы пользоваться аппаратами уже выписанными научными учреждениями, либо сделать их силами своих мастерских, сняв с них модель.

Такая постановка дела, какая существует в Ин-те Экспериментальной Психологии ведет к ненужной и нецелесообразной трате золотой валюты.

Оценка аппаратуры устарела, переоценки до сих пор не сделано.

Финансовая часть:

Ин-т счетного аппарата не имеет, и в своих расходах является подотчетным лицом РАНИОН"а, где и сосредоточен учет доходов и расходов. Надо сказать, что со стороны бухгалтерии РАНИОН"а отсутствовал всякий контроль над правильным расходованием средств Ин-та.

Формально отпускались под отчет деньги, а Ин-т в форме авансовых отчетов отчитывался перед бухгалтерией РАНИОН"а и только такой безконтрольностью и безнадзорностью со стороны, как хозяйственной, так и бухгалтерии РАНИОН"а можно объяснить ту безобразную безхозяйственность, которая творилась в Институте. В силу неизвестных соображений, как администрации Ин-та, так и бухгалтерия РАНИОН не нашла нужды вести учет мастерской, назначив туда счетного работника.

Мастерские.

Ин-т имеет в своем распоряжении 2 мастерские: механическую и столярную.

Лист 6

Мастерские оборудованы ценными станками, и производят весьма сложные работы, начиная от ремонта и кончая изготовлением целого ряда аппаратов.

До 1927/28 г. мастерские работали два дня в неделю вследствие низкой оплаты работы (40 руб. в мес.).

Начиная с 1928 г. перешли на хоз. расчет.

Будучи совершенно безконтрольными мастерские умудрились при хорошем оборудовании, при наличии заказов принести 7.000 руб. убытку. Вместо того, чтобы заниматься исключительно выполнением заказов на аппаратуру и ее ремонта, как для Института Психологии, так и для других научных и учебных заведений, мастерские фактически занимались работой для Сухаревского рынка. Был даже приглашен инженер, и учитывая большой спрос на точные часовые механизмы сотрудники мастерской покупали такие старые механизмы на Сухаревке и пускали их в ход. Конечно, в результате качество выпускаемых приборов было весьма неудовлетворительно, но делали их столько, что некому их было продать. Благодаря полнейшей безконтрольности, рабочие мастерских стараясь выработать побольше набрали себе учеников (людей со стороны), конечно без Биржи Труда и без всякого оформления, ничего им не платя. Многие подали в суд требуя уплаты, ряд заказов научных и учебных заведений, несмотря на полученные от них деньги не выполнялись. Ряд научных учреждений вынуждены были возбудить судебные дела (Пример: Смоленский Ун-ъ, Иркутский и др.), никаких признаков учета и отчетности в мастерских не было. Мастерские под маркой Института, превратились в частную лавочку, где каждый работал для себя. В результате пришлось выделить из бюджетных средств суммы для оплаты расходов по ликвидации создавшегося недопустимого положения. Срочно выделили аспирантов, пригласили бухгалтера, Институту вместо того, чтобы заниматься своей основной работой пришлось клянчить и просить соответствующие учреждения о прекращении судебного дела, чтобы как-нибудь выйти.

Лист 7

из тупика.

Выяснить доходы и расходы мастерских за хозрасчетное время не представляется возможным, т.к. не было человека, который занимался бы этим делом. Машинисткой Института велись книги, но их бухгалтерскими назвать нельзя, т.к. суммы имеют сплошь и рядом помарки, подчистки и переносы с страницы на страницу.

С марта мес. по октябрь 1929 г. книги совсем не велись, кассовая книга велась на листе бумаги. При такой постановке дела Комиссии удалось установить задолженность за рядом лиц учреждений имеющую двухлетнюю давность (Пример: Уманский Техникум должен с 28 г. 81 руб., Бутылев должен 92 руб. 45 коп.) и т.д. Следует обратить внимание, что выявлены в 1928 г.

специально приглашенным бухгалтером доходы в 1610 руб. 59 коп. был оставлен Институтом в качестве специальных средств, что является незаконным, т.к. согласно инструкции о спецсредствах последние подлежат регистрации Наркомфина РСФСР. Деньги эти хранились в учреждении, в то время как Институт обязан был хранить их на текущих счетах в банке.

Предложение РКИ по жалобе тов. Можайкина Институтом не выполнено. В настоящее время мастерские работой на сторону не занимаются, выполняя ремонт аппаратуры Института.

В Ы В О Д Ы :

- 1) Мастерские работали без руководства и контроля.
- 2) Отсутствует учет.
- 3) Нет производственного плана.
- 4) Отсутствие норм работы.
- 5) Слабая нагрузка в мастерских.

Лист 8

Ш Т А Т Ы

1927/28 г.

Действительных членов	– 4
Научн. сотр. 1 разр.	– 14
Админ.-технич. персон. и обслужив. персонал	– 5
Аспирантов	– 27

1928/29 г.

Действительных членов	– 4
Научн. сотр. 1 разр.	– 13
Админ.-технич. персон. и обслужив. персонал	– 10
Аспирантов	– 22

1929/30 г.

Действительных членов	– 4
Научн. сотр. 1 разр.	– 12
Админ.-технич. персон. и обслужив. персонал	– 14
Аспирантов	– 11

Эти данные показывают, что как состав научных работников, а в особенности состав аспирантуры в количественном отношении из года в год понижается, особенно резкое падение количества аспирантов (27/28г. – 27 ч., в 29/30 – 11 ч.).

Такое положение при исключительно благоприятных условиях (помещение, лаборатория, оборудование), как для научно-исследовательской работы, так и для подготовки кадров, указывает о значительном, ничем не обоснованном свертывании работы Института.

Лист 9

БЮДЖЕТ

Если взять примерно бюджет Института за последние два года, то он представится в следующем виде:

1928/29 г. – 83.381 р.

1929/30 г. (на 1-УП-30 г.) – 57.791 р.

Примечание: В смету не входят расходы по заграничному оборудованию, за которое рассчитывается непосредственно Наркомпрос.

Т.к. Институт не имел собственного счетного аппарата, то говорить о точной цифре бюджета не приходится, т.к. Президиум РАНИОН”а ни разу не считал нужным определить точный бюджет Института, а отпуск средств на те или иные нужды Института проходил случайно, безпланово и безсистемно.

РУКОВОДСТВО ПРЕЗИДИУМА РАНИОН

Институт представлен Президиумом РАНИОН”а директором и аспирантов, как представителями от аспирантов РАНИОН”а.

Директор в силу своей перегруженности систематического участия в работе Президиума не принимал, являясь только на заседания по вызову и в тех случаях, когда разрешались вопросы касающиеся Института. Руководство Президиума было чисто формальное, на бумаге. Только таким руководством можно объяснить ряд ненормальностей, имевших и имеющих место в работе Института (безхозяйственность, недостаточная продуктивность и малочисленность аспирантов).

Президиум РАНИОН”а ни в какой мере не направлял работы Института, удовлетворяясь официальными ежегодными отчетами и представлениями сведений о работе. Контроля над выполнением постановлений Президиума не было.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТАРуководство.

Всей научно-исследовательской работой руководят Коллегия и Совет Института. Совет представляет из себя общее собрание всех научных сотрудников 1 разр. и аспирантов, собирающихся один раз в декаду.

Фактически же научно-исследовательской работой никто не руководил и никто за нее не отвечал. Если посмотреть и проверить работу Совета, Коллегии, то мы увидим отсутствие плановости, системы и перспективы. Никто не знает точно место и роль Института в научно-исследовательской работе. Руководство в лице Совета и Коллегии не сумели поставить перед научными сотрудниками Института конкретно разработанный план исследовательской работы, действительно отвечающий нуждам и потребностям социалистического строительства страны.

СОСТАВ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Для анализа проследим состав научных работников примерно за 3 года:

В 1927/28 г.

– действительных членов		– 4
из них членов партии	– 1	
беспартийных –	– 3	
– научных сотрудников 1р. –		– 14
из них членов партии –	– 3	
беспартийных –	– 11	

В 1928/29 г.

– действительных членов		– 4
из них членов партии –	– 1	
беспартийных –	– 3	
– научных сотрудников 1р.		– 13
из них членов партии –	– 3	
беспартийных –	– 10	

Лист 11

В 1929/30 г.

– действительных членов		– 4
из них членов партии	– 1	
беспартийных	– 3	
– научных сотрудников 1р.		– 12
из них членов партии	– 4	
беспартийных	– 18	

Следует отметить, что все научные работники без исключения не являются основными работниками Института, так как совмещают в трех и более местах, что исключает возможность организации планомерной научно-исследовательской работы, не говоря уже о том, что этим составом ни в какой мере нельзя разрешить проблему подготовки кадров (18 научных работников в 1927/28 г. и 16 – в 1930 г.). Следует отметить слабость партийной прослойки. Из 16-ти научных работников – 5 членов партии.

Производственные планы.

Если посмотреть на ежегодные планы Института, то вы увидите, что они отражают лишь те работы, которыми занимаются в настоящее время научные работники, или те работы над которыми думают работать те или иные научные сотрудники согласно их личного заявления и выбора.

По существу говоря Институт не имеет пятилетнего плана своей работы. Существующий план ни в какой степени не отражает должного развертывания работы, как по линии научно-исследовательской, так и по линии подготовки кадров. Вскользь сказано несколько слов о работе Секции Психо-техники (важнейшая секция). Между прочим сказано о разработке вопросов профотбора и на этом успокаиваются. Конкретных указаний на то, какие темы должен разрабатывать Институт, как он должен конкретно помочь социалистическому строительству, нет.

Лист 12

По линии подготовки кадров.

Пятилетний план выносит пожелание о ежегодном увеличении количества аспирантов на 20%. Фактически подготовка кадров совершенно не занимает места в пятилетнем плане Института. Смехотворность такого процента

увеличения количества аспирантов идет в противовес директивам партии и Госплану.

По линии научно-исследовательской.

Пятилетний план предусматривает ежегодное увеличение количества научных сотрудников и действительных членов на 25%. Так с 1928/29 г. по 1932/33 г. число научных сотрудников в абсолютных цифрах должно возрасти:

колич.	1928/29 г.	1932/33 г.
Действительных членов	5	16
Научных сотрудников I р.	11	36
Научных сотрудников II р.	2	38
Администр.-технич. персонала	15	46
Аспирантов	32	40

Из этих данных видно, что при выполнении плана, вспомогательный научный персонал увеличится в 19 раз (в 28/29 г. – 2, в 32/33 – 38).

Административно-технический персонал увеличится в 3 с лишним раза (в 28/29 г. – 15, в 32/33 г. – 46), в то же время основное ядро работников, которые фактически должны провести все намеченные по плану работы возрастут примерно в 3 раза. Таких показателей, которые наглядно показывают смехотворность, нереальность и непригодность такого плана, можно привести много. Пятилетний план работы Института Экспериментальной Психологии ни в какой степени не учитывает культурное строительство страны, цифры взяты с потолка, если вся работа Института будет протекать по такому плану, то это приведет к неизбежному свертыванию работ Института и в силу этого полной ликвидации самого Института.

Лист 13

Результаты такой плановости быстро сказались. За отсутствием четкости и конкретности в план включается ряд новых тем без учета сил и средств (пример: работа на Каучуке), давшая ничтожные результаты. Работа по обслуживанию нужд различных учреждений (красная армия, Главполитпросвет, ВСНХ и др.), каковая является важнейшей частью работы Института, отражена в плане одной фразы «необходимо расширить работу Института в смысле обслуживания различных учреждений».

Выполнения плана.

Основная работа Института за последний год на тему: «Личность коренного Московского пролетария» была связана с фабрикой «Каучук». Еще в 1929 г. решили исследовать фабрики «Каучук», однако до февраля мес. тек. года не было предпринято никаких практических шагов для ознакомления с этим предприятием. Работа в целом пока не удалась. Аспиранты были предоставлены сами себе и никакого руководства со стороны Совета и Коллегии, как в методологическом, так и в практическом отношении не было. Намеченные пятилетним планом научно-исследовательские работы Секции Психотехники в области профотбора не выполнены до сего дня. Намеченное по планам значительное увеличение количества научных сотрудников и аспирантов не проведено в жизнь.

	По плану на 29/30 г.	фактически на 29/30 г.
Действительных членов	7	4
Научных сотрудников I разр.	15	12
Аспирантов	34	11

Лист 14Работа секций

Научно-исследовательская работа Института проводится в 4-х секциях: 1) Секция общей психологии, 2) Секция сравнительной психологии, 3) Секция детской психологии и 4) Психо-техническая секция. Как правило секции между собой, как в методологической, так и в практической работе плохо увязаны. Некоторые секции дублируют работы других. Так, часто практические вопросы ставятся на секции общей психологии, а теоретические в секциях, разрабатывающих проблемы прикладной психологии (пример: Общие секции разрабатывают вопросы, как-то: политпросветработа, плакат и др., в то же время психо-техническая секция разрабатывает такие методологические темы, как проблемы упразднения и т.д.), отсутствие связи между секциями приводит к тому, что возникающие методологические споры не были разрешены в организованном порядке. Такие частные, неоформленные споры не приводят к положительным результатам и отрицательно влияют на всю работу Института в целом.

Секция общей психологии.

Пред.-Директор Института – Корнилов. Как самая большая секция включала в себя большинство научных сотрудников и аспирантов. За последний год, секция как таковая не работала, будучи подмененной Советом Института. Проведенная работа на заводе «Каучук» не дала желаемых результатов. Планы работ составлялись товарищами не знавшими производства. Научные сотрудники часто не бывали на заводе и организационно-практической работы не вели.

Недостатки.

- 1) Отсутствие методологической установки,
- 2) Отсутствие плановости,
- 3) Нет связи с другими секциями

Лист 15

Секция сравнительной психологии.

Секция существует с 1923 г. До настоящего времени не имеет ни одного штатного научного сотрудника, кроме председателя секции. В секции работают трое (аспиранты). Работа Секции слабая. Характерно отметить, что за последний год работа велась без руководителей, т.е. единственный руководитель и научный сотрудник провел большую часть года в заграничной командировке. Несмотря на наличие помещений (Институт занимает 4-х этажное здание) до сих пор не ведется работа с такими животными, как собаки, обезьяны и др. по причинам отсутствия подходящего помещения. Нет увязки с другими секциями. Работа секции исключительно теоретическая. Практические работы крайне незначительны. Недостатки следующие:

- 1) Отсутствие научных сотрудников
- 2) Отсутствие связи с другими секциями
- 3) Мало практических работ

Секция детской психологии.

Были проработаны две коллективные темы; причем привлекались работники других секций. По количеству работ ей не уделялось достаточно внимания внутри Института. Руководство в секциях хромает в методологическом отношении.

Заведующий секцией – Рыбников, главным образом занят в другом месте.

Недостатки:

- 1) Малочисленный состав научных сотрудников
- 2) Методологическая невыдержанность
- 3) Нет связи с детскими воспитательными организациями

Лист 16

Психо-техническая Секция.

Секция, как наиболее важная в смысле конкретного служения социалистическому строительству страны вела весьма слабую работу, занимая в жизни Института более чем скромное место. При ее штате, состоящем из одного научного сотрудника и одного аспиранта смешно было бы говорить о какой-нибудь значительной, планомерной работе. Секция оторвана от ряда родственных ей научно-исследовательских центров и учреждений; призванная практически руководить работой по профподбору и профконсультации, как по линии промышленного транспорта, так и по линии сельского хозяйства, увязав все это с работой по подготовке и реконструкции рабочих кадров, Секция в этой части ничего не сделала.

Секция не имела реального, четкого плана работы, как по линии методологии, так и по линии конкретной, прикладной. Секция не занимает того места в Институте, которое должна заниматься. Секция не является методологическим центром для отдельных научных учреждений ведущих психо-техническую работу, говорить об эффективности работы не приходится. Характерно, что Секция за все время своей работы отчиталась только за 29/30 г.

Как Коллегия, так и Совет не учли значения этой Секции и не уделяли ей никакого внимания. Нужным ей оборудованием секция не удовлетворена.

В дальнейшем на работу этой Секции следует обратить сугубое внимание.

Лист 17

Идеологическая и методологическая ценность
научных работников.

Немногочисленный состав научных работников Института (всего 16 чел.) в подавляющем своем большинстве методологически не выдержан. Ряд научных работников (Добрынин, Боровский, Корнилов и др.) не овладели марксистским методом. Некоторые работники идеологически чужды (Троицкий).

Работы научных сотрудников.

Институт имеет 21 лабораторию для научно-исследовательской работы. Хорошо оборудованы. Как правило, большинство научных работников в экспериментальной работе лабораториях уделяют ничтожное количество времени, что конечно, тяжело отражается на продуктивности работы и на деятельности Ин-та в целом. Причина этому следующая: Ин-т не имеет почти ни одного научного работника, который считал-бы свою работу в Ин-те основной. Все работники без исключения совмещают работу в трех или четырех местах.

Работающие в 2-х местах: -	9 человек
-- 3-х --«-	5-6 чел.
-«- 4-х -«-	1 -«-
-«- 5-х -«-	1 -«-

Естественно, что ни о какой планомерной, плодотворной и постоянной научно-исследовательской работы говорить не приходится. Очень часто научные сотрудники совсем не бывают в Институте, а если и бывают, то на час, на два. Фактически, Ин-т Экспериментальной Психологии является проходным двором для научных работников, и подсобным учреждением (имеющим соответствующее оборудование) для тех научно-исследовательских работ, которыми научные работники занимаются по заданиям других учреждений.

Лист 18Связь с другими учреждениями.

Ин-т за время своего существования не сумел связаться с другими научными учреждениями и обществами, ведущих одну и ту же работу. Организации, нуждающиеся в конкретной помощи Ин-та, обращаются не к нему, а в другие Московские учреждения, как-то Академии Коммунистического Воспитания, 2 МГУ, Ин-т Охраны Труда и т.д., в которых работают научные работники Ин-та Экспериментальной Психологии. Это объясняется: 1) отсутствием четкой методологической установки, в силу чего Ин-т отказывался брать на себя ответственность за постановку таких работ, как проф. отбор, педологическая в школах, психотехническая работа на производстве, транспорте, и т.д. (Даже психологическая работа в области полит. просвещения и та ведется сотрудником без ответственного руководства со стороны Коллегии). 2) Отсутствием единоначалия, так как фактически директор Ин-та персонально и единолично ничего не решает.

В ы в о д ы

Институт Экспериментальной Психологии имеет ряд существенных недостатков, как по работе в области подготовки кадров, так и по линии научно-исследовательской работы. Подводя итоги деятельности Ин-та, надо сказать, что они ни в какой мере не соответствовали целям и задачам Института.

Подготовка кадров

1. Отсутствие руководства в учебной части
2. Неправильное распределение аспирантов по секциям (Секция общей психологии имеет 7 человек, а психотехническая – 2 чел.).
3. Неблагополучен социальный состав (9% рабочих, 27% служащих, 9% духовенства).
4. Неактуальность ряда работ аспирантов

Лист 19

5. Отсутствие учебных планов (работают по плану, составленному в 1925 году).
6. Отсутствие руководства в пед. практике.
7. Материальное необеспечение аспирантов.
8. Малочисленный состав аспирантуры, ни в какой мере не соответствующий пропускной способности Института.
9. Недостаток научных работников

Научно-исследовательская работы.

1. Отсутствие постоянных научн. работников и недостаточное количество их.
2. Мизерность бюджета
3. Отсутствие руководства со стороны Президиума
4. Отсутствие контроля над научно-исследовательскими работами
5. Отсутствие реальных производственных планов
6. Неработоспособность секций.
7. Методологическая невыдержанность научных работников
8. Отсутствие руководства со стороны Коллегии
9. Отсутствие связи с другими учреждениями

Адм.-финансово-хозяйственная часть.

1. Отсутствие всякого руководства
2. Полнейшая бесхозяйственность
3. Отсутствие учета
4. Отсутствие плановости в работе

Лист 20

П Р Е Д Л О Ж Е Н И Я .

Комиссия по чистке аппарата считает необходимым внести ряд предложений в целях коренного улучшения работы Института Экспериментальной Психологии:

1. Основной работой Ин-та должна стать работа по прикладной психологии / психотехники / и проф. отбора.
2. Структуру Ин-та построить следующим образом:

ДИРЕКТОР

<u>Подготовка кадров</u>	<u>Научно-исследов. часть</u>	<u>Адм.-фин. хоз. часть</u>
Теоретические семинары	Секции	Управление делами
Специальные семинары		Бухгалтерия
Практикумы		Хозяйств. часть
Секции		Мастерские
Методическое Бюро		

НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

Лаборатории, Кабинеты, Библиотека-читальня.

Ввести принцип единоначалия, с персональной ответственностью каждого работника за порученную ему работу. Директор Ин-та имеет двух заместителей, одного – по адм.-финанс.хоз.части. Научно-исследовательскими работами руководит сам Директор.

Подготовка кадров:

1. См. результаты обследования НК РКИ

По научно-исследоват. части

1. Закрепить за Институтом постоянный штат научных ра-

Лист 21

ботников с соответствующей оплатой, работа которых в Ин-те будет повседневной и основной.

2. Разработать конкретный план, увязанный с другими научными учреждениями, ведущими одну и ту же работу или смежную. В строгом соответствии нуждам, потребностям Социалистического Строительства страны.

3. Ввести коллективный метод работы.

4. Взять на себя методологическое руководство профессиональным отбором, профессиональным консультациями, и подготовкой рабочих кадров и промышленности, на транспорте и сельском хозяйстве, при чем непосредственное руководство осуществляется над теми учреждениями, которые руководят объединениями этих работ в каждом отдельном случае, внутри соответствующей отрасли производства.

5. Основную работу сосредоточить в психотехнической секции, каковую соответствующим образом оборудовать и пополнить соответствующим штатом научных работников.

6. Разрабатываемые проблемы должны быть актуальными и непосредственно отвечающими потребностям тех или иных организаций Союза.

7. Развернуть популяризационную работу, путем выпуска журналов, учебников, справочников ит.д. Связаться с производством, путем регулярных выездов, собеседований, докладов и т.д.

8. Организовать краткосрочные курсы для практических работников, профконсультаций и др. областей приложения психологии в практической жизни.

9. Необходимо связаться теснейшим образом со всеми научными объединениями по специальности / Общество Психоневрологов-материалистов, Об-во Психотехников, Об-во работников НОТ, и т.д./ сделав Ин-т основной территориальной базой их

работы.

10. Усилить участие партийных, комсомольских и общественных организаций в руководстве деятельностью Института.

Под Адм.-финанс.хозяйств.части:

1. Наладить работу Канцелярии
2. Воспретить совместительную нисшего адм-технич. персонала
3. Произвести инвентаризацию имущества, организовав должным образом охрану его.

4. Пригласить счетного работника, который должен вести учет как Ин-та, как и Мастерских.

5. Мастерские оставить при Ин-те, переведи их на хозрасчет по принципу самокупаемости. Мастерские должны брать заказы у соответствующих научных и других учреждений, выполняя в то же время заказы Института. Учет Мастерской должен вестись тщательно, персональной ответственностью счетного работника Института.

Реорганизация Института экспериментальной психологии

(На заседании коллегии НК РКИ РСФСР)

(Известия. 1930. 20 нояб. С. 5).

Коллегия НК РКИ РСФСР заслушала доклад об итогах обследования и чистки государственного института экспериментальной психологии.

Несмотря на благоприятные условия для развертывания научно-исследовательской работы, институт имеет совершенно ничтожные результаты по приближению своей работы к нуждам социалистического строительства и в особенности в области развития прикладных форм психологии.

Институт не смог закрепить и увеличить количество квалифицированных марксистских сил и объединить их на единой методологической платформе. Не было достаточно твердого и планового руководства научно-исследовательской работой и подготовкой кадров аспирантов.

Коллегия института превратилась в орган разрешающий глвным образом административно-хозяйственные вопросы вместо организационно-научных. **Институт ни в какой мере не является методологическим центром в**

области марксистской психологии (Форматирование текста сохранено. – А.К.) и совершенно не был связан с родственными психоневрологическими и педагогическими научно-исследовательскими институтами и с пролетарской общественностью.

Коллегия НК РКИ РСФСР предложила Наркомпросу **усилить институт коммунистическим руководством**, закрепив за ним определенное ядро научных работников марксистов по каждому разделу работы.

Институт экспериментальной психологии решено коренным образом реорганизовать, создав при нем три основных сектора: психологический, психо-технический и педологический, поставив на одно и зпервых мест раздел психологической работы.

Руководство институтом должно быть перестроено на принципе единоначалия. Коллегия института упраздняется и вместо нее организуется ученый совет института. На каждого из сотрудников института коллегия НК РКИ РСФСР возлагает персональную ответственность за выполняемую работу.

Институт экспериментальной психологии должен стать центром методологического руководства соответствующими лабораториями и кабинетами при вузах **Труддисциплина и темпы научно-исследовательской работы среди научных работников должны быть полняты на должную высоту**.

Одной из центральных задач перед институтом коллегия НК РКИ РСФСР поставила **максимальное увеличение аспирантуры**. Уже начиная с 1930-31 г. должна быть значительно увеличена аспирантура по сравнению с прошлыми годами, при чем Наркомпрос должен озаботиться об использовании всех окончивших институт на работе по назначению.

Список литературы:

1. Артемьева О.А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 382 с.
2. Богданчиков С.А. История советской психологии: 1920-1930-е годы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011. 252 с.
3. Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.

4. Государственный архив РФ. Ф. А406. Оп. 12. Д. 2505. ЛЛ. 1-22.
5. Дзюра А.И. Непонятая и «репрессированная» наука, или о драме развития отечественной психологии в 20-30 гг. XX века (взгляд с методологических позиций «ноосферного реализма») // Вестник Академии знаний. 2012. № 2. С. 14-25.
6. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
7. Итоги дискуссии по реактологической психологии. Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 06.06.1931 г. // Психология. 1931. №4-64. С. 2-3.
8. Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929-1932 годов // Российская история. 2009. № 1. С. 96-110.
9. Колчинский Э.И. Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е - начале 30-х гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 39-64.
10. Кондаков И.М. Константин Николаевич Корнилов. Талантливый организатор науки (1879—1957) // Выдающиеся психологи Москвы. С. 109–120.
11. Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам / Сб. статей; сост. М.Э. Маликова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. 492 с.
12. Кривоносов Ю.И. Институт истории науки и техники: тридцатые громовые, роковые... // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 42-75.
13. Кумпан К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920-х-1930-х гг.//Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам. М.: НЛЮ, 2014. С. 8-129.
14. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
15. Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 544 с.
16. Никольская А.А. Основные этапы развития научной деятельности Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 5-21.
17. Перченков Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М; СПб., 1992. Вып. 1. С. 195.

18. Постановление ЦИК и СНК СССР – «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» от 01.06.1929 // Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. Саратов, Б/г. 15 с. С. 3-4.
19. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под. ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
20. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека 25 января – 1 февраля 1930 г.) / Под ред. А.Б. Залкинда. М.-Л., 1930. 383 с.
21. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21-31.
22. Реорганизация Института экспериментальной психологии // Известия. 1930. 20 нояб. С. 5.
23. Рыбников Н.А. Как создавался Психологический институт // Вопросы психологии. 1994. №1. С. 6-10.
24. Смотр работы советского аппарата // Правда. 1929. № 124 (4258). от 2 июня. С. 1.
25. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.
26. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР : Сб. ст. / Рос. АН, Отд-ние истории, Арх. РАН; Сост., авт. предисл. И.Г. Арефьева. М. : Наука, 1995. 251 с.
27. Тугаринов И.А. «Великий перелом» и геохимия // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 146–162.
28. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографический очерк. Москва: Знак, 2006. 341 с.
29. Умрихин В.В. «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с. 136–145.
30. Шварцман П.Я., Кузнецова И.В. Педология // Репрессированная наука. Выпуск II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И.Мелуа. СПб.: Наука, 1994. С. 121-139.
31. Якименко Ю.Н. Из истории «чисток аппарата»: Академия художественных наук в 1929-1932 гг // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 150-162.
32. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford: Blackwell, 1989. 583 p.

References:

1. Artem'eva O.A. Otechestvennaja psihologija na perelome: urovnevaja sub#ektnaja koncepcija social'no-psihologicheskoj determinacii razvitija psihologii. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. 382 s.
2. Bogdanchikov S.A. Istorija sovetskoj psihologii: 1920-1930-e gody. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj social'no-jekonomicheskij universitet, 2011. 252 s.
3. Bogdanchikov S.A. Proishozhdenie marksistskoj psihologii. Diskussija mezhdu K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psihologii 20-h godov. Saratov: SJuI MVD Rossii, 2000. 232 s.
4. Gosudarstvennyj arhiv RF. F. A406. Op. 12. D. 2505. LL. 1-22.
5. Dzjura A.I. Neponjataja i «repressirovannaja» nauka, ili o drame razvitija otechestvennoj psihologii v 20-30 gg. HX veka (vzgljad s metodologicheskikh pozicij «noosfernogo realizma») // Vestnik Akademii znaniy. 2012. № 2. S. 14-25.
6. Zhdan A.N. Istorija psihologii. Ot Antichnosti do nashih dnejj. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 576 s.
7. Itogi diskussii po reaktologicheskoj psihologii. Rezoljucija obshhego sobranija jachejki VKP(b) Gosudarstvennogo instituta psihologii, pedologii i psihotehniki ot 06.06.1931 g. // Psihologija. 1931. №4-64. S. 2-3.
8. Kiseleva E.L. Chistka gosudarstvennogo apparata 1929-1932 godov // Rossijskaja istorija. 2009. № 1. S. 96-110.
9. Kolchinskij Je.I. Dialektizacija biologii (diskussii i repressii v 20-e - nachale 30-h gg.) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki. 1997. № 1. S. 39-64.
10. Kondakov I.M. Konstantin Nikolaevich Kornilov. Talantlivyj organizator nauki (1879—1957) // Vydajushhiesja psihologi Moskvy. S. 109–120.
11. Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade. Po arhivnym materialam / Sb. statej; sost. M.Je. Malikova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 492 s.
12. Krivonosov Ju.I. Institut istorii nauki i tehniki: tridcatye gromovye, rokove... // Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki. 2002. № 1. S. 42-75.
13. Kumpan K.A. Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920-h-1930-h gg.//Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade. Po arhivnym materialam. M.: NLO, 2014. S. 8-129.
14. Ljudi i sud'by. Biobibliograficheskij slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period (1917-1991). Izd. podgotovili Ja. V. Vasil'kov, M. Ju. Sorokina. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 496 s.
15. Marcinkovskaja T.D. Istorija psihologii. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 544 s.

16. Nikol'skaja A.A. Osnovnye jetapy razvitija nauchnoj dejatel'nosti Psihologicheskogo instituta // Voprosy psihologii. 1994. №. 2. S. 5-21.
17. Perchenok F.F. Akademija Nauk na «velikom perelome» // Zven'ja: Istoricheskij al'manah. M; SPb., 1992. Vyp. 1. S. 195.
18. Postanovlenie CIK i SNK SSSR – «O chistke apparata gosudarstvennyh organov, kooperativnyh i obshhestvennyh organizacij» ot 01.06.1929 // Instrukcija NK RKI SSSR po proverke i chistke sovetского apparata. Saratov, B/g. 15 s. S. 3-4.
19. Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii / Pod. red. A.V. Brushlinskogo. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. 576 s.
20. Psihonevrologicheskie nauki v SSSR (Materialy I Vsesojuznogo s#ezda po izucheniju povedenija cheloveka 25 janvarja – 1 fevralja 1930 g.) / Pod red. A.B. Zalkinda. M.-L., 1930. 383 s.
21. Reaktologicheskaja diskussija v Psihologicheskom institute // Voprosy psihologii. 1994. № 2. S. 21-31.
22. Reorganizacija Instituta jeksperimental'noj psihologii // Izvestija. 1930. № 319 (4166). ot 20 nojabrja. S. 5.
23. Rybnikov N.A. Kak sozdavalsja Psihologicheskij institut // Voprosy psihologii. 1994. №1. S. 6-10.
24. Smotr raboty sovetского apparata // Pravda. 1929. № 124 (4258). ot 2 ijunja. S. 1.
25. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2016. 429 s.
26. Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR : Sb. st. / Ros. AN, Otd-nie istorii, Arh. RAN; Sost., avt. predisl. I.G. Arefeva. M. : Nauka, 1995. 251 s.
27. Tugarinov I.A. «Velikij perelom» i geohimija // Repressirovannaja nauka. L.: Nauka, 1991. S. 146–162.
28. Formozov A.A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskij ocherk. Moskva: Znak, 2006. 341 s.
29. Umrihin V.V. «Nachalo konca» povedencheskoj psihologii v SSSR // Repressirovannaja nauka. L.: Nauka, 1991, s. 136–145.
30. Shvarcman P.Ja., Kuznecova I.V. Pedologija // Repressirovannaja nauka. Vypusk II / Red. M.G. Jaroshevskij. Red.-sost. A.I.Melua. SPb.: Nauka, 1994. S. 121-139.
31. Jakimenko Ju.N. Iz istorii «chistok apparata»: Akademija hudozhestvennyh nauk v 1929-1932 gg // Novyj istoricheskij vestnik. 2005. № 12. S. 150-162.
32. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford: Blackwell, 1989. 583 p.

Сведения об авторе:

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Историческая психология

Женская психология в условиях военного времени: к постановке проблемы

Болтаевский Андрей Андреевич

Российский университет кооперации, Россия

e-mail: Voltaev83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные изменения в обществе, происходящие в переломные моменты эпохи, на примере войн, в первую очередь, Великой Отечественной. В кровопролитных мировых войнах женщины не просто заменили мужчин в тылу, самоотверженно сражались на фронте, их восприятие военного времени было намного более сложным и противоречивым, чем у сильного пола. Советские женщины вынесли на своих плечах весь груз не только военного, но и послевоенного времени, став символом нашей страны. В тоже время сегодня «другая память» о войне по-прежнему находится в тени официальной военной историографии.

Ключевые слова: социальные изменения, женщины, Советский Союз, Великая Отечественная война, психика, восприятие.

Psychology of women in wartime: setting of problem

Boltaevskii Andrei Andreevich

Russian University of Cooperation, Russia

e-mail: Voltaev83@mail.ru

Abstract. The article considers the social changes in society taking place in the crucial moments of the era, on the example of the wars, the Great Patriotic War firstly. In the bloody world wars, women not simply replaced the men in the rear, selflessly fought on the front, their perception of the war was much more complex and contradictory than the stronger sex's one. Soviet women carried on their shoulders the whole burden of not only military, but also

the post-war period, becoming a symbol of our country. At the same time today, "other memory" of the war is still in the shadow of the official military historiography.

Keywords: social changes, women, Soviet Union, The Great Patriotic War, mentality, perception.

Переломные моменты в обществе вызывают глубокие социальные деформации, приводящие к аномии в обществе (термин, введенный Э. Дюркгеймом), а также значительным девиациям. Это происходит не только в революционные бури, но и в военные годы. П.А. Сорокин указывал, что эти моменты «всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот – навыворот», т.е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться «худшие», т.е. людей второго и третьего сорта» [18, с. 434]. В 1931 г. М. Волошин утверждал:

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

Оставим в стороне личностное восприятие двух наших великих соотечественников, отметим, что вопрос социальных девиаций, возникающих в военное время, особенно интересен их постепенным затуханием в мирный период. За примерами здесь далеко ходить не надо. Вспомним, что конец перестроечной эпохи и начало 1990-х гг. были ознаменованы ростом бандитизма, рэкета, наркомании, проституции и т.д., что нашло отражение в фильмах тех, не таких уж далеких от нас, лет (в качестве примера назовем «Интердевочку» П. Тодоровского, «Фанат» В. Феоктистова, «Американ бой» Б. Квашнева, «Игла» Р. Нугманова, «Брат» А. Балабанова»). Однако к концу 1990-х – началу 2000-х гг. произошел сложный, нелегкий поворот к более гуманному обществу, в котором люди уже не стремятся выделяться бесшабашной удачью и не гордятся своей принадлежностью к криминальному или околокриминальному миру. По сути, произошел отказ от субкультуры «малиновых пиджаков», толстых золотых цепей, вычурного поведения. И произошло это не столько и даже не только под влиянием пропаганды: произошел поворот в сознании людей, которые поняли, что свобода предполагает не только безграничность поступков, но и ответственность за свое поведение.

Сходные тенденции можно отметить в революционный период 1917 – 1920 гг. и последовавшее за ним постепенное оздоровление общества [5]. При этом во всех подобных случаях движение к гуманизации начинается снизу, в дальнейшем закрепляясь благодаря политической воле. Это характерно не только для российской традиции. Война 1914 г. приводила к тому, что даже среди интеллигенции, как на фронте, так и в тылу, банальной обыденностью становились бранные слова. Внебрачные связи перед лицом ходящей рядом смерти, как никогда становились привычным делом. Британский поэт А. Хаусман выразил это в следующих строчках:

Я записался в уланы.
Кто не ляжет в постель с храбрецом?
(пер. с англ. М. Десятовой)

В немецком Фрайбурге с августа 1914 по начало 1915 г. число венерических заболеваний выросло в два раза, что сопровождалось ростом наказаний за проституцию [19, С. 413]. Конечно, это не было свойственно исключительно этому городу.

Не первый год в преддверии священного для всех народов нашей страны Праздника Победы на страницах ряда российских изданий, в теле- и радиоэфире начинают раздаваться голоса о массовых преступлениях на освобождаемых территориях Восточной Европы, совершенных бойцами Красной Армии, передаются различные истории о моральном разложении советских воинов в те суровые годы (среди подобных исследований назовем работу Э. Бивора[4]).

Впрочем, информационная война по данным вопросам широко развернулась еще в годы Великой Отечественной. К примеру, в конце 1942 г. командирам советских партизанских отрядов были разосланы пропагандистские письма, которые пытались вбить клин между советским народом и советской властью. В полученном Д.Ф. Райцевым от германской разведки послании утверждалось, в частности, следующее: «Мы не насилуем женщин, не выкалываем глаза, не срезаем уши, как это делают партизаны. Мы не сжигаем безо всякой нужды дома мирных жителей, как это практикуют советчики по приказу Сталина. Наоборот, по приказу Гитлера мы эвакуируем таковых жителей на своих машинах из прифронтовой полосы в безопасный тыл» [17, С. 242]. Эта ложь писалась после кровавых преступлений гитлеровцев в Хатыни, Пирчюписе, Бабьем Яре и т.д. Конечно, Советский Союз так же участвовал в информационной

войне. Здесь уместно вспомнить статью заведующего Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», вышедшую в ответ на опубликованную в «Красной Звезде» 11 апреля 1945 г. статьи И.Г. Эренбурга «Хватит!» Александров указал на характерную ошибку Эренбурга: считать немецкий народ единым целым, каждого немца, безусловно, повинным в преступлениях гитлеризма. Но истина, как всегда, намного сложнее...

Сегодня, когда вновь раздаются попытки сделать из народа-победителя изгой, задача исследователя состоит в том, чтобы не просто разобраться в событиях прошлого (напомним, что уходящие ветераны являются важнейшим источником нарративной информации), но наглядно показать его подрастающему поколению, имеющему порой смутное представление о героических эпохах нашей Родины. Тем более, что знание об этом прошлом определенное время формировалось в молодежной среде по голливудским фильмам (таким, как «Рембо-3», «раскрывающим» поражение Советской армии в Афганистане), явно заинтересованных в иных героях и других идеологических установках.

И Первая мировая (первоначально называвшаяся в народе не только германской, но и Второй Отечественной), и Великая Отечественная война привели к серьезным социальным деформациям в нашей стране. Среди важнейших последствий этого необходимо назвать ломку традиционных семейных ценностей (и в 1914, и в 1941 гг. главную силу армии составляло крестьянство, являющееся основой коллективной памяти), нарушение нормальной половой и возрастной пирамиды, рост числа инвалидов, одиноких женщин и т.д.

Замечательный советский поэт Д. Самойлов отмечал: «Война уничтожила миллионов десять работающих мужиков. Столько же (кто помоложе), демобилизовавшись, до деревни не доехали, а осели в городах, сперва сбоку припека при вдовах и перезрелых невестах, а потом отстроились, поселились, укоренились. И постепенно преобразовались в новый народ...» [14, С. 259] Весьма показательны и строчки из дневника военной переводчицы, выпускницы филологического факультета Ленинградского университета, Ирины Дунаевской: «Уже третий год я на фронте [*запись от 20 мая 1944г., орфография и пунктуация сохранены – автор*]. Я ни морально, ни физически не в силах больше переносить одиночество – я ведь человек и женщина! На войне же все так краткосрочно, что ни о какой обоснованной, серьезной, глубокой близости не может быть и речи, так как уже завтра может не стать человека, который

так или иначе дорог сегодня. Это я уже испытала. Не размениваться же на мелочи. Но и так тоже невыносимо. Неужто я не выдержу! Неужто я не доживу до своей мечты и, не выдержав, разменяю себя на полумысли, полочувства, полустрасти» [9, С. 311]. Одиночество женщин на фронте и в тылу, да и в послевоенные годы стало настоящим бичом повседневной жизни: тоска по сильному мужскому плечу с одной стороны, необходимость не только на работе, но и в семье быть «формальным» мужчиной ставила зачастую огромные психологические проблемы перед миллионами советских женщин. Песня «Русские матери» (слова В. Чурсова, музыка Г. Пономаренко) передает пронзительную боль женщины – матери:

Русские матери, русские матери,
Сколько в войну сыновей вы утратили.
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные,
Матери, русские матери.
В горе своем сединой убеленные,
Над обелисками низко склоненные.

Изучение военной повседневности российскими историками активно начинается совсем не так давно – в советской историографии выделим изданную в 1974 г. работу В.С. Мурманцевой [12], в российской – интересные работы Ю.Н. Ивановой [10], Е.С. Сенявской [15], О.В. Будницкого [6], О.Ю. Никоновой [13], Э.П. Литовой [11]), К. Шайде [20], но вместе с тем в отечественной литературе известен жанр «репортажа с исторического места события», по меткому обозначению А. Адамовича (именно так белорусский исследователь обозначил работу С. Алексиевич «У войны не женское лицо»). Именно после выхода в свет книги С.А. Алексиевич «лик минувшей войны, Отечественной, будет нести в себе значительно большую правду и об этой цене, заплаченной нашим народом за Победу – жизнями, кровью, муками солдатских своих дочерей, сестер, матерей» [1, С. 3].

Г.Д. Запольская так запомнила сложные дни начала Великой Отечественной: «Начальник связи выстроил всех нас. Мы не служили, не солдаты, мы были вольнонаемные. Он говорит: «Вот девчата, началась война жестокая. Вам будет очень трудно, девушкам. И пока не поздно, если кто хочет, можете вернуться к себе домой. А те, кто пожелает

остаться на фронте, шаг вперед»...И все девушки, как одна, шаг вперед сделали. Человек двадцать нас было. Все готовы были защищать Родину» [2, С. 31]. Прославленная летчица, Герой Советского Союза П.В. Гельман писала, что в первые дни войны в военкоматах девушкам отвечали: «Занимайтесь своим делом, а там хватит мужиков. Война – не женское дело» [7, С. 7]. Тем не менее, согласно официальным данным, в годы Великой Отечественной в Красной Армии числились до 800 тыс. женщин [10, С. 256]. Женщины-летчицы (например, полностью женский 46-й гвардейский бомбардировочный авиаполк имел лирическое именование «ночные ведьмы»), женщины-снайперы (Н.В. Ковшова, А.Н. Молдагулова и сотни других), женщины-санструкторы, женщины-связистки, женщины-повара...

Юлия Друнина в поэтической форме пронзительно выразила этот благородный порыв:

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать».
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не смогла сыскать...

Ей вторит, но уже в прозаической форме, другой наш замечательный поэт, Д. Самойлов: «Мы, мужчины сороковых годов, воспитанные железной суровостью тридцать седьмого года, прошедшие сквозь ужас и кровь войны, видевшие смерть друзей, познавшие месть, привыкшие спать на могилах и спать рядом с трупами, отвыкшие от домов, ожесточившие сердца, почти равнодушные ко всем тревогам – мы становимся бессильны перед нежностью, внушаемой женщиной» [14, С. 354]. Он же, осмысливая взаимоотношения между мужчиной и женщиной в военную пору, заметил: «Никакого римского падения нравов нет. Просто бабья тоска по мужикам» [14, С. 367]. А Т.С. Беляева свидетельствует, что «обычно все девушки нашей части свои фронтовые сто грамм отдавали парням» [3, С. 230].

Да, именно в условиях военной поры происходила активная ломка традиционных семейных ценностей, что приводило к многочисленным случаям адюльтера, появлению феномена «фронтовых жен» и т.д. Так,

один из участников Первой мировой войны, прапорщик В.К. Ананьев размышлял: «Почему-то теперь у всех установился взгляд, что сестры мил[осердия] ведут себя чрезвычайно скверно и показали себя с самой худшей стороны. Отчасти это и правда, ведь было время, что в сестры брали чуть ли не кого попало. А что это за невесты из сестер появились даже у высшего нач[альст]ва в д[ействующей] армии. Неужели солидные люди, имеющие такие звания, еще не женаты. И вдруг на старости лет в д[ействующей] армии вздумали отыскать невесту. А сколько молодых офицеров женилось на сестрах в лазаретах – почему? Правда, есть такие женщины, которые самовольно надевают костюм сестры и, конечно, срамят его. Да! Картина не из важных. Конечно, не все таковы – есть сестры, которые действительно исполняют свой святой долг отлично» [8, С. 198] (пунктуация и орфография автора сохранены).

Жесткие слова участника германской войны можно дополнить литературным очерком С.А. Крутилина в цикле о сельской жизни «Липяги» под названием «Баллада о сельском колодце», события в котором происходят уже в годы Великой Отечественной. Жена ушедшего на фронт солдата всю войну ждала его, несмотря на тяжесть жизни одинокой матери в деревне, не отвечала на предложения бригадиров. И вот сбылась долгожданная мечта, муж вернулся с войны. Но вернулся он не один, а с фронтовой подругой: «Познакомься, Груня, Наташа — мой боевой товарищ... Жизнью своей обязан ей...» Не выдержала женщина, утопилась в колодце... Трагическая ее участь выражает тяжелую долю женщин, на своих плечах вынесших все тяготы военной години и послевоенных лет. Несмотря на это, они с честью преодолели все трудности и преграды, став настоящим символом нашей страны.

К.М. Симонов в стихотворении «Лирическое» (1942 г.) так выразил отношение бойцов Красной армии к фронтовым подругам:

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали — милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих

Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Подводя итог, хотелось бы закончить словами одного из ветеранов: «Надо ли было пускать девушек на войну? Не знаю... Но они были на войне и сделали великое дело. Они, как и мы, носили кирзовые сапоги, тяжелые шинели, спали на снегу» [2, С. 79]. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов. Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал», свидетельствовала санинструктор В.О. Корж [16].

Советские женщины достойно проявили себя в тяжелейших военных условиях, как на фронте, так и в тылу, став подлинным символом победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Неотъемлемыми спутниками того времени были социальные девиации, вызванные, как гендерной деформацией, так и жесткостью правящего режима. В отличие от мужчин, женщины острее переносили разлуку, для них военное время стало поиском новых ориентиров, в том числе внимания к *мужчине*, как другу и защитнику (отметим, что, по словам С.А. Алексиевич, большинство ее собеседниц уклонялась от ответа на вопрос о сексуальных отношениях во время войны [13]).

Участников и свидетелей повседневного подвига становится все меньше, в связи с чем, на наш взгляд, необходимо развернуть серьезную подготовительную работу по сбору коллекций воспоминаний женщин о тех нелегких и сложных годах. К данной работе следует привлечь квалифицированных психологов, которые смогут помочь воссоздать психологическую панораму ушедшей эпохи, проанализировать именно женскую военную психологию.

Список литературы:

1. Адамович А. Две книги одного жанра // Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Повести. М.: Советский писатель, 1988. С. 3-10.
2. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Повести. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
3. Беляева Т.С. Дорогами мира и войны. М.: Московский учебник и Картолитография, 2007. 256 с.
4. Бивор Э. Падение Берлина. 1945 / пер. с англ. Ю.Ф. Михайлова. М.: АСТ, 2004. 622 с.
5. Болтаевский А.А., Прядко И.П. Парадигмы отечественной интеллектуальной культуры и становление рациональности российского общества в 1910-30-е гг. М.: Спутник-плюс, 2015. 112 с.
6. Будницкий О.В. Мужчины и женщины в Красной Армии (1941 – 1945) // Cahiers du Monde Russe. 2011. № 52 / 2-3. С. 405-422.
7. Гельман П.В. О боях, пожарищах и друзьях-товарищах... М.: Московский университет, 1995. 45 с.
8. «Господи, скоро ли кончатся наши муки»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисловие, составление и комментарии К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-история, 2014. С. 137-215.
9. Дунаевская И.М. От Ленинграда до Кенигсберга. Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 440 с.
10. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 272 с.
11. Литова Э.П. Женское лицо войны // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2010. № 28. С. 325-329.
12. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: «Мысль», 1974. 293 с.
13. Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 282-286.
14. Самойлов Д. Сороковые роковые. Стихи и проза о войне / Сост. А. Давыдов, Г. Евграфов. М.: Галерея, 2015. 456 с.
15. Сенявская Е.С. 1941 – 1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт Российской истории РАН, 1995. 220 с.

16. Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 382 с.
17. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2002. 352 с.
18. Сорокин П.А. Современное состояние России // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 418-490.
19. Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / пер. с англ. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 604 с.
20. Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941-1945 гг.) // AbImperio. 2004. №3. С. 1-26

References:

1. Adamovich A. Dve knigi odnogo zhanra // Aleksievich S.A. U vojny ne zhenskoe lico. Povesti. М.: Sovetskij pisatel', 1988. S. 3-10.
2. Aleksievich S.A. U vojny ne zhenskoe lico. Povesti. М.: Sovetskij pisatel', 1988. 368 s.
3. Beljaeva T.S. Dorogami mira i vojny. М.: Moskovskij uchebnik i Kartolitografija, 2007. 256 s.
4. Bivor Je. Padenie Berlina. 1945 / per. s ang. Ju.F. Mihajlova. М.: AST, 2004. 622 s.
5. Boltaevskij A.A., Prjadko I.P. Paradigmy otechestvennoj intellektual'noj kul'tury i stanovlenie racional'nosti rossijskogo obshhestva v 1910-30-e gg. М.: Sputnik-pljus, 2015. 112 s.
6. Budnickij O.V. Muzhchiny i zhenshhiny v Krasnoj Armii (1941 – 1945) // Cahiers du Monde Russe. 2011. № 52 / 2-3. S. 405-422.
7. Gel'man P.V. O bojah, pozharishhah i druz'jah-tovarishhah... М.: Moskovskij universitet, 1995. 45 s.
8. «Gospodi, skoro li konchatsja nashi muki»: dnevniki praporshhika K.V. Anan'eva // Pervaja mirovaja: vzgljad iz okopa / Predislovie, sostavlenie i kommentarii K.A. Pahaljuka. М.; SPb.: Nestor-istorija, 2014. S. 137-215.
9. Dunaevskaja I.M. Ot Leningrada do Kenigsberga. Dnevnik voennoj perevodchicy (1942–1945). М.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010. 440 s.
10. Ivanova Ju.N. Hrabrejshie iz prekrasnyh. Zhenshhiny Rossii v vojnah. М.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2002. 272 s.

11. Litova Je.P. Zhenskoe lico vojny // Sbornik nauchnyh trudov vuzov Rossii «Problemy jekonomiki, finansov i upravlenija proizvodstvom». 2010. № 28. S. 325-329.
12. Murmanceva V.S. Sovetskie zhenshhiny v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: «Mysl'», 1974. 293 s.
13. Nikonova O.Ju. Zhenshhiny, vojna i «figury umolchanija» // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2005. № 2-3. S. 282-286.
14. Samojlov D. Sorokovye rokovye. Stihi i proza o vojne / Sost. A. Davydov, G. Evgrafov. M.: Galerija, 2015. 456 s.
15. Senjavskaja E.S. 1941 – 1945. Frontovoe pokolenie: Istoriko-psihologicheskoe issledovanie. M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 1995. 220 s.
16. Senjavskaja E.S. Psihologija vojny v XX v. Istoricheskij opyt Rossii. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 1999. 382 s.
17. Sokolov B.V. Okkupacija. Pravda i mify. M.: AST-PRESS-KNIGA, 2002. 352 s.
18. Sorokin P.A. Sovremennoe sostojanie Rossii // Sorokin P.A. Obshhedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let. M.: Nauka, 1994. S. 418-490.
19. Hejstings M. Pervaja mirovaja vojna. Katastrofa 1914 goda / per. s angl. M. Desjatovoj. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 604 s.
20. Shajde K. Kollektivnye i individual'nye modeli pamjati o «Velikoj Otechestvennoj vojne» (1941-1945 gg.) // AbImperio. 2004. №3. S. 1-26

Сведения об авторе:

Болтаевский Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины и иностранные языки», Российский университет кооперации (Россия)

Вопросы истории и методологии психологии

Проблема педагогических способностей учителя: сравнительный анализ психологических подходов отечественных и зарубежных исследователей

Жарова Дарья Викторовна

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия

e-mail: zharodar@yandex.ru

Батыршина Альфия Робертовна

Ярославский государственный педагогический университет им.К.Д.Ушинского, Россия

e-mail: arb.71@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению психолого-педагогического наследия отечественных и зарубежных ученых по проблеме педагогических способностей. Анализ психологических воззрений британских ученых (Дж.Селли, А. Бэн, В.Б. Друммонд) и взглядов В.А. Крутецкого дает возможность проследить преемственность в развитии проблематики и оценить вклад британских и русских ученых в развитие наших представлений о проблеме педагогических способностей.

Ключевые слова: педагог, психология, педагогические способности, история педагогической психологии, Дж.Селли, А.Бэн, В.Б. Друммонд, В. А. Крутецкий.

Problem of pedagogical abilities of teachers: comparative analysis of psychological approaches of domestic and foreign researchers

Zharova Darya Victorovna

Nizhny Novgorod state pedagogical University of K. Minin, Russia

e-mail: zharodar@yandex.ru

Batyrshina Alfiya Robertovna

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russia

e-mail: arb.71@mail.ru

Abstract. The article is devoted to psychological and pedagogical heritage of domestic and foreign scholars on the problem of pedagogical abilities. Analysis of the psychological ideas of British scholars (J. Sully, A. Ben, V.B. Drummond) and the views of V.A. Krutetskiy makes it possible to trace the continuity of the development perspective and assess the contribution of British and Russian scientists in the development of our ideas about the problem of pedagogical abilities.

Keywords: teacher, psychology, pedagogical skills, history of psychology, J. Sully, A. Ben, V.B. Drummond, V.A. Krutetskiy.

Обращение в прошлое и его объективный анализ дают возможность провести параллели между психолого-педагогическими идеями британских ученых девятнадцатого столетия и современным состоянием психолого-педагогического знания. Труды британских ученых содержат изучение широкого спектра проблем педагогической психологии: от вопросов организации урока до проблем профессионально-значимых качеств педагогов. Новаторскими идеями, для психолого-педагогической науки XIX столетия были идеи о значении рефлексии и эмпатии как факторов эффективности педагогической деятельности; готовность и способность педагога к саморегуляции как основа эффективности процессов обучения и воспитания; о значении коммуникативных, организаторских способностях педагога и т.д. Многие идеи, впервые озвученные в работах британских авторов, находят отражение и в трудах современных ученых, что может говорить о преемственности взглядов на предмет педагогических способностей [2].

Актуальность изучения проблемы педагогических способностей обусловлена необходимостью освоения исторического опыта, накопленного предыдущими поколениями, что составляет важное и необходимое звено в разработке проблем современной психологии. В.А. Якунин указывал на значимость исторического подхода, необходимого для понимания современной ситуации в психологической науке, для формирования новых точек зрения с

учетом традиций и достижений прошлого. Не всегда то знание, которое появляется позже, оказывается одновременно и более прогрессивным. В современных учебниках по педагогической психологии (Л.Д. Столяренко, И.А. Зимняя, Н.В. Ключева) отмечается, что в наиболее общем виде педагогические способности были представлены В.А. Крутецким. Однако обращение к работам британских ученых дает нам возможность провести рефлексию исторических корней проблемы педагогических способностей и вспомнить то, что сейчас незаслуженно забыто [2].

Методологическую основу изучения проблемы педагогических способностей составили: контекстный подход, позволяющий рассмотреть особенности развития педагогической психологии в определенный исторический период; отраслевой подход, при котором исследуется история развития отдельной отрасли психологии; географический подход, предполагающий изучение особенностей развития психологии в конкретной стране. Исследование строилось на следующих принципах: принцип детерминизма, принцип системности, принцип объективности историко-психологического исследования, принцип единства прошлого, настоящего и будущего в развитии психологического знания [13].

Целью сравнительного анализа теоретических позиций является изучение психолого-педагогических идей Дж. Селли, А. Бэна, В.Б. Друммонда и В.А. Крутецкого, что дает возможность восстановить реальный ход развития зарубежных и отечественных психологических воззрений и увидеть преемственность в развитии психолого-педагогических идей, проследить становление проблематики, оценить вклад британских и русских ученых в развитие наших представлений о проблеме педагогических способностей.

Категория «педагогические способности» остается одной из основных в психолого-педагогической науке. Тщательное изучение и анализ психолого-педагогического наследия прошлого составляет ценнейшее для современности знание, которое помогает глубже проникнуть в сущностные характеристики педагогических способностей, осознать их значимость, закономерности их становления и развития [2].

Во второй половине XIX столетия в Великобритании зародилось движение в пользу изучения детства. Это движение, как и все новое, было встречено жесткой критикой. Критика исходила из двух кругов, от представителей общественности, которые считали, что изучение детства бесполезно и даже вредно для ребенка, что изучение детства никогда не будет точной наукой, что работники этой области не имеют должной подготовки и не владеют научными методами, а их выводы ошибочны. Другая критика

исходила от представителей науки, которые считали, что «экспериментальная психология бесполезна для учителя... что изучение детства... вызовет у учителя совершенно неправильное отношение к ученикам» [11]. Несмотря на волну протеста, в конце XIX века интерес к вопросам изучения детства в Великобритании значительно возрос: увеличилось количество литературы и периодических изданий, стали издаваться журналы по вопросам педологии («The pedologist», «The Parents Review»); создание обществ по изучению детства – «British Child-Study Association» (1894 г.), «Child Society», «Parents National Educational Union»; менялись подходы к обучению и воспитанию детей, система образования Великобритании переживала период кардинальных перемен [10].

Процесс становления народного образования Великобритании был долгим, трудным и растянулся на десяток десятилетий. Он требовал принятия кардинальных мер в изменении системы образования в целом, дифференциации подходов к обучению и воспитанию детей, к подготовке педагогических кадров [12]. С середины XIX века наметились серьёзные сдвиги в становлении государственной системы общего образования, что вызвало резкий рост числа школ и контингентов учащихся. По мере увеличения числа школ (с 1870 г. было открыто школ на 230 тысяч детей, в 1871 г. во всех лондонских школах было записано 320 тысяч детей, а в 1881 г. – 505 тысяч из общего школьного населения в 800 тысяч), росла потребность и в квалифицированных педагогах (число учителей для взрослых достигало более трех тысяч человек, для детей – 1400). Великобритания тех лет резко нуждалась в учительских кадрах, и, как следствие, в учебных пособиях по педагогической психологии.

В психолого-педагогическом наследии сторонников британской рациональной школы существенная роль отводится изучению вопросов, связанных со спецификой педагогического труда и профессиональными качествами педагога. Первыми, кто обратился к проблемам педагогической психологии в Великобритании, были Александр Бэн, Джеймс Селли и В.Б. Друммонд. Психолого-педагогические воззрения Александра Бэна были изложены в трудах «Наука воспитания», «Воспитание как предмет науки», «Психология». Психологические идеи Джеймса Селли послужили основанием для выхода его книг: «Основы общедоступной психологии и ее применения к воспитанию», «Очерки по психологии детства», «Педагогическая психология» [9].

Проблемы детской и педагогической психологии представлены в трудах Герберта Спенсера («Воспитание умственное, нравственное и физическое», «О нравственном воспитании», «Основания психологии») и

Вильяма Б. Друммонда (W.B. Drummond). Одно, из немногих упоминаний о В.Б. Друммонде, можно встретить в книге Hearnshaw L.S. «A short History Of British Psychology 1840-1940». Автор пишет, что В.Б. Друммонд был врачом в детской Эдинбургской больнице и большую часть своих исследований направил именно на изучение детей. В настоящее время известны только две книги шотландского ученого: «Child, his nature and education», «An Introduction to Child Study» (1907 год).

В 1902 г. в Санкт-Петербурге была издана первая книга В.Б. Друммонда «Дитя, его природа и воспитание», а в 1910 г. в Москве вышел перевод книги «Введение в изучение ребенка». В своих трудах, В.Б. Друммонд затрагивает широкий круг вопросов: от изучения и развития познавательных процессов до проблем семейного, нравственного и религиозного воспитания. В конце XIX столетия его идеи способствовали популяризации психолого-педагогического знания и развитию педологического движения.

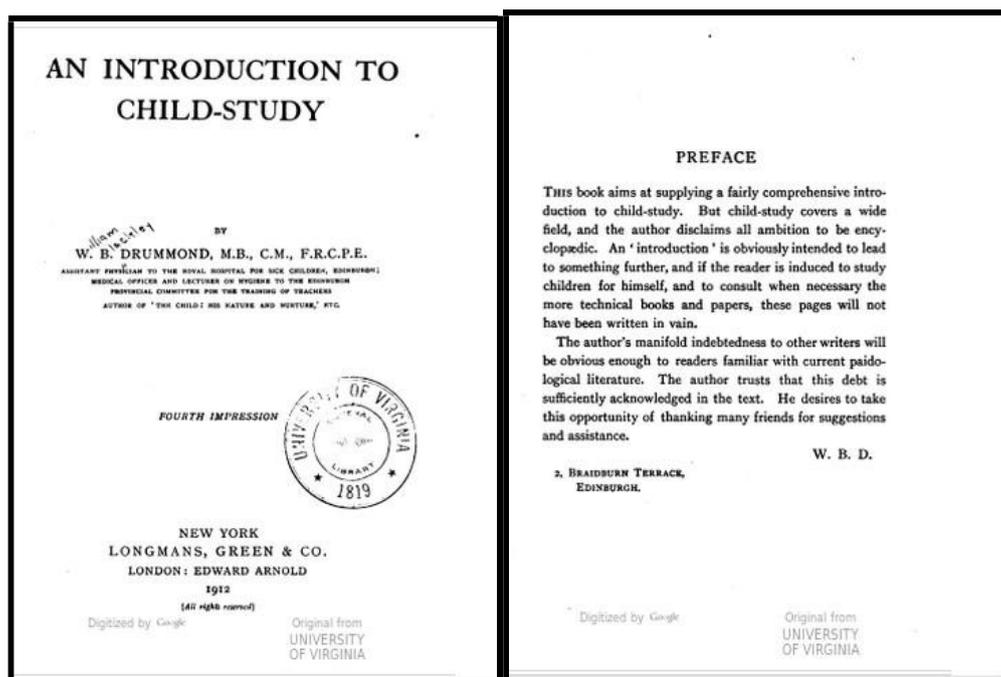

Рис 1. Предисловие к книге В.Б. Друммонда «Введение в изучение ребенка»

В трудах британских ученых представлен широкий спектр проблем педагогической психологии: от вопросов организации урока до проблемы профессионально-значимых качеств педагогов. Новаторскими для психолого-педагогической науки XIX столетия были идеи о рефлексии и эмпатии как факторах успешной педагогической деятельности, о способности педагога к саморегуляции как основы эффективности процессов обучения и воспитания, о значении коммуникативных, организаторских и педагогических способностей

педагога и др. Многие идеи, впервые озвученные в работах А. Бэна и Дж. Селли, находят отражение и в трудах современных ученых.

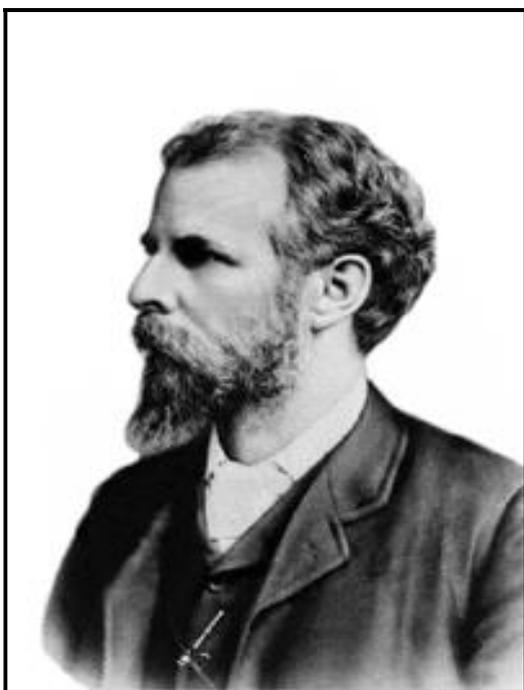

Рис. 2. Джеймс Селли (1842-1923 гг.)
(James Sully)

Английский философ и психолог, пионер педологии, детской и педагогической психологии в Великобритании. Один из основателей Британского психологического общества.

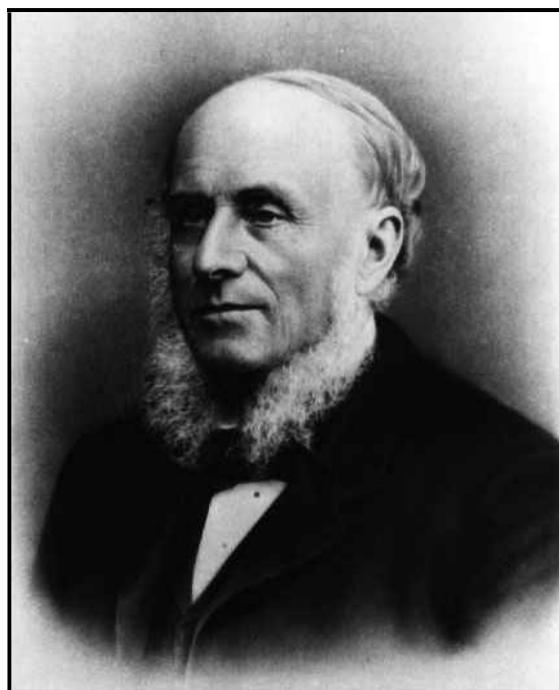

Рис. 3. Александр Бэн (1818-1903 гг.) (A. Bain)

Профессор математики и философии, профессор логики и английской литературы Абердинского университета. Наибольший вклад в науку А. Бэн внес как психолог, первым в Англии применивший физиологические методы в психологии и положивший начало систематизации психологических теорий.

Британские ученые отмечали, что со второй половины XIX века наметился резкий переход от применения неэффективных прежних методов воспитания и обучения (физическое наказание, механическое заучивание материала), которые игнорировали изучение детской природы, к ориентации на знание и учету физической, духовной жизни ребенка и его индивидуальности. В.Б. Друммонд указывал, что на смену воспитания, основанного на логике и результате научения (бихевиористский подход), на внедрении знаний, когда отсутствие интереса, плохие успехи в освоении предметов рассматривались как недостаток ученика и долгое время устранялись при помощи телесных наказаний, приходит подход, согласно которому воспитание должно быть адаптировано к познавательным, психическим и физическим особенностям детей – «всякое воспитание, должно быть основано на изучении того существа,

которое хотят воспитывать» [7; 8]. Ориентация на второй подход в воспитании и обучении детей, способствовала переосмыслению целей обучения, методик преподавания, изменению взглядов на личность учителя и его роль в обучении и воспитании детей.

О специфике педагогического труда и профессиональных способностях педагога, писал Джеймс Селли. Выходу первого учебника Дж. Селли по психологии для педагогов (была написана по просьбе его студентов) «Очерки по психологии» («*Outlines of Psychology*») (был издан в 1884 г.) способствовало бурное развитие народного образования Великобритании, отсутствие учебных пособий по педагогической психологии для подготовки учителей начальных школ. «Очерки по психологии» в дальнейшем переиздавалась по частям: «Учебник по педагогической психологии» («*The Teacher's Handbook of Psychology*», 1886) и «Душа человека» («*The Human Mind*», 1892). Учебник объединил в себе обширный материал из различных источников – от писем, присылаемых опытными учителями и воспитателями, до далеких с точки зрения уровня психолого-педагогического образования наблюдений родителей. Книга Джеймса Селли пропитана чуткостью и нежностью к душевной жизни детей – «среди всех областей исследования, открытых современной наукой, нет ни одной, более привлекательной, чем психология ребенка» [14, С. 15].

Создавая свой труд, Дж. Селли пользовался результатами современных ему исследований и достижений в области педагогической психологии и экспериментальной педагогики. Книги Дж. Селли отличались простотой, доступностью и легкостью языка, обилием хорошо подобранных ярких примеров из жизни ребенка. Благодаря простоте и доступности изложения научного материала, его труд был доступен как учителям и молодым ученым, так и родителям. Последним эта книга помогала правильно понять детскую душу и успешно влиять на нее.

В России первое издание книги Дж. Селли «Очерки по психологии» вышло в Санкт-Петербурге в 1887 г. (по некоторым источникам в 1901 г.) под названием «Основы общедоступной психологии и ее применение к воспитанию». В ноябре 1895 г. [18], а по другим данным [6] в 1896 г. в Англии вышел один из первых учебников по детской психологии – «Изучение детства» («*Studies of Childhood*»), что было весьма своевременно, так как общество XIX века сделало ребенка объектом научного наблюдения и еще острее поставило вопрос о его воспитании [22, С. 116].

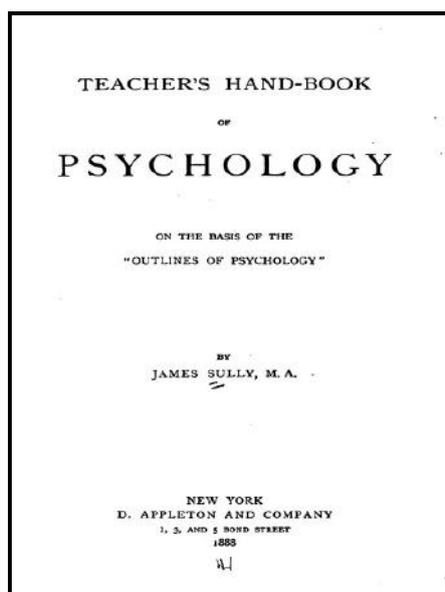

Рис. 4. Обложка книги Дж. Селли «Основы общедоступной психологии и ее применение к воспитанию»

В своих книгах Джеймс Селли описывает ряд требований к субъектным и профессиональным качествам педагога. Британский педагог конца XIX века, по современным требованиям, должен был знать: принципы психологии, касающиеся понимания душевных способностей ребенка; правила и методы воспитания; законы, по которым развиваются психические познавательные процессы; уметь: пользоваться великим принципом соединения представлений (приведение новых знаний в правильное соотношение со старым); корректировать воспитательные методы в соответствии с различиями детских черт; упражнять ум ребенка в быстром воспроизведении, чтобы убедиться в правильности понятой информации; владеть навыками: побуждения детей к самовоспитанию и саморазвитию; использования дополнительных стимулов в обучении (в дополнение к устному рассказу для наиболее эффективного запоминания материала, педагог должен пользоваться наглядными средствами) [24, С. 368]. Джеймс Селли ставит акцент на том, что правильное обучение должно быть эластично, приспособляться к индивидуальным различиям детей, и иметь целью – гармонично развитую личность.

Обращение в прошлое и его объективный анализ дают возможность провести параллели между психолого-педагогическими идеями британских ученых девятнадцатого столетия и современным состоянием психолого-педагогического знания, в частности, по проблеме педагогических способностей. Авторы современных учебников по педагогической психологии (Л.Д. Столяренко, И.А. Зимняя, Н.В. Ключева) отмечают, что в наиболее общем

виде педагогические способности были представлены В.А. Крутецким, который и дал им соответствующие общие определения.

Перестройка школы, осуществляемая в 70-80-ые гг. XX в., ставит перед советскими педагогами задачу обеспечения высокого уровня усвоения знаний, развития самостоятельного мышления учащихся, воспитания у них высоконравственных качеств в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма. На XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза (30.03–9.04.1971) было уделено особое внимание проблеме обучения и воспитания подрастающего поколения; перед психолого-педагогической наукой была поставлена задача совершенствования учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении. Для успешного решения поставленных задач, от педагогов требуется знание не только основ теории педагогической науки и методики преподавания учебных предметов, но и знания физиологии и психологии детей разного возраста. Несмотря на важность поставленной задачи, были выявлены некоторые противоречия. С одной стороны, от педагога требовались знания особенностей познавательной деятельности, уровня развития эмоциональной сферы, волевых качеств каждого ученика, с целью понимания психологических закономерностей формирования личности конкретного ребенка и построения на этой основе обучения и воспитания. С другой стороны, сами педагоги отмечали, что они не располагают в настоящее время достаточным количеством учебников и книг по психологии, в которых ставились бы и решались вопросы, представляющие для них непосредственный интерес, которые знакомили бы их с основами педагогической психологии – возрастными особенностями учащихся, психологией обучения и воспитания. Именно поэтому была своевременная и актуальна книга В.А. Крутецкого «Основы педагогической психологии».

Мы представляем сравнительный анализ взглядов на сущность педагогических способностей: с одной стороны – позиции В.А. Крутецкого, который описал компоненты педагогических способностей в книгах «Проблема способностей в психологии» (1971), «Основы педагогической психологии» (1972), а с другой стороны – позиций Александра Бэна («Education as a Science», 1879, по некоторым источникам – 1881) и Джеймса Селли («Outlines of Psychology», 1884). В структуру педагогических способностей, по В.А. Крутецкому, входят:

1. Дидактические способности — способности передавать учащимся учебный материал, делая его доступным для детей, преподносить им материал или проблему ясно и понятно, вызывать интерес к предмету, возбуждать у учащихся активную самостоятельную мысль [15, с.239]. Согласно

В.А. Крутецкому, наличие у педагога дидактических способностей позволяет ему адаптировать учебный материал, трудное сделать легким, сложное – простым, непонятное – понятным; учитывать уровень подготовки школьников, уровень их интеллектуального и личностного развития. У Александра Бэна мы находим основное дидактическое требование Я.А. Коменского о постепенности в обучении ребенка. А. Бэн назвал это требование - «разумного руководства со стороны воспитателя» процессом обучения. Он говорил, что как невозможно научить танцевать того ребенка, который еще не умеет ходить, так и невозможно научить ребенка писать, если он не знает букв: «прежде, чем взяться за новую деятельность, мы должны приблизиться к ней выполнением предварительных или подготовительных деятельностей» [3, С. 186]. Этот принцип должен быть основополагающим в работе учителя, который должен предлагать ученику только те задачи и упражнения, которые соответствуют физиологическому и интеллектуальному уровню развития ребенка. Дж. Селли, задолго до появления книги В.А. Крутецкого высказал мысль о способности педагога заинтересовать детей и использовать все возможные средства, чтобы сделать предмет наиболее интересным для ребенка. Он говорил, что необходимо избегать монотонности и вносить в преподавание элемент разнообразия, сделать учение привлекательным и приятным: «как можно больше новизны и разнообразия как в самом материале, так и в способах предложения этого материала» [24, С. 256]. Предмет и выбранный учителем способ обучения должны пробуждать в ребенке интерес, который имеет особенное значение на первых этапах обучения, когда детям трудно долго удерживать внимание. Учитель должен, прежде всего, вскрыть привлекательные и яркие черты своего предмета, постоянно ориентируясь на то, что уже известно детям. Для этого необходимо иметь представления об интересах и увлечениях детей. Первое, на что должен обращать внимание учитель при преподавании истории, географии, естествознания так это на форму изложения материала, язык должен быть понятен и выразителен, следует прибегать к чувственным восприятиям и использовать интерес ребенка к приключениям [22, С. 240]. Вильям Б. Друммонд одним из главных факторов успешного обучения выделяет интерес ребенка к изучаемому материалу и обучению в целом: «мало успехов может быть сделано в преподавании какого-нибудь предмета, пока у ученика не пробудился интерес хотя бы в какой-нибудь степени» [7, С. 265]. Задача воспитателя должна состоять в том, чтобы или выбирать интересные для ребенка предметы, или искать средства, которые сделали бы эти предметы интересными. По мнению психолога, наибольших успехов будет достигать тот учитель, который сможет сделать изучаемый

предмет привлекательным для ученика – «воспитание – это наука о заинтересовании, и главной целью его является сила и разнообразие вызываемых интересов» [7, С.266], поэтому задача учителя провести аналогию между неинтересным предметом и тем, чем ребенок интересуется, открыть перед ребенком круг интересов в нескольких направлениях. Интересы маленьких детей лежат в области ощущений, для них более интересно то, что делает предмет и что с ним можно сделать ребенку, нежели его внешний вид, форма, строение и цвет. Поэтому в процессе обучения важно продемонстрировать действие предмета и дать ребенку самому убедиться в этом (не только показать, но и дать потрогать, произвести действие с предметом). Маленьким детям необходимо видеть, чувствовать, прикасаться к предметам, с которыми они взаимодействуют. Можно сказать, что здесь В.Б. Друммонд говорит о важности применения наглядных методов в процессе обучения и воспитания. Наглядность – один из важнейших принципов педагогической психологии.

2. Академические способности — способности к соответствующей области наук (к математике, физике, биологии, литературе и т.д.). В.А. Крутецкий, считал, что способный учитель знает предмет не только в объеме учебного курса, а значительно шире и глубже, постоянно следит за открытиями в своей науке, абсолютно свободно владеет материалом, проявляет к нему большой интерес, ведет хотя бы очень скромную исследовательскую работу [15, с.239]. Джеймс Селли говорил о необходимости знать не только свой предмет, но акцентировал внимание на необходимости психологической подготовки педагогов – это те специальные познания, которые даются изучением основ науки, ее специальных вопросов и методов, а также и «то особое искусство, которое достигается путем методического приложения на практике этих познаний к действительному наблюдению и истолкованию всех проявлений душевной жизни» [24, С. 16]. Но, как пишет Джеймс Селли, в деятельности учителя важна не только психология, но и знание социальной психологии (дает учителю знания о коллективной душе, об образовании коллективных мнений и взаимодействий в группе, ориентируясь на которые педагог может влиять на создание благоприятной общественной среды в школе и классе), физиологии (служит основой для построения программы физического воспитания), логики (определяет развитие мышления и условия нравственного рассуждения), эстетики (выступает как основа развития литературных и художественных вкусов), этики (определяет основы добродетели, критерии добра и зла, дает представление о разумном, добром и воспитанном человеке). Без знания и ориентации в процессе обучения детей на

эти науки, невозможно целенаправленное и гуманное воздействие на ребенка [22, С. 18].

3. Перцептивные способности — способности проникать во внутренний мир ученика, воспитанника, психологическая наблюдательность, связанная с тонким пониманием личности учащегося и его временных психических состояний. Способный учитель, воспитатель, по мнению В.А. Крутецкого, по малейшим признакам, незначительным внешним проявлениям улавливает малейшие изменения во внутреннем состоянии ученика [15, С. 239]. А. Бэн говорит об особой способности педагога – способность «входить в понимание чувств других», от которой зависит успех формирования нравственной сферы ребенка. Обращение к миру чувств ребенка, понимание сложности и глубины его души необходимо как в процессе воспитания его нравственных качеств, так и при составлении программы его умственного развития. А. Бэн рекомендовал наставнику «попробовать воспроизвести для себя положение ребенка с его запасом случайных опытных знаний, которые служили бы точкой отправления для дальнейших занятий» [4, С. 124]. Александр Бэн был одним из первых педагогов XIX в., который заговорил о влиянии эмпатии (как способности к сопереживанию) в деятельности педагога на формирование позитивных взаимоотношений с учениками [17, С. 141]. Данная идея нашла отражение в трудах многих ученых, например, в работах А.А. Реана, эмпатия рассматривается как механизм межличностного познания, который «ведет к более обоснованному принятию педагогических решений, к повышению продуктивности педагогической деятельности» [20, С. 65]. Джеймс Селли считал, что педагог должен считаться с чувствами детей и обладать способностью к объективному наблюдению за духовной природой воспитанников для того, чтобы разнообразить и приспособить к ним свои методы преподавания и дисциплинирования [24, С. 401].

4. Речевые способности – способности ясно и четко выражать свои мысли и чувства с помощью речи, а также мимики и пантомимики. Речь способного учителя на уроке всегда обращена к учащимся. Сообщает ли учитель новый материал, комментирует ли ответ ученика, выражает ли одобрение или порицание, речь его всегда отличается внутренней силой, убежденностью, заинтересованностью в том, что он говорит. Выражение мысли ясное, простое, понятное для учащихся. Речь, обладающего данной способностью учителя, с точки зрения В.А. Крутецкого, яркая, живая, эмоциональная, выразительная [15, С. 239]. А. Бэн также говорит о речевых способностях педагогов: владение ораторским искусством [17, С. 152],

мастерство внешних способов выражения эмоций, владение мимикой, жестикуляцией, голосом [3, С. 346]. В современной трактовке речь идет о владении навыками вербальной и невербальной коммуникации с использованием оптико-кинетической, паралингвистической и экстралингвистической знаковых систем.

5. Организаторские способности по В.А. Крутецкому, это, с одной стороны, способности организовать ученический коллектив, сплотить его, воодушевить на решение важных задач, с другой стороны, способности правильно организовать свою собственную работу [15, С. 241]. В трудах А. Бэна рассматриваются организаторские способности педагога, имеющие как непосредственное отношение к процессу организации обучения и организации познавательной деятельности учащихся, так и как инструмент педагогического воздействия на воспитанников, с целью гармонизации отношений в классе и профилактики нарушений дисциплины. Среди множества средств педагогического воздействия на личность ребенка А. Бэн выделил когнитивное воздействие как передачу от учителя ученикам знаний о нравственных нормах и ценностях, а также о последствиях аморальных действий и поступков [5, С. 169]. Британский ученый придерживался мнения о том, что ребенок нарушает социальные правила по причине недостатка знаний моральных норм поведения. В связи с этим, задача педагога – восполнить этот пробел в знаниях посредством организации школьных уроков нравственности [10].

6. Авторитарные способности В.А. Крутецкий понимает как способность непосредственного эмоционально-волевого влияния на учащихся и умение на этой основе добиваться у них авторитета. Авторитарные способности зависят от целого комплекса личностных качеств учителя, в частности его волевых качеств (решительности, выдержки, настойчивости, требовательности и т.д.), а также от чувства ответственности за обучение и воспитание школьников, от убежденности учителя в том, что он прав, от умения передать эту убежденность своим воспитанникам [15, С. 242]. Александр Бэн считал, что авторитет не является необходимостью во всяком воспитательном акте. Ученик, являющийся добровольно к наставнику учиться, не подлежит действию авторитета; в этом случае заключается простой добровольный договор, оканчивающийся по желанию каждой стороны. Чрезмерное проявление авторитета учителя губительно сказывается на воспитанниках, подавляя их личность и является «злом, серьезным посягательством на человеческое счастье» [5, С. 118]. Использование в обучении и воспитании учительского авторитета должно быть ограничено и

являться лишь «средством достижения одной только цели – сообщения известного количества знаний» [5, С. 118]. При этом А. Бэн противопоставляет авторитет учителя родительскому авторитету, который может быть практически безграничен, но не подавляет личность ребенка, так как родительская власть и авторитет дополняются любовью и заботой о ребенке. Иная ситуация складывается в школе. А. Бэн полагал, что учитель не чувствует и не может чувствовать по отношению к детям любви, подобно материнской [17]. Но это не исключает проявлений нежности, учительской любви и привязанности по отношению к своим воспитанникам, что влияет на формирование нравственной сферы ребенка. А. Бэн говорит, что успех формирования нравственной сферы ребенка зависит также от наличия у наставника определенных качеств, среди которых важной является способность «входить в понимание чувств других» [4, С. 101]. Обращение к миру чувств ребенка, понимание сложности и глубины его души необходимо как в процессе формирования его нравственных качеств, так и при составлении программы его умственного развития.

7. Коммуникативные способности, как считает В.А. Крутецкий, выражаются в способности к общению с детьми; в умении найти правильный подход к учащимся и установить с ними целесообразные, с педагогической точки зрения, взаимоотношения; в наличии педагогического такта [15, С. 243]. Говоря о профессионально-важных качествах педагога, А. Бэн выделил такие качества как простота, скромность, тактичность («живое чутье происходящего кругом», «всегда бодрствующее внимание») [3, С. 316]. А. Бэн также говорит о коммуникативной компетентности педагогов, которая включает в себя следующие компоненты: владение ораторским искусством, мастерство внешних способов выражения эмоций, владение мимикой, жестикуляцией, голосом [5]. Говоря современным языком, ученый писал о владении навыками вербальной и невербальной коммуникации с использованием оптико-кинетической, паралингвистической и экстралингвистической знаковых систем. Таким образом, в работах А. Бэна существенная роль отводилась подробному анализу одного из важнейших качеств педагога – умения организовывать длительное и эффективное взаимодействие с учащимися. На современном языке это качество определяется как коммуникативные способности педагога [17]. Но, несмотря на то, что термин «коммуникативные способности» в работах А. Бэна не используется, мы можем констатировать, что среди коммуникативных способностей педагога, выделенных А. Бэном, имеется практически полный перечень всех тех составляющих компонентов общения, которые раскрываются и современными авторами: познание человека

человеком, познание человеком самого себя, умение правильно оценить ситуации общения и другие. Решение данной проблемы в работах А. Бэна звучит современно и остается актуальным и сегодня.

8. Педагогическое воображение (или, как бы их назвали сейчас, прогностические способности) — это специальная способность, которая, по мнению В.А. Крутецкого выражается в предвидении последствий своих действий, в воспитательном проектировании личности учащихся, связанном с представлением о том, что из ученика получится в будущем, в умении прогнозировать развитие тех или иных качеств воспитанника [15, С. 244]. Как четко и идентично звучит идея Александра Бэна о том, что учителю необходимо научиться внимательно «читать в глазах своих учеников последствия своих наставлений» [4, С. 220]. В этом утверждении говорится о рефлексии как о профессионально-важном качестве педагога.

9. Способность к распределению внимания одновременно между несколькими видами деятельности имеет особое значение для работы учителя, как считает В.А. Крутецкий. Способный, опытный учитель внимательно следит за содержанием и формой изложения материала, за развитием своей мысли (или мысли ученика), в то же время держит в поле внимания всех учащихся, чутко реагирует на признаки утомления, невнимательности, непонимания, следит за собственным поведением (позой, мимикой и пантомимикой, походкой) [15, С. 244]. В трудах А. Бэна в большей степени говорится о внутреннем, чем о внешнем внимании и особое значение уделяется проблеме саморегуляции. Британский ученый акцентировал внимание на важности управления эмоциями, на недопустимости воздействовать на воспитанников «гневом и раздражением»: «раздражающим элементом в воспитании» со стороны наставника по отношению к ребенку, является гнев. На смену гневу приходит раскаяние. Поэтому педагогу важно научиться подавлять в себе гневные эмоции [3, С. 164]. Педагог должен развивать эмоциональную культуру, постоянно контролировать свои эмоции, исключить проявление гнева по отношению к детям – таковы обязательные условия профессиональной пригодности педагогов. Спокойствие и умение учителя владеть собой он назвал «драгоценной помощью дисциплине» на уроке [3, С. 166]. Готовность и способность педагога к саморегуляции выступает как основа эффективности процессов обучения и воспитания. Александр Бэн впервые заговорил об аутотренинге и его значении в педагогической деятельности, подтверждение этой идеи отражено в высказывании ученого о том, что учителю необходимо «вызывать у себя приятное настроение, тогда как действительность не способствует этому» [3, С. 168].

А.В. Лапшова в статье «Современное определение сущности профессионализма педагога в условиях модернизации образования» (2013 г.) анализирует сущность и содержание профессионализма педагога, профессиональной компетентности и профессионально-важных качеств. По мнению автора статьи профессионально-значимые качества педагога составляют стержень, основу и мастерства, и компетентности, и имиджа педагога. Профессионально-значимыми качествами личности педагога являются качества, обеспечивающие успешность реализации личности в профессии. Выделяются три группы качеств: природные качества (коммуникабельность, эмпатия, рефлексивность, креативность, эмоциональная стабильность); качества как следствие образования и воспитания (толерантность, эрудиция, активная жизненная позиция, целеустремленность, оптимизм); качества как следствие профессиональной деятельности (требовательность, справедливость, профессиональная направленность, готовность к саморазвитию, саморегуляция) [16, С. 58].

По мнению Александра Бэна, все искусство и способности учителя должны быть направлены на развитие познавательной сферы ребенка и приобретения ребенком тех способностей, которые не заложены в нем от природы. В своей книге Александр Бэн заложил теоретические основы для развития образования, его взгляды оказали огромное влияние на теорию и практику обучения. Как писал А.Бэн, «образование – это средство развития обретаемых человеком сил». Исходя из этого утверждения, процесс обучения и освоения знаний должен способствовать развитию потенциальных способностей личности, что означает гармоничное формирование человеческой личности. В этой связи А. Бэн поднял вопрос гигиены интеллектуального труда, рассматривал проблему интеллектуального развития ребенка в связи с «разумным руководством со стороны воспитателя» [3, С. 38].

Интересными, на наш взгляд, представляются идеи А. Бэна о «наградах» и «наказании». По мнению ученого, учитель всегда должен быть готов подавить волнение дисциплинарными мерами и наказанием: «он может прибегнуть к успокаивающим мерам, пустить в ход мягкие и дружеские увещевания, он может помешать распространению вредного духа и показать зачинщикам, что он наблюдает за ними; но все-таки и при этом всегда может встретиться надобность окончить наказанием». Учитывая, что Англия – это классическая страна телесных наказаний, А.Бэн пишет, что «в отношении наказания воспитательные учреждения, как и другие виды управления, достигли наибольших успехов» [4, С. 90]. Подтверждение этому высказыванию, мы находим в книге И.С. Кона «Бить или не бить»: «наиболее

разработанная система телесных наказаний детей...существовала в Великобритании», «первое, с чем английский мальчик сталкивался в школе, - это жестокость и злоупотребление властью со стороны учителей». А. Бэн указывает, что, по преимуществу, телесные наказания больше практикуются в школах для бедных, но, они также встречаются и среди аристократических школ. Независимо от статуса учебного заведения, по мнению ученого, есть категория учеников, «которыми невозможно управлять без унижительного телесного наказания» [4, С. 95], и даже в этом случае, «они должны занимать последнее место в ряду карательных мер» [4, С. 96]. Телесное наказание считается унижительным как для самого ребенка, так и «представляет серьезную неприятность для лица, которое налагает это наказание, и для тех, кто принужден быть его свидетелем, как верх стыда и позора». Поэтому, физическое наказание должно быть не правилом воспитательного воздействия, а исключением, применение которого необходимо только в исключительных случаях: «если после второго и третьего раза, наказание это все-таки окажется недействительным, то остается лишь прибегнуть к исключению» [4, С. 95].

Обычная форма наказания, которая всегда «под руками учителя» - это порицание, неодобрение и осуждение учителем действий, поступков или поведения ученика. Но, чтобы не причинить вред ребенку, А.Бэн предостерегает учителей, что «следует быть крайне разборчивым и соблюдать строжайшую справедливость», иногда достаточно ясного изложения вины ребенка, простого указания фактов проступка, без замечаний и комментариев, что само по себе уже может расцениваться как карательная мера. Виды наказания, «находящиеся в распоряжении учителя» [4, С. 92]:

- унижающее положение и изоляция от группы, с целью формирования чувства стыда за проступок;
- «штрафные или добавочные уроки представляют обычную карательную меру, назначаемую за недостаток трудолюбия; они могут быть также применяемы в случае непокорности»;
- суровые и унижающие телесные наказания используются только в «грубой и неискусной» системе воспитания [4, С. 93].
- легкие наказания, например, порицание, осуждение, следует применять для неиспорченных натур, для которых достаточно только одной идеи о наказании, «в строгости же нет вовсе необходимости» [4, С. 93].

При выборе карательных мер, учителю, по мнению А.Бэна, необходимо знать индивидуальные особенности детей, чтобы прогнозировать последствия применения наказания, некоторые виды наказания могут оказывать сильное влияние на одних учеников и быть совершенно недейственными в отношении

других. Кроме карательных мер, учителю необходимо и вознаграждать учеников за знания и прилежность поведения. Самое главное вознаграждение, которым располагает учитель – одобрение и похвала, «средство сильное и растяжимое, которым следует пользоваться весьма тактично. Выразить похвалу – дело деликатное, надо много такта, чтобы она была достаточна и справедлива. Она всегда должна вытекать из фактов» [4, С. 91]. Более действенна будет похвала и одобрение ученика при всем классе.

С целью поддержания дисциплины в классе, учитель, по мнению А. Бэна, может использовать несколько форм воздействия на учеников:

1. форма воздействия, основанная на привлекательности и мягкости обращения. Учитель говорит мягко, выказывает дружеское расположение классу, обходится без строгости;

2. форма воздействия посредством демонстрации достоинства, дистанции в общении, «которыми учитель выражает авторитет и непрерывно напоминает об обязанностях тем, которые попытались бы уклониться от них» [4, С. 92];

3. эмоциональная форма воздействия, при которой учитель демонстрирует беспокойство, гнев, злость, угрозы. По мнению, А. Бэна, данная форма воздействия передается ученикам и вредит «ходу обучения и порядку в классе» [4, С. 88-89]. «Не будучи от природы злым, учитель, увлекающийся гневным чувством, никогда не в состоянии применить свои слова к делу. Угрожать, когда знаешь, что угроза не будет приведена в исполнение, значит, признать свою слабость. Ничто не вредит так авторитету, как чрезмерная кичливость; это верное средство сделаться смешным» [4, С. 92].

А. Бэн считает, что истинное искусство учителя заключается в умении сочетать мягкое и авторитетное взаимодействие – «авторитет всегда полезно смягчать видом простоты и скромности», а «спесь и самодовольство всегда вредят влиянию учителя» [4, С. 94].

В науке конца XIX века заметен резкий переход от применения неэффективных прежних методов воспитания и обучения (физическое наказание, механическое заучивание материала), которые игнорировали изучение детской природы, к ориентации на знание и учет физической, духовной жизни ребенка и его индивидуальности. Прежняя воспитательная система с жесткой дисциплиной и телесными наказаниями (наказание рассматривалось как классический метод воспитания), построенная в соответствии с убеждением, что «детский ум может сформироваться по заказу, что способности ума зависят от учителя, что ум – это не что иное, как приемник, куда вкладывают знания, которые затем формируются сообразно с

идеалами учителя» [25, С. 68] была вытеснена. На смену эпохи, провозглашавшей главной целью физическое развитие, пришло время, когда единственной целью стало целостное развитие ребенка с опорой на всестороннее изучение его личности [13].

Ориентация воспитания на новые научные принципы породила множество споров о предмете воспитания. По утверждению Дж. Селли, воспитание – это сознательное воздействие на ребенка, опирающееся на знание законов его развития и направленное на «развитие всех душевных сил ребенка», «предмет воспитания обширен и сложен; оно имеет дело с человеческим существом, со всеми его разнообразными физическими, интеллектуальными и нравственными свойствами ...» [23, С. 8].

По мнению Дж. Селли, без знания и ориентации в процессе обучения детей на такие науки как физиология (дает данные о строении и функционировании организма, на этом основано физическое воспитание), психология (помогает в познании души воспитанников), логика (способствует развитию точного мышления, определяет условия нравственного рассуждения), эстетика (дает образцы красоты, критерии для оценки литературных и художественных произведений), этика (определяет основы добродетели, критерии добра и зла, дает представление о разумном, добром и воспитанном человеке), социальная психология (дает знания о коллективной душе, об образовании коллективного мнения и взаимодействия в группе), невозможно целенаправленное и гуманное воздействие на ребенка [24].

Идеи британских ученых были популярны на рубеже XIX и XX веков во всем просвещенном мире, их труды издавались во Франции, Германии, России и в других странах и способствовали популяризации психолого-педагогических знаний, повышению профессионализма педагогов, воспитателей и учителей, что повлекло за собой и улучшение качества преподавания. Психолого-педагогическое наследие британских ученых содержит богатый материал по проблеме педагогических способностей, специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов, методикам обучения и воспитания и другим проблемам детской и педагогической психологии, что способствовало дальнейшей разработке проблем педагогической психологии, изменению подходов к обучению и воспитанию детей, внедрению психолого-педагогических идей и принципов в учебные заведения. Труды А. Бэна и Дж. Селли оказали влияние на развитие педагогики, педологии, детской и педагогической психологии.

Анализ взглядов на проблему педагогических способностей показал, что уже в конце XIX в. Дж. Селли и А. Бэном были описаны основные

педагогические способности, раскрывающиеся как в личности педагога, так и в педагогических действиях и умениях. Педагогическая психология является одной из наиболее активно развивающихся и востребованных отраслей психологического знания в настоящее время, а психолого-педагогические идеи английских ученых олицетворяют те важные тенденции, которые были характерны не только для прошлого психологии, но и для современной психологии.

В результате сравнительного анализа теоретических позиций психолого-педагогического наследия Дж. Селли, А. Бэна и В.А. Крутецкого мы выяснили, что истоки предложенной В.А. Крутецким классификации педагогических способностей могут лежать в работах британских ученых. Мы можем предположить, что работы английских психологов по проблеме педагогических способностей оказали влияние на последующее развитие педагогической психологии не только в Великобритании, но и в России.

Для формирования целостной картины становления и развития проблемы педагогических способностей особое значение приобретает проведенное историко-психологическое исследование, позволяющее оценить преемственность взглядов ученых на рассматриваемую проблему. На современном этапе развития отечественной психологической науки, мы можем наблюдать усиление взаимодействия отечественной психологии с мировой психологической мыслью, что определяет потребность в освоении большого объема данных, изучения отечественных научных подходов в мировом контексте. В связи с этим, историко-психологические исследования имеют особое значение.

Список литературы

1. Батыршина А.Р. Место психологической категории «воля» в отечественной психологии: анализ учебников психологии // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 5-9.
2. Батыршина А.Р., Жарова Д.В. Проблема педагогических способностей в исторической ретроспективе // Вестник Мининского университета. 2016 №2. С. 85-91.
3. Бэн А. Воспитание как предмет науки. Спб., Карл Риккер, тип. и лит. Л. Бергмана и Г. Рабиновича, 1879. 383 с.
4. Бэн А. Наука воспитания. Спб., «Семья и школа», 1881. 420 с.

5. Бэн А. Психология. Т. 1(Кн. 1-2). Москва: тип. И.А. Баландина, 1902. XXIII. 417 с.
6. Британское психологическое общество: [Электронный ресурс] // Британское психологическое общество. URL: <http://www.bps.org.uk/what-we-do/bps/history-psychology-centre/history-society/founding-members-society/sully-j/james-sully-1842-1923> (Дата обращения: 17.02.2017)
7. Друммонд В. Введение в изучение ребенка. М., 1910. 385 с.
8. Друммонд В. Дитя, его природа и воспитание. СПб., Издательское Т-во «XX век», 1902. 252 с.
9. Жарова Д.В. Проблема профессиональной компетентности педагогов в трудах Джеймса Селли // Прикладная психология и психоанализ. 2012. № 2. С. 5-8.
10. Жарова Д.В., Миньков В.А. О специфике педагогического труда и профессиональной компетентности педагогов в трудах британских ученых конца XIX века // Национальный психологический журнал, №1 (21) 2016. С. 94-100
11. Жарова Д.В. Критический анализ психолого-педагогического наследия английских ученых в отечественной науке конца XIX- начала XX столетия // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т.8. № 2. С. 108-116.
12. Жарова Д.В. Становление народного образования в Великобритании в XIX в. как предпосылка развития педагогической психологии / Д.В. Жарова // Психологическая наука и образование 2012. № 2. С. 230-240.
13. Жарова Д.В. Становление и развитие педагогической психологии в Великобритании в конце XIX века: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2009. 198 с.
14. Компейре Г. Умственное и нравственное развитие ребенка. СПб., 1912. 448 с.
15. Крутецкий В. А. Основы педагогической психологии. М.: Просвещение, 1972. 255 с.
16. Лапшова А.В. Современное определение сущности профессионализма педагога в условиях модернизации образования // Вестник Мининского университета. 2013. № 4. С. 56-59.
17. Миньков В.А. Идеи рационализма в педагогике Англии второй половины XIX в.: дисс. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2001. С. 138-159.
18. Минькова Е.С. Страницы жизни научного творчества Джеймса Селли (1843-1923) // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 108-119.

19. Прейер Б. Душа ребенка: Наблюдения над духовным развитием человека в первые годы жизни. СПб.: Издание А.Е. Рябченко, 1891. 207 с. Перевод с нем. Редакция и предисл. проф. И.А. Сикорского.
20. Реан А.А. Психология познания педагогом личности учащихся. М.: Высш. шк., 1990. 80 с.
21. Селли Д. Основные начала психологии и ее применения к воспитанию. Санкт-Петербург: Изд-во ж. «Русское богатство», 1887. 359с.
22. Селли Д. Основы общедоступной психологии и ее применения к воспитанию (The Teacher's Handbook of Psychology) Пер. с англ. М.Ш., под ред. Л.Е. Оболенского. СПб., 1897. С. – 351
23. Селли Д. Очерки по психологии детства; пер. с англ. А. Громбаха. Москва : Издание К.И. Тихомирова, 1901. 301 с.
24. Селли Д. Педагогическая психология. Пер. с англ. под ред. А.А. Громбаха. М., 1912. С. 624
25. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Санкт-Петербург: Изд-во М.А. Лазаревой, 1898. 232 с.
26. Sully J. Outlines of Psychology. London, 1884.
27. Sully J. Illusions a psychological study. Third edition, London, 1887.
28. Sully J. Childrens ways. London and Bombay, 1897.
29. Bain A. Education as a Science. London: Longmans, 1881.
30. Bain A. The Senses and the Intellect. London: Longmans, 1894.
31. Bain A. The Emotions and the Will. London: Longmans, 1889.
32. Hall G.S., Mansfield J.M. Hints toward a select and descriptive bibliography of education. DC Heath, 1886.
33. Preyer, W.T. 1882. Die Seele des Kindes: Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahren. Leipzig: Grieben, 1882.

References:

1. Batyrshina A.R. Mesto psihologicheskoj kategorii «volja» v otechestvennoj psihologii: analiz uchebnikov psihologii // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2014. № 11-2 (39). S. 5-9.
2. Batyrshina A.R., Zharova D.V. Problema pedagogicheskikh sposobnostej v istoricheskoj retrospektive // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016 №2. S. 85-91.
3. Bjen A. Vospitanie kak predmet nauki. Spb., Karl Rikker, tip. i lit. L. Bergmana i G. Rabinovicha, 1879. 383 s.
4. Bjen A. Nauka vospitanija. Spb., «Sem'ja i shkola», 1881. 420 s.

5. Bjen A. Psihologija. T. 1(Kn. 1-2). Moskva: tip. I.A. Balandina, 1902. HHIII. 417 s.
6. Britanskoe psihologicheskoe obshhestvo: [Jelektronnyj resurs] // Britanskoe psihologicheskoe obshhestvo. URL: <http://www.bps.org.uk/what-we-do/bps/history-psychology-centre/history-society/founding-members-society/sully-j/james-sully-1842-1923> (Data obrashhenija: 17.02.2017)
7. Drummond V. Vvedenie v izuchenie rebenka. M., 1910. 385 s.
8. Drummond V. Ditja, ego priroda i vospitanie. SPb., Izdatel'skoe T-vo «XX vek», 1902. 252 s.
9. Zharova D.V. Problema professional'noj kompetentnosti pedagogov v trudah Dzhemsa Selli // Prikladnaja psihologija i psihoanaliz. 2012. № 2. S. 5-8.
10. Zharova D.V., Min'kov V.A. O specifike pedagogicheskogo truda i professional'noj kompetentnosti pedagogov v trudah britanskih uchenyh konca XIX veka // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal, №1 (21) 2016. S. 94-100
11. Zharova D.V. Kriticheskij analiz psihologo-pedagogicheskogo nasledija anglijskih uchenyh v otechestvennoj nauke konca XIX- nachala XX stoletija // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija. 2015. T.8. № 2. S. 108-116.
12. Zharova D.V. Stanovlenie narodnogo obrazovanija v Velikobritanii v XIX v. kak predposylka razvitija pedagogicheskoi psihologii / D.V. Zharova // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie 2012. № 2. S. 230-240.
13. Zharova D.V. Stanovlenie i razvitie pedagogicheskoi psihologii v Velikobritanii v konce XIX veka: dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva, 2009. 198 s.
14. Kompejre G. Umstvennoe i npravstvennoe razvitie rebenka. SPb., 1912. 448 s.
15. Kruteckij V. A. Osnovy pedagogicheskoi psihologii. M.: Prosveshhenie, 1972. 255 s.
16. Lapshova A.V. Sovremennoe opredelenie sushhnosti professionalizma pedagoga v uslovijah modernizacii obrazovanija // Vestnik Mininskogo universiteta. 2013. № 4. S. 56-59.
17. Min'kov V.A. Idei racionalizma v pedagogike Anglii vtoroj poloviny XIX v.: diss. ... kand. ped. nauk. Joshkar-Ola, 2001. S. 138-159.
18. Min'kova E.S. Stranicy zhizni nauchnogo tvorchestva Dzhemsa Selli (1843-1923) // Voprosy psihologii. 2000. № 4. S. 108-119.
19. Prejer B. Dusha rebenka: Nabljudenija nad duhovnym razvitiem cheloveka v pervye gody zhizni. SPb.: Izdanie A.E. Rjabchenko, 1891. 207 s. Perevod s nem. Redakcija i predisl. prof. I.A. Sikorskogo.
20. Rean A.A. Psihologija poznaniya pedagogom lichnosti uchashhihsja. M.: Vyssh. shk., 1990. 80 s.

21. Selli D. Osnovnye nachala psihologii i ee primenenija k vospitaniju. Sankt-Peterburg: Izd-vo zh. «Russkoe bogatstvo», 1887. 359s.
22. Selli D. Osnovy obshhedostupnoj psihologii i ee primenenija k vospitaniju (The Teacher's Handbook of Psychology) Per. s angl. M.Sh., pod red. L.E. Obolenskogo. SPb., 1897. S. – 351
23. Selli D. Ocherki po psihologii detstva; per. s angl. A. Grombaha. Moskva : Izdanie K.I. Tihomirova, 1901. 301 s.
24. Selli D. Pedagogicheskaja psihologija. Per. s angl. pod red. A.A. Grombaha. M., 1912. S. 624
25. Spenser G. Vospitanie umstvennoe, npravstvennoe i fizicheskoe. Sankt-Peterburg: Izd-vo M.A. Lazarevoj, 1898. 232 s.
26. Sully J. Outlines of Psychology. London, 1884.
27. Sully J. Illusions a psychological study. Third edition, London, 1887.
28. Sully J. Childrens ways. London and Bombay, 1897.
29. Bain A. Education as a Science. London: Longmans, 1881.
30. Bain A. The Senses and the Intellect. London: Longmans, 1894.
31. Bain A. The Emotions and the Will. London: Longmans, 1889.
32. Hall G.S., Mansfield J.M. Hints toward a select and descriptive bibliography of education. DC Heath, 1886.
33. Preyer, W.T. 1882. Die Seele des Kindes: Beobachtungen über die geistige Entwicklung des Menschen in den ersten Lebensjahren. Leipzig: Grieben, 1882.

Сведения об авторах:

Жарова Дарья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им.К.Минина (Россия).

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского (Россия)

Русские духовные традиции и истоки духовной психологии в России

Козлов Владимир Васильевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Аннотация. В статье предпринят анализ роли русских духовных традиций в развитии современной духовной психологии. Особое внимание уделяется русской православной традиции, писателям и философам экзистенциально-гуманистического направления.

Ключевые слова: Духовная психология, традиция, философия, теология, практика, православие

Russian spiritual tradition and roots of spiritual psychology in Russia

Kozlov Vladimir Vasilievich

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia

e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Abstract. The article analyzes the role undertaken by Russian spiritual traditions in the development of modern spiritual psychology. Particular attention is paid to the Russian Orthodox tradition, writers and philosophers of existential-humanistic direction.

Keywords: Spiritual psychology, tradition, philosophy, theology, practice, orthodoxy

Отечественная традиция интегративной, гуманистической, трансперсональной, духовной психологии имеет ряд отчетливых истоков. Это и монашеская – византийская и древнерусская – традиция (практика исихазма), это и практика традиционного уклада отечественной жизни – крестьянской

общины и духовборческих исканий от древних раскольнических общин до толстовских коммун [1; 4].

Одним из главных корней духовной психологии в России является христианский мистицизм, который считается основой христианской теологии и практики. Он включает следующие характеристики:

1. Бог понимается в качестве внутренне присутствующего в человеческом существовании.

2. Люди призваны в качестве своей жизненной задачи развивать любовь и служение всему человечеству и всему созданию.

3. Иисус Христос является моделью и внутренним гидом, проводником для этого личностного развития.

4. Личностный рост понимается в историческом контексте христианского сакраментального служения, теологической рефлексии и общинной поддержки. Этот путь обычно включает медитативные молитвы (Judy, 1991).

Это направление мышления и практики укоренено в учениях Иисуса и практике ранних Отцов – пустынников и матерей. В этом значении мудрость христианства была достаточно хорошо выражена рядом христианских мистиков Средних веков в Европе, в учении Нового Завета [3; 4].

Христианский мистицизм провозгласил необходимость развития полноты любви, которую Иисус считал процессом личностной трансформации от ограниченного эго-сознания до состояния космического сознания. В некоторых случаях этот процесс может быть описан как внутренний брак между человеком и Богом. В других случаях он описывается как подчинение Богу. В попытке церкви описать этот процесс на языке доктрины, он иногда называется «обожением». Под обожением христианская церковь понимает возможность человеческого роста навстречу тому, чтобы включить полноту Бога внутри себя, своего собственного ума и сердца.

Христианский мистицизм указывает на пример Иисуса. Христиане, которые позднее были названы отцами-пустынниками и матерями-пустынницами, проводили свою жизнь в уединенных районах Сирии, Египта и Палестины. Это было широко распространено в 3-м столетии и расцвело в последующие 300 лет. Записи внутренней жизни этих людей хорошо представлены в ранних трудах из «Добротолубия». Они строго преследовали искушающих их демонов и представляли в эмоциональной полноте перед Богом. Пустынники-отцы и пустынницы-матери культивировали человеческий дух с той живостью, которая характеризует также продвинутых практиков других важных духовных традиций. Их опыт обнаруживает прямую связь с

современными трансперсональными переживаниями, практикой и прозрениями [1].

Уединенная жизнь пустынных была утверждением ценности индивида, что было весьма необычно для того времени. В этом отношении весь Запад во многом обязан им за их способность переживать и доказывать такую автономность. В дополнении к культивации внутреннего Христа и поклонения Богу, подчеркивание христианством распятия и воскресения Христа установило массовый архетип процесса смерти-возрождения и заняло центральное место в русском сознании. Этот архетип остается центральным для трансперсональной практики и в наше время. Цикл годовых христианских праздников фокусируется на рождении, смерти и возрождении. Год за годом, через чередование сезонов Рождества, Пасхи, Вознесения, это время опять прославляется.

Пустынные отцы и матери практиковали медитативные молитвы для познания себя и внутреннего роста. Краткие цитаты из «Добротолюбия» показывают важность самоосознания духовного опыта, открытого через эти практики. В 6-м веке бенедиктинцы составили кодекс жизни монастырей, который известен как «Правило Св. Бенедикта». Одним из ключевых принципов был особый способ медитирования, называемый «lectio divina» (лат.), который включает медитацию на короткой фразе или на отрывке из писания. Направление практики состоит в том, чтобы привнести святую мудрость в практикующего. Медитация на Иисусе или Иисусовой молитва становится главным направлением восточной ортодоксальной практики – православия. Это исключительно хорошо описано в «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу». Медитативное поклонение Марии также широко распространяется в России.

Христианские мистики оправдывают это учение об обожествлении человека, представляя его как необходимое последствие воплощения – принятие Богом человеческой формы. В поддержку этого аргумента они ссылаются на авторитет отцов церкви. «Он стал человеком для того, чтобы мы могли стать Богом», – говорит св. Афанасий. «Я слышал, – говорит св. Августин о своем периоде жизни, предшествовавшем обращению, – Твой голос, взывающий ко мне свыше: «Я – Пища тех, кто полностью вырос; расти и тогда ты станешь питаться Мною. Это не превратит Меня в тебя, подобно тому, как ты превращаешь пищу в свою плоть, но таким образом ты сам превратишься в Меня». Экхарт лишь излагал точку зрения отцов церкви, когда он писал: «Господь наш говорит каждой живой душе: «Я стал человеком для

тебя. Если ты не станешь Богом – ради меня, – ты плохо поступишь по отношению ко мне» (Цит. по Уайт, 1996).

Первое, что вытекает из этих сообщений, из того выбора символов, которые мы находим в этих сообщениях, – это то, что великие мистики обеспокоены тем, чтобы любыми способами донести истину до нас, и что под обожествлением они имеют в виду вовсе не надменную цель своего отождествления с Богом; но это обожествление является переливанием их самости в Его самость и обретением доступа к новому порядку жизни, столь высокому и настолько пребывающему в гармонии с реальностью, что он может быть назван только лишь божественным. Снова и снова они уверяют нас, что личность не утрачивается, а становится более реальной. Так Беме, пытаясь описать единство между словом и душой, говорит: «Я дам вам земное подобие этого. Наблюдай светящийся раскаленный кусок железа, который сам по себе черный и темный, и огонь, который проявляется и светит через это раскаленное железо, которое само начинает светиться. Железо не перестало быть железом, оно остается всего лишь железом. Источник огня тоже остается самим собой – он не вбирает в себя железо, но он проникает в железо и светит теперь через него. Это такое же железо, как было и до того, само по себе свободное от чего-либо, как и источник огня. Так же и душа по отношению к Божеству: Божество проявляет себя через душу и сияет в душе, в то время как душа не может постигать все Божество, – это оно, Божество, постигает душу, но не изменяет ее (и она не перестает быть душой) но лишь дает ей божественный источник Величия» (Цит. по Уайт, 1996).

Практика христианского мистицизма установила духовную модель сознания и духовного развития. Она определила методы для исследования внутренних областей и искания целей жизни. Христианский мистицизм является одним из изначальных сохранившихся традиций, сознательной рефлексией, но внутреннего качества человеческого ума в России. Он образует корни и самой психологии, и духовной, трансперсональной психологии. Многие из находок или традиций остаются очень важными и для наших дней. По мере того, как все больше исторических источников становится доступными, богатый диалог с психологией становится все более и более развернутым [4; 5].

Святой Григорий Палама (1296-1359), афонский монах, является одной из ярчайших фигур Православного христианского эзотеризма. Этот эзотеризм более всего известен в традиции исихазма, от греческого слова *hesychia* – «покой», «мир», «тишина», «одиночество», «молчание». Можно сказать, что именно в этом аспекте Православная церковь сохранила самую глубинную

связь с основой христианского Откровения, т.к. традиция исихазма, – как и всякий подлинный и ортодоксальный эзотеризм – настаивала на полной реализации сакральной христианской доктрины через личный опыт практикующего христианина-аскета. Григорий Палама во всей цепи исихастической традиции, идущей от Апостолов через отцов-пустынников к афонским монахам 14-го века и далее к традициям русского православного старчества, сохранившегося вплоть до 20-го века, занимает уникальное место (Мейендорф, 1985).

Взятый из русского перевода греческого «Добротолюбия» текст Григория Паламы, является ярким примером доктрин христианской инициации и христианского эзотеризма во всех их отличительных чертах. Этот текст является блистательной отповедью, данной нетерпимой и претенциозной Церкви «внешних», стремящихся навязать свою ограниченную точку зрения не только пастве, но и активным монахам-эзотерикам, логически принадлежащим к числу «внутренних». Возражая хулителям исихазма, Святой Григорий перечисляет все те пункты, которые и отличают эзотеризм от экзотеризма. Здесь мы можем обрести ключи, взятые из сердца христианской Православной традиции, которые позволяют однозначно понять разницу между «внешней» и «внутренней» сторонами традиции и, уяснив это на примере христианства, увидеть такое же разделение в других традициях для нас не составит никакого труда (Мейендорф, 1997).

Основной претензией к исихастам со стороны экзотериков было обвинение в «обожествлении» тела. Отсюда вытекали и все остальные укоры. Этот вопрос, на самом деле, не может быть разрешен простой апелляцией к компетентности или некомпетентности либо критикующих, либо критикуемых. Дело обстоит гораздо глубже, т.к. в двух возможностях отношения к телу, к телесной реальности в целом и, особенно к человеческому телу, проявляются две метафизические позиции, определяющие либо «внешних», либо «внутренних». Исихазм настаивал на возможности, и даже на императивной необходимости преобразования плоти, и не только в перспективе грядущего всеобщего Воскресения, но здесь и сейчас, в актуальной и конкретной практике, практике монашеского алхимического преобразования, т.е. в процессе инициации и духовной реализации.

Все учение Св. Григория предполагает действие Личного Бога. Не покидая неприступного света, в котором Он обитает вечно, Бог устремляется к человеку и объемлет его Своей Благодатью и действием. Главная цель богословского учения Св. Григория – защитить реальность христианского опыта. Спасение – не только прощение. Это подлинное обновление человека. И обновление

достигается не высвобождением каких-то природных энергий, присущих тварному бытию человека, но «энергиями» Самого Бога, Который через них встречается с человеком, и объемлет его, и приемлет в общение с Собой. Учение Св. Григория затрагивает всю систему богословия, весь корпус христианской догматики. «Природа и энергия – не одно и то же». Если Божественная сущность ничем не отличается от Божественной энергии, то рождение и исхождение ничем не отличаются от творения.

Сейчас нередко утверждают, что богословие Св. Григория можно описать в современных терминах как «экзистенциалистское». Но оно в корне отлично от тех концепций, что сейчас называются этим именем. В любом случае, Св. Григорий спорит со всеми «экзистенциальными теологиями», которые потерпели неудачу, пытаясь объяснить Божественную свободу, динамизм воли Божией, реальность Его действий. Св. Григорий прослеживает эту тенденцию начиная с Оригена. Греческая имперсоналистская метафизика здесь обречена на поражение. Если у христианской метафизики есть какие-то корни, то она коренится в метафизике личности (Мейендорф, 1997).

Другим истоком духовных и трансперсональных идей является философия Серебряного века, в которой представлен весь спектр ориентаций – от ярко выраженных персоналогических, гуманистических до мистических трансперсональных. Это, конечно, и русская литература, представленная, прежде всего такими авторами экзистенциально-духовной ориентации как Достоевский и Толстой, а также писателями серебряного века. Андрей Белый, например, имел тесное отношение к трансперсональной традиции и был учеником Р. Штайнера. К Штайнеру были близки и чета Мережковских, и актер Михаил Чехов. Знаменательно, что одним из предтеч американской гуманистической и трансперсональной ориентации был Г.И. Гурджиев – также наш соотечественник. Его Институт интегрального развития человека прежде, чем обосноваться в Париже, находился в России. Ряд мощных гуманистических импульсов содержит культурно-исторический подход Л.С. Выготского и философская антропология М.М. Бахтина. Словом, у русской трансперсональной традиции и духовной психологии много истоков, и нам предстоит их заново переосмыслить, и для этого сейчас открылось множество возможностей [3; 4; 5].

Именно в России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе ее в ноосферу и открывшей реальный путь в космос, уже начиная с середины прошлого столетия вызревает уникальное трансперсональное направление научно-философской мысли, широко развернувшееся в XX в. В его ряду стоят такие философы и ученые, как В.И. Вернадский,

К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров, др. В философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения – В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Л.Н. Толстого, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева – также выделяется линия, близкая по своей структуре, целям и содержанию трансперсональной психологии. В русской православной философии созрело направление, которое Н.А. Бердяев называл «космоцентрическим, узревающим божественные энергии в тварном мире, обращенным к преображению мира» и «антропоцентрическим, обращенным к активности человека в природе и обществе». Именно здесь ставятся «проблемы о трансперсональном, интерперсональном и персональном в человеке», разрабатывается активная, творческая система трансформации личности (Бердяев, 1994).

Вне сомнения, русская трансперсональная традиция отличается глобализмом и «космическим» характером. Трансперсональная парадигма связана с идеей активной эволюции, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство. Это направление мы можем определить как активно-эволюционное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но вместе сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу. Речь по существу идет о расширении прав сознательно-духовных сил, об управлении духом материи, об одухотворении мира и человека. Русские трансперсоналисты сумели соединить заботу о большом целом – Земле, биосфере, космосе с глубочайшими запросами высшей ценности – конкретного человека. Важное место здесь занимают проблемы, связанные с преодолением болезни и смерти и достижением бессмертия, которые были поставлены в древних духовных традициях – даосизме, буддизме, христианстве [1].

Огромный и конкретный вклад в трансперсональную мысль В.И. Вернадского. Он считал, что последовательное совершенствование нервной, мозговой ткани, приведшее к созданию человека, по меньшей мере, намекает на спонтанные импульсы самой эволюции, на ее внутренние закономерности, на некую ее «идеальную» программу, стремящуюся к своей реализации (Вернадский, 1988).

В философии Вернадский видит мысли, предчувствия, связанные с пониманием жизни, ее места и роли во Вселенной, которые могут быть соотнесены с современными научными выводами о живом веществе, об антропогенной геологической эре, о будущей роли человека.

Рассматривая философско-психологические системы духовной и трансперсональной ориентации, нельзя обойти вниманием «космическую

философию» К.Э. Циолковского, развивавшуюся им в серии философских работ. Хотя Циолковский называл себя «чистейшим материалистом», его психолого-космогоническая система аналогична индуистскому и даосскому.

Сознательное управление эволюцией, высший идеал одухотворения мира раскрывается у Н.Ф. Федорова в последовательной цепочке задач: это регуляция «метеорических», космических явлений; превращение стихийно-разрушительного хода природных сил в сознательно направленный; создание нового типа организации общества – «психократии» на основе сыновнего, родственного сознания; работа над преодолением смерти, преобразованием физической природы человека; бесконечное творчество бессмертной жизни во Вселенной. Для исполнения этой грандиозной цели русский мыслитель призывает ко всеобщему познанию, опыту и труду в пределах реального мира, реальных средств и возможностей при уверенной предпосылке, что эти пределы будут постепенно расширяться, доходя до того, что пока кажется еще нереальным и чудесным.

В начале 21-го столетия приходится признать, что трансперсональные модели «коллективного достижения просветления» и приобретения божественных возможностей, сформированные Вернадским и Федоровым, больше похожи на футурологические проекты «кремлевского мечтателя».

У религиозных трансперсоналогов высшая цель движения носит название Царствия Божьего, Царствия небесного. Утверждается и несовершенство, «промежуточность» нынешней, еще кризисной, требующей дальнейшего роста природы человека, но вместе – и высокое его достоинство, преобразовательная роль в мироздании. В религиозной ветви русской трансперсональной традиции, в центральной его теме богочеловечества, торжествует идея творческого призвания человека.

Соловьев развивал идеи христианского активизма, богочеловечества, тесного объединения божественной и человеческой энергий в деле избавления мира от законов «падшего» материального естества и ввода его в эволюционно высший, нетленный, соборно-любовный тип бытия, Царствие Божие.

Истоки духовной психологии в России были странными, как, наверное, странна и непонятна вся наша жизнь в этой стране. В крайнем случае, мы можем отметить несколько идей, которые являются чисто русскими в трансперсональной традиции, духовной психологии:

- приобретение сидхи (благих, божественных способностей) через технический прогресс,
- соборность, коллективизм просветления,
- трансформация через любовь и духовную этику,

- глобализм,
- почти детская вера в идеалы и возможность сада Эдема на земле,
- богоискательство,
- активность и деятельность,
- гуманизм и вера в человеческие возможности,
- онтологический оптимизм.

Может именно русская традиция духовной психологии является выражением мудрости вечной философии, которая дышит духовностью «не смотря ни на что»?

«Русский дух» в его языческо-православном азиатско-европейском неповторимом сплаве наиболее недоступен для иностранца. Эта трудно фиксируемая в категориях первооснова национального бытия труднее всего подвержена разрушению при всяких социальных катаклизмах и надежнее всего хранит и передает особенности русского национального характера. Если она разрушается, нация умирает [1; 4].

Обратим внимание на две черты «русского духа». В ряде работ отечественных исследователей (например, академика Д.С. Лихачева) отмечается особое место пространства в русском национальном сознании. Его русский переживает как простор, как то, куда вырываешься из неволи, как чистую потенциальность бытия – если попытаться выразить это на философском языке. На психологическом уровне – это воля, свобода, полноценное дыхание, т.е. духовная жизнь, не стесненная мирской скорбью.

Все поиски «русской Шамбалы» – града Китежа и Беловодья свершаются в просвете этого простора. И еще, пространство, простор, первичнее – времени, которое для русского не имеет такого значения как для западноевропейца, и оно тяготеет над русской душой, истощая ее своею безмерностью. М.М. Бахтин отмечал эти же особенности в поэтике романов Достоевского, где ключевые сцены происходят одновременно, в сталкивании личностных и исторических времен в одном пространстве.

Вторая особенность «загадочной русской души» – это почти полное отсутствие личности в западноевропейском смысле слова, и всех ее коррелятов в виде гражданского общества, правового государства, демократии, рыночной экономики, декларации прав человека. В общественном смысле личность в России законсервировалась на уровне раннехристианской «ипостаси». Эту особенность проще всего продемонстрировать на геральдическом символе (гербе) Москвы, много веков являющейся символом «всех Руси», где изображен Георгий-победоносец, поражающий пикой Змея. Мы, русские, на протяжении многовековой истории поражаем пикой свое природное, телесное начало и

поэтому мы так духовны с точки зрения обладающего личностью земного западного наблюдателя. Духовны за счет аскезы, самокарания, за счет отсутствия личности. Порядок второго (небиологического) рождения русского отличен от развития человека западного общества. Там, вслед за рождением тела следует развитие личности и уж затем, если повезет, может родиться и духовность.

У нас же вслед за биологическим рождением следовало поражение пикой Змея и через этот подвиг рождение духа (для этого в быту достаточно обычного российского страдания и неприкаянности), и только отдельные, удачливые и наиболее трагические по судьбе индивида (Чаадаев, Герцен, религиозные философы, Столыпин и т.п. «лишние люди») становились личностями.

Вне всяких сомнений первым, оригинальным и самым крупным системным мыслителем в России был бывший сподвижник Ленина, впоследствии отлученный от партии, А.А. Богданов. Первый том его книги – «Тектология: всеобщая организационная наука» вышел в России в 1913 году. Немецкий перевод «Тектологии» опубликован полностью в 1926-1928 гг. Энциклопедически образованный ученый, человек ренессансного типа, Богданов предвосхитил в своей книге основные идеи не только общей теории систем Л. фон Берталанфи, но и кибернетики У. Росса Эшби и Н. Винера, а также – теории катастроф и синергетики. Богданов нашел ключевые законы организации различных систем – от атомных до биологических и социальных – закономерности структурного преобразования этих систем, гомологические соответствия, сформулировал принцип биорегулятора (соответствующий кибернетической обратной связи), ввел принципы прогрессивного и регрессивного отбора и по мнению ряда исследователей, разработал методологию и общетеоретические проблемы системного подхода полнее и более строго, чем они разрабатывается в современной теории систем. Важно, что сам Богданов применял идеи «Тектологии» для построения социально-экономических моделей. Они, безусловно, повлияли на таких экономистов, как Чаянов и Кондратьев («теория экономических циклов»). В современных исследованиях отмечается влияние «Тектологии» и на Л. фон Берталанфи, о чем последний ни разу не упоминал, хотя и был знаком с немецким переводом книги Богданова, которая широко рецензировалась за рубежом.

Кроме А.А. Богданова, системной идеологией проникнуты работы русских «космистов» – К.Э. Циолковского, Н.Ф. Федорова, А.А. Чижевского, пионера исследования ноосферы В.И. Вернадского, генетика П.И. Вавилова и ряда русских религиозных философов, особенно П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева.

Тема целостности, единства, всеединства, соборности является, пожалуй, ключевой в русском менталитете. Все религиозные философы отдали ей весомую дань. Русская мысль – за исключением ее промарксистской ветви – всегда ставила эту тему во главу всяких поисков. В космизме Н.Ф. Федорова – это целостность человеческого рода, требующая физического воскрешения всех предков, у В.С. Соловьева – это преодоление всех «отвлеченных начал» и единство теологии, философии и религии, у Л.П. Карсавина развита теория симфонической личности – как конкретное выражение ее соборности. В науке подобные целостные, или выражаясь современным языком, «глубинно-экологические», представления были ярче и оригинальнее всего выражены В.И. Вернадским. Начав от конкретной целостности геологических и биологических процессов на Земле, Вернадский пришел к теории ноосферы – сферы планетарного разума – закономерно развивающейся из сопряженной коэволюции всех других пластов неорганической природы и органической жизни. Понятие «живого вещества» Вернадского на много десятилетий предвосхищает идеи Дж. Лавлока о Земле как живом организме и размышления П. Рассела о «глобальном мозге». Е. Ле-Руа ввел понятие «ноосферы» в 1927 г. после Парижских лекций Вернадского 1922/23 гг. Это понятие было принято и Вернадским самим. В свою очередь, научные представления Вернадского, безусловно, испытали влияние К.Э. Циолковского, который в своих фантастических и визионерских произведениях о будущей «космической эре» распахнул новые горизонты для будущих академических исследователей. К работам Вернадского примыкают и книги А.А. Чижевского – продолжателя дела Циолковского – о «земном эхе солнечных бурь».

Процессуальностью была проникнута мышление А.Л. Богданова, социолога П. Сорокина, генетика Н.И. Вавилова, который со своей теорией «гомологических рядов» вкупе с представлениями Л.С. Берга о «номогенезе» – эволюции на основе закономерностей – намного опередил аналогичные представления Р. Шелдрейка о формативной причинности – наследовании формы в эволюционных процессах. Понимание внутренней динамики структур, внешние нормы которых являются лишь выражением лежащих в их основе процессов, весьма характерно и для философского творчества А.Ф. Лосева, проявившееся еще в начале 30-х гг. в его работах по мифологии и «философии имени».

Русская традиция, богатая всеми возможными идеями духовной психологии, еще ждет своих исследователей [3; 4; 5].

К сожалению, многие современные российские ученые философы, психологи, социологи, устремляют свой взгляд на Восток или на Запад в поисках новых идей и истины духовного развития человека.

На наш взгляд, наступила пора взглянуть на свои истоки и осмыслить огромное наследие, которое нам оставлено русскими философами, психологами и теологами.

Список литературы:

1. Козлов В.В. Трансперсональная психология. М.: Изд-во Эксмо, 2010. 512 с.
2. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
3. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
4. Козлов В.В., Майков В.В. Многообразие трансперсонального опыта: трансперсональный проект в культуре // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2004. № 2. С. 47-52.
5. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. №3 (42). С. 97-111.

References:

1. Kozlov V.V. Transpersonal'naja psihologija. M.: Izd-vo Jeksmo, 2010- 512 s.
2. Kozlov V.V. Psihotehnologii izmenennyh sostojanij soznanija. M.: Institut psihoterapii, 2005. 544 s.
3. Kozlov V.V. Integrativnaja psihologija: Puti duhovnogo poiska ili osvjaxshhenie povsednevnosti. M.: Psihoterapija, 2007. 528 s.
4. Kozlov V.V., Majkov V.V. Mnogoobrazie transpersonal'nogo opyta: transpersonal'nyj proekt v kul'ture // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i jergonomiki. 2004. № 2. S. 47-52.
5. Mazilov V.A., Kostrigin A.A. Psihologija v sisteme filosofskogo znanija XIX v.: bogoslovskaja tradicija // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Serija 4: «Pedagogika. Psihologija». 2016. №3 (42). S. 97-111.

Сведения об авторе:

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, Президент Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия)

Лайош Секей: выдающийся психолог, человек Европы, строитель мостов и разрушитель стен

Мазилев Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье анализируются взгляды на творчество и творческое мышление известного психолога и психоаналитика Лайоша Секея (1904-1995). Прослеживаются основные вехи биографии этого неординарного ученого. Показано, что начинал свою исследовательскую деятельность Л. Секей как представитель школы гештальтпсихологии, разделяющий основные идеи этой научной школы. Сопоставляются работы, выполненные в разные годы, делается вывод об эволюции взглядов автора. Автором выполнены исследования творческого мышления во время творческой паузы, разделенные почти тридцатилетним промежутком (1940 и 1968 годы). Сопоставительный анализ позволяет зафиксировать изменения позиций. Особенно важно отметить органичное соединение идей гештальтпсихологии с положениями психоанализа и конструктивное использование идей Ж.Пиаже и Дж.Брунера. Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. Отметим, что творческая пауза – это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Направление эволюции гештальтпсихологических представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

Ключевые слова: интеграция, мышление, творческий мыслительный процесс, Л. Секей, психоанализ, сознание, бессознательное, репрезентация, творческая пауза.

Lajos Székely: eminent psychologist, person of Europe, bridge builder and wall destroyer

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The article analyzes views on creativity and creative thinking of the famous psychologist and psychoanalyst Lajos Székely (1904-1995). The key milestones of the biography of this extraordinary scientist are traced. It is shown that he began his research career as a representative of the school of Gestalt psychology, the fundamental ideas of which he decidedly supported. The comparative analyses of Lajos Székely's works published over different periods makes the evolution of his views evident. The author investigates Székely's studies on creative thinking during a creative pause which are separated by almost thirty years interval (1940 and 1968). The comparative analysis states the changes in Székely's position. It is particularly important to note organic combination of ideas of Gestalt psychology both with psychoanalysis and ideas of Piaget and J. Bruner. Székely was successful in developing a special method. It consists of the use of the traditional psychoanalytic procedures for the sake of the investigation of creative thinking and of the solving of problems that have life importance. It is worth stating that creative pause as a separate stage of thinking never can be "simulated" in the laboratory setting. This is the stage that really differentiates genuine practical thinking from its artificial laboratory models. In our view the evolution of the Gestalt concepts of thinking follows the way of spontaneous integration. This means it demonstrates the tendency to use complex descriptions involving borrowing, close "interaction", cooperation, and communication with other research approaches. This spontaneous integration makes a psychological conception go beyond the "framework" of the scientific school. This is inevitable because comprehension of the "psychological" given in all its entire and real complexity is ever in the conflict with the "narrow" theoretical settings. In our opinion, this is one of the ways of the development of psychological knowledge.

Keywords: integration, thinking, creative thinking process, L. Szekely, psychoanalysis, consciousness, unconscious, representation, creative pause.

Метафора стен и мостов в психологии в последние годы становится все популярнее. Это обстоятельство и побудило назвать публикацию именно так – строитель мостов и разрушитель стен. В психологии это действия символизирующие деятельность по установлению взаимопонимания, взаимодействия, направленные на интеграцию.

Среди психологов, которые многое сделали для интеграции в психологической науке, особое место занимает венгерский и скандинавский

психолог и психоаналитик Л. Секей. Про него с полным правом можно сказать: он строитель мостов и сокрушитель стен. По моему глубочайшему убеждению, фигура в мировой психологии явно и сильно недооцененная. Признание его заслуг – соразмерное содеянному – на мой взгляд, впереди. Пусть эта статья будет маленьким шагом в этом направлении.

Вся жизнь и деятельность Лайоша Секея, замечательного психолога и психоаналитика, прошла в бурном двадцатом столетии. Для психологии век действительно был бурным: вначале открытый кризис, раскол психологии, а затем мучительный и трудный поиск восстановления разорванных связей, разработка интегративных моделей. Мы хотим подчеркнуть, что научная биография Лайоша Секея шире узких рамок отдельных направлений. Не подлежит сомнению, что он начинал как яркий представитель гештальт-психологии – направления в психологии, которое в первой трети XX в. служило образцом научности. В тридцатые годы школа гештальт-психологии почти в полном составе переместилась в США. Секей в силу обстоятельств остался в Европе, и хотя его ранние работы несомненно относились к этому направлению, в исследованиях по истории гештальтпсихологии его чаще всего не причисляют к этому направлению. В скандинавский период жизни Секей активно занимался психоанализом, что нашло отражение в соответствующей литературе [11]. К сожалению, дело представляется так, будто Секей был лишь представителем психоанализа в Скандинавии, способствовал его популяризации и распространению в этом регионе Европы. По нашему мнению, это не вполне так: Секей был прежде всего психологом-новатором, внесшим существенный вклад в исследование механизмов творческого мышления благодаря синтезу научных идей и комплексу различных методов, взятых из разных исследовательских подходов (психоанализа, в частности).

На наш взгляд, оценка Секея лишь как распространителя психоанализа принципиально не справедлива, поскольку этот психолог с удивительной судьбой оказался «между» двух направлений, в результате остался незамеченным и неоцененным его уникальный вклад в мировую психологию, поскольку Лайошу Секею удалось – как никому другому – соединить в своих работах достижения и наработки различных направлений мировой психологии XX столетия. Поэтому, когда мы говорим, что Секей – психолог XX века, хотим тем самым подчеркнуть, что его научная деятельность была направлена на преодоление главного препятствия в психологической науке в прошедшем столетии – разобщенности научно-психологических поисков, преодолению узких и одномерных подходов и, как результат, выработке новаторских интеграционных стратегий.

Итак, Лайош Секей (20 октября 1904 – 28 июня 1995), венгерский психолог. Получил биологическое образование, ученая степень присвоена в 1930 году. В 1930 г. вынужден был покинуть Венгрию. Как отмечает М.В.Волкова, Секей встретился с Ференци и стремительно погрузился в психоанализ. После 1932 г. переехал в Нидерланды. Знакомство с Ф. Перлзом привело к тому, что Л.С. окончательно переориентировался с биологии на психоанализ. Интересно, что Секей работал «в нескольких самых знаменитых психологических и психиатрических институтах Европы: во Франкфурте-на-Майне у Макса Вертгеймера, в Гейдельберге – у Груле, в Амстердаме – у Гезы Ревеша и в Ленинграде в научном институте им. В.М.Бехтерева» [11, С. 562]. Заслуживает внимания пребывание Л.Секея в СССР: в 1936 г. Секей с женой приезжают в Москву. В первый же день происходит личное знакомство с А.Р. Лурией, с которым ранее переписывались, приглашение к нему на обед. «Всемирно известный профессор жил в крошечной двухкомнатной квартире». Далее – работа в Бехтеревском институте. Рождение дочери. Чувство счастья, поездка в Крым. И – ощущение политики Сталина, репрессии. В ноябре 1938 г. они отбывают на поезде в Хельсинки. Начав серию экспериментов по психологии мышления в Хельсинкском университете, Лайош Секей становится ассистентом Д. Каца (Стокгольмский университет) (1944-1945). А также членом шведской психоаналитической ассоциации. Жена Л.С., Edith Székely, урожденная Sussmanowitz (1909-2012), известный психоаналитик (Волкова, 2014). «В ранних своих публикациях Шекели (Секей – В.М.) исследовал творческие процессы главным образом в рамках гештальттеории, но и в тех экспериментальных исследованиях уже проявлялся его зарождающийся интерес к психоанализу» [11, С. 567].

Остановимся несколько подробнее на гештальтпсихологии, так как свои первые исследования творческого мышления Секей проводил в русле гештальтпсихологии. Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 году. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии в первой половине XX века, гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» [15, С. 81]. М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. и выдвинувшее программу

изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В.Вундт, Э. Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» [16, С. 44]. Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии и гештальт-психологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 27; 28] зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в

формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь, Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтистской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов [9; 10].

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В.Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении. В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.
3. Мышление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).

4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).

5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).

6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).

7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).

8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).

9. «Нерефлексивность» мышления – мышление принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, согласно исходным представлениям гештальтпсихологов, мышление рассматривалось исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно видеть три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30-40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50-70-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное

освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальным установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи).

Уже в работах К. Дункера [19] содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера [28], В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» [1, С. 11], «Вергеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии» [1, С. 22], использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» [1, С. 23].

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала [25, Р. 79]. Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером [19]. Это следует специально подчеркнуть, т.к. представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают

принадлежащим этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?»), в решении (или нерешении) задачи.

Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. Хотя нельзя не отметить и появления новых мотивов. В частности, появляется интерес к неосознаваемым компонентам мышления. Со времен Пуанкаре было известно, что «большое» творческое мышление имеет бессознательные фазы. Секей – в чем его несомненная заслуга – ставит вопрос применительно к мышлению, связанному с решением «практических» проблем. Секей ставит центральный вопрос: к какой области душевного аппарата принадлежит это переструктурирование мыслительного материала, приводящее к решению задачи? Многие указывают на то, что это тесно связано с бессознательным. Цель исследования, предпринятого Л. Секеем, «проследить ускользающее от восприятия и самоконтроля возникновение созидательной идеи и несколько прояснить ее структуру» [25, Р. 79]. Испытуемые получали «практическое задание», для решения которого не нужны были специальные знания. Использовалась задача «на равновесие». Испытуемый садился за стол, на котором находились: трехгранная призма; деревянная планка; латунный кружок, который подходит к планке, но его отверстие так узко, что он не может по ней скользить; наполовину заполненный спичками коробок; огарок свечи; маленький игрушечный мышонок и маленькая игрушечная кошка из фетра; семь пар цилиндров различной тяжести. Планку на ее концах нужно загрузить какими-нибудь из имеющихся предметов и установить в положении равновесия на тупом конце призмы. Планка должна быть положена поперек ребра, а не параллельно ему. Задание состоит в следующем: «сделать так, чтобы планка оставалась лежать на призме только примерно две-три минуты, а после истечения этого промежутка времени сама опрокидывалась. «Сама опрокидывалась» означает, что расположения предметов, однажды уже приведенных в равновесие, нельзя касаться ни прямо, ни косвенно: сооружению предоставляется полная самостоятельность, и оно должно

совершенно спонтанно опрокинуться через некоторое время» [25, Р. 83]. Правильное решение задачи состоит в том, что планка должна быть уравновешена так, чтобы с одной стороны находился зажженный огарок свечи – потеря веса в результате горения приведет с течением времени к необходимому нарушению равновесия. Задача представляет известную трудность для испытуемых. Анализируя ход решения задачи, Секей отмечает, что в протоколах экспериментов у некоторых испытуемых отмечалось «состояние беспланных действий, рассеянности, разбросанности, из которого и возникало готовое решение» [25, Р. 83].

Согласно Секею, только небольшая часть процесса мышления протекает в вербальной форме, наибольшая же связана с моторным или сенсомоторным кодами. По Секею, мышление имеет выраженный фазный характер: «Процесс мышления можно представить себе как непрерывный переход от вопроса к ответу, затем осуществление на практике, критика, новый вопрос, ответ и т.д.» [25, Р. 83]. В этой работе Секей вводит широко известное понятие о «латентных свойствах». Представляется полезным напомнить о трактовке, которой придерживается сам автор: он говорит о свойствах не предмета, а представления о нем. «Мы хотим так выразить это положение: потеря веса при горении – свойство свечи, которое не используется для организации ее структуры в нашем сознании. Поэтому это объективно существующее свойство может быть названо латентной чертой мысленного образа свечи» [25, Р. 89]. Испытуемый сообщает: «сначала я манипулировал со свечой как твердым телом». До этого он манипулировал с целым рядом твердых предметов. Когда очередь дошла до свечи, латентное свойство свечи вдруг выдвигалось на передний план, а качества раньше значительные отодвигались «на второй план». Если трудность основана на том обстоятельстве, что необходимое свойство трудно найти в твердых телах, то задача должна решаться гораздо легче, если среди предметов будут легко испаряющиеся, летучие вещества. Чтобы проверить это, вводили вариацию опыта: к семи предметам добавляли восьмой – маленькую бутылочку с эфиром или бензином. опыты однозначно подтверждают предположение: даже «слаборазвитые паралитики» легко решают задачу в этом случае [25, Р. 89]. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» [25, Р. 87]. «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из

которых только немногие известны сейчас» [25, Р. 88]. Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования <...> принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» [25, Р. 94]. Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем, чисто вспомогательное значение, но, как мы увидим, это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепции ученого.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;

- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);

- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;

- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);

- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (40-е – начало 50-х гг.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т.п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (50-е – 70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции

гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) [26], посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически, эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяет почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

Обратимся к второй работе Секея [26]. Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. «Во время изучения одного очень одаренного технолога представился редкий случай проследить интимные подробности мыслительной работы при решении конструкторской задачи. Его мышление иногда теряло самостоятельность и втягивалось в сферу невротического конфликта. Анализ такого конфликта привел к тому, что мыслительный процесс опять восстановился и продвинулся вперед» [26, Р. 140]. Свою позицию Секей фиксирует как позицию «когнитивной психологии», противопоставляя ее «психологии факторов».

Он отмечает два основания «когнитивной психологии»: 1) временную характеристику – мыслительные процессы являются изменениями во времени. Это время может быть измерено минутами, часами, днями, неделями, месяцами или годами. В лаборатории поиск решения задачи длится минуты или часы. В «свободной природе» для этого нужно, как правило, более длительное время: от первого изумления до завершения теории относительности Эйнштейн размышлял более двадцати лет; 2) предпосылку внутренней репрезентации. Репрезентация, согласно Секею, есть некая гипотетическая структура, с помощью которой человеческое существо организует свой опыт для будущего употребления (или злоупотребления). Что касается второго основания, то здесь заметно влияние исследований Ж. Пиаже и Дж. Брунера. Пристальное внимание к исследованию организации структур опыта – то новое, чего явно не хватало в работе 1940 г.

Секей подчеркивает, что протекание изобретающего мышления, которое происходит «в жизни» нельзя наблюдать непосредственно, т.к. оно может длиться, как правило? дни, недели, месяцы. При детальном анализе хода

решения задачи полезно различать: 1) содержание мышления; 2) этапы (фазы) мышления; 3) механизмы мышления; 4) уровни организации мышления. Под содержанием мышления Секей понимает не только то, что представляет «конечный продукт мышления», готовую мысль, но и мыслительное содержание, которое возникает по ходу развития мышления, возможно, впоследствии отвергается и в конечном продукте больше не заметно. Секей также различает первичные и вторичные элементы содержания: первичными являются слова, зрительные образы, двигательные образы, кинестетические элементы, которые включаются в мыслительный процесс, вторичными – классы и отношения. Под фазами или этапами мышления Секей понимает перерывы в процессе мышления, как они были подробно описаны Дункером. Каждый период представляет (по отношению к предыдущему) преобразование, трансформацию и уточнение решения задачи, по отношению же к последующему – уточнение постановки проблемы. В механизмах мышления Секей различает манипуляции и операции: манипуляции – это мыслительные действия, которые выполняются на реальных предметах, а операции представляют собой интериоризированные манипуляции, которые производятся не с реальными предметами, а с символами, понятиями, логическими отношениями. Понятие уровня организации относится к таким свойствам протекания мышления как толерантность-нетолерантность к противоречиям, толерантность-нетолерантность к нереалистическим представлениям и предположениям.

Содержание мышления (как и само протекание мышления) могут быть как сознательными, так и неосознанными. Центральным понятием в этой работе является «творческая пауза»: центральный и наиболее загадочный этап мышления. «Выражением творческая пауза мы можем обозначить интервал времени, который начинается, когда размышляющий прерывает свое занятие с нерешенной проблемой, и заканчивается, когда внезапно и неожиданно возникает решение проблемы или идея. В сознании творческая пауза заполняется активностью, не связанной с проблемой. Длительность творческой паузы может сильно варьировать. При продуцировании остроумия, к примеру, она составляет только несколько секунд или даже только доли секунды, так что факт творческой паузы совсем не замечается. В других случаях творческая пауза может длиться часы, дни, недели и годы» [26, Р. 145].

Отметим, что творческая пауза это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Предварительная гипотеза,

формулируемая Секеем: во время творческой паузы мобилизуется как имеющийся у субъекта по различным поводам опыт, так и основанные на нем выводы, они интегрируются, «принимаются во внимание» в общем поле [26, Р. 149]. Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс до и после творческой паузы. «Во время творческой паузы учет каузального строения действительности незначителен, а иногда совсем отсутствует. Это мышление фантазирующее. Можно играть с идеей, устанавливать нереалистические, недействительные, неправдоподобные связи, и тогда возникают самые рискованные аналогии. Те аспекты, которые находятся в центре внимания реалистического мышления, могут быть забыты, а другие, которые образуются едва замечаемым фоном, могут быть приняты во внимание и получить четкое освещение» [26, Р. 149-150]. Размышляющий, согласно Секею, совсем не осознает этого. Он не знает о том, что он, сознательно занимаясь чем-нибудь другим, удерживается как-то на своей проблеме. Так как каузальное строение той части действительности, которой занимается размышляющий, никогда не может быть полностью известным, то строгие ограничения конвенционального мышления не способствуют решению некоторых задач. Играющее мышление во время так называемой творческой паузы имеет шанс охватить те связи, которые могут быть применены для решения проблемы.

Для понимания подхода Секея на этом этапе важно понятие «репрезентативный мир». Остановимся на нем несколько подробнее. Секей пишет, что под выражением «репрезентативный мир» следует понимать такие гипотетические структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве. Эти структуры организуются из впечатлений. Впечатления происходят, с одной стороны, из действительности внешнего мира, с другой стороны, возникают через ощущения из глубин собственного тела или из самого психического аппарата, как, например, радость, удовлетворение, желание, напряженность потребностей и т.д.

Чрезвычайно интересны рассуждения Секея о рождении репрезентации: «В первые годы жизни автономия Я-функции еще рудиментарна. Построение репрезентативного мира происходит при господстве инстинктов и объективных отношений. Каким образом руководимый инстинктивными желаниями ребенок обогащает свои знания об обстоятельствах внешнего мира, как он экспериментирует, наблюдает, делает открытия и выводы из информации, приобретенной по необходимости, все это оставляет следы в структуре репрезентативного мира. Проблема, как в потоке разнообразных впечатлений вырабатываются «сходство» и «различие», приковывала интересы мыслителей

от Аристотеля до Фрейда и Пиаже» [26, 1976, s.154]. «В наброске 1895 г. Фрейд выдвинул гипотезу, что для понимания перцептивного комплекса необходим соматический опыт, особенно кинестетические и моторные образы памяти. В одной из своих работ я продолжил эту линию мысли (Секей, 1952) и подкрепил наблюдениями за детьми. Я ссылаясь на то, что двухлетний ребенок, видя в первый раз дефекацию у птицы, уже может понять, что делает птица. Это основывается не на том, что ребенок открывает сходство между теперешним, зрительным восприятием и каким-либо более ранним визуальным опытом, или образами памяти. Дефекация знакома ребенку исключительно как приятное или неприятное телесное явление, о котором он имеет только кинестетические образы памяти. Актуальный визуальный опыт организуется под влиянием инстинктивных интересов и следов памяти телесного опыта» [26, Р. 154].

Секей отмечает, что психическая организация мира опыта, главным образом, поиски сходства и различия, протекает у маленьких детей по другим организационным принципам, чем у старших детей. Секей указывает, что различия первичных и вторичных процессов недостаточно, необходимо описать также сенсорные модальности и их доминирование. «Характеристика того, чего могут достигнуть зрительные ощущения, есть то, что они обеспечивают существование константных, идентифицируемых предметов» [26, Р. 155].

Когда маленький ребенок начинает характеризовать внешний мир, зрительные ощущения еще не доминируют. Впечатления, которые идут из глубины организма или с поверхности тела, играют основную роль при организации репрезентаций. Когда развитие прогрессирует, кинестетическая часть все более и более отделяется от визуальной и подавляется. Принципиально важно, что «при некоторых фазах творческого процесса такие первоначальные репрезентации возобновляются снова. К этому привлекается соматическая часть репрезентаций, которая принимает важное участие, когда мышление покидает наезженный путь и перерастает конвенциональные границы. Критическое мышление может тогда замечать через обострившийся анализ оригинальное сходство, скрытые аналогии и приходит к поразительному синтезу. В дальнейшем этот гипотетический репрезентативный мир может быть понят через его функции. (...) Первая-то, что объект репрезентируется, т.е. мы пользуемся внутренними репрезентациями вместо объекта. Вторая функция репрезентативного мира в том, что он может служить «путеводителем» [26, Р. 155].

Мы знаем, согласно Секею, (или только полагаем, что знаем), что мы можем ожидать от объектов, как они будут вести себя в среднем

прогнозируемом мире. По Секею, «некоторые виды ожиданий принадлежат к старейшим функциям душевной жизни. Уже ребенок в возрасте нескольких недель прекращает кричать, когда его поднимает мать. Он ждет: кормление, исчезновение неприятного голода, приятное чувство насыщения. Оптический и тактильный образ матери недифференцированно сливается с впечатлением собственного самочувствия и удовлетворения. Такие архаические или изначальные ожидания возникают задолго до организации собственно репрезентативного мира. Вероятно, дело выглядит так, что архаические ожидания являются первыми зачатками организации, вокруг которых и, исходя из которых постепенно строится репрезентативный мир. Отсюда ясно, что ожидания являются стабильнейшими, наиболее стойкими элементами структуры репрезентативного мира» [26, Р. 156].

Секей приводит многочисленные данные, свидетельствующие о том, что такого рода ожидания являются препятствием при разрушении органических основ функционирования психического. Больные агнозической афазией не могут назвать предметы, но могут сказать, для чего они служат и как могут быть применены, пациенты с агнозиями, которые не узнают предметов, могут на время опознать объекты в системе действия, когда намереваются сделать что-то определенное.

Секей в своей работе приводит уникальный материал, представляющий аналитическое толкование процессов, происходивших у господина Тэта. Господин Тэта, талантливый инженер-конструктор, который решал «кристаллографическую проблему», связанную с разработкой метода шлифовки кристаллов алмазов для изготовления точных измерительных инструментов, и одновременно проходил психоанализ у Секея. Автор работы сам характеризует метод своей работы: «Это редкое счастье, когда исследователю удастся выяснить тот мыслительный процесс, который происходит во время творческой паузы, и к концу творческой паузы делает возможным решение проблемы. Мне повезло. Возможность этого дали сны, которые Тэта видел во время этого периода. Многие элементы проблемы выступали в содержании сна. Желание решить проблему проявлялось как в сознании, так и в инфантильных аспектах бессознательных мыслей во сне. Аналитическое толкование выделило конец творческой паузы. Его реакцией на некоторые толкования было не всплывание вытесненных детских воспоминаний, а то, что он решил свою проблему, продвинулся вперед» [26, Р. 156-157].

На протяжении шести недель наблюдалась работа над решением кристаллографической проблемы. Технолог «господин Тэта» пользовался

психоаналитическим лечением и автору еженедельно четыре раза предоставлялся случай проследить ход мыслительной работы. Некоторые поворотные пункты в продвижении мышления произошли на аналитической кушетке в связи с толкованиями. Это обстоятельство дало возможность реконструировать предсознательные мыслительные процессы и участие бессознательных конфликтов. Реконструкции хода мышления почти без пробелов способствовало то обстоятельство, что технолог много спонтанно говорил о своей работе, о своих идеях, планах, поисках и неудачах. Это исключение, отмечает Секей, что ученый или техник при анализе заводит такой обстоятельный разговор о своей работе.

Аналитик толковал как «непатогенные» желания, связанные с настойчивым стремлением достичь решения «кристаллографической проблемы», так и инфантильные патогенные конфликты. Они были анално-садистской природы и были направлены против матери. Мыслительная работа оказалась втянута в сферу этого конфликта. Психоаналитическая проработка конфликта привела к тому, что мышление освободилось от рамок патогенного конфликта и смогло двигаться дальше. Секей резюмирует: «Решение задачи представляет собой ряд шагов. Каждый шаг имел двойкий характер: своему предшественнику он предоставлял разрешение проблемы, но своему преемнику он проблему ставил. Весь процесс мышления может быть описан как постепенное преобразование и уточнение проблемы и решения. Каждая постановка проблемы приводит в действие избирательную поисковую активность, направленную на отыскание способов решения в репрезентативном мире. Это может протекать одновременно или по очереди на различных уровнях организации мышления. Во время сознательного и активного занятия с проблемой зона поиска, откуда изыскивается способ решения, определяется преимущественно через знания о каузальном строении действительности. Во время паузы учет рациональных возможностей в большей или меньшей степени отступает на задний план. Зона поиска меняется на инфантильную область репрезентативного мира, привлекаются подсказывающие метафоры. Для решения многих проблем мобилизация детских представлений является необходимостью, но это должно пройти через зрелые механизмы мышления» [26, Р. 167].

Эти работы Секея показательны во многих отношениях. Стоит обратить внимание на то, гештальтпсихология в лице Л. Секея проделала большой путь. Подчеркнем, что сам Секей предпочитает характеризовать свой подход как когнитивный. Вероятно, это справедливо. Результатом стало соединение «научности» и «жизненности»: представляется, что Секей в значительной

степени разработал психологию, которая соединяет науку и жизнь – в этом смысле, несомненно, является продолжением традиции, заложенной в ранних работах М. Вертгеймера. Показательно, что изучается не лабораторная модель, а сама жизнь, то мышление, которое существует в реальной жизни и направлено на решение конкретной проблемы. То, что это проблема техническая, подчеркивает практический, конкретный характер мышления. Это, по-видимому, практическое мышление. То, что это проблема творческая, подчеркивает продуктивный характер мышления. Здесь мы имеем дело с подлинным, настоящим созидающим мышлением. Наконец, мы видим, что мышление действительно «интимно-личностный» процесс, включающий в себя не только рациональный опыт.

Другой важной особенностью работ Секея является то, что для достижения жизненности автор использует комплексный, интегративный подход: как мы видели, активно «применяются», с одной стороны, разработки Пиаже и Брунера, связанные с понятиями «репрезентации» и «операций», с другой, психоаналитические исследования. Это чрезвычайно конструктивный подход. И, представляется, что он выражает «магистральную тенденцию» в современных исследованиях мышления. Система остается принципиально «открытой». В данном контексте уместно заметить, что сам Секей подчеркивает намеренное использование «размытого» понятийного аппарата: «Понятийный аппарат намеренно нечеткий. Например, остается открытым вопрос, как подчинить друг другу понятия «скрытая аналогия», «противоположное применение», фазы мышления, шаги мышления. По мнению автора, наблюдение и описание отдельных процессов мышления должно предшествовать уточнению терминов» [26, Р. 167].

Важно, что в работе Секея, фактически, осуществляется идеал «романтической науки», предполагающий конструктивное взаимодействие номотетического и идиографического подходов (см. подробнее [2; 3]).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о

тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами [4; 5]. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания [6; 7; 8].

Список литературы:

1. Зинченко В.П. Вступительная статья // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 5-26.
2. Мазилев В.А. Психология практического педагогического мышления как романтическая наука // Психология педагогического мышления: теория и практика / Сб. статей. М.: ИП РАН, 1998. С. 66-81.
3. Мазилев В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990. С. 66-75.
4. Мазилев В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
5. Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61-85.
6. Мазилев В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3-21.
7. Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 55-72.
8. Мазилев В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
9. Мазилев В.А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии. Вып. 1 (3). 2005. С. 38-40.
10. Мазилев В.А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. Вып. 1 (9). 2005

11. Мур Н. Психоанализ в Скандинавии // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. М., 2001. С. 558-585.
12. Секей Л. Знание и мышление // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 343-365.
13. Секей Л. Продуктивные процессы в обучении и мышлении // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 366-386.
14. Секей Л. К проблеме доступности решения задач и магическое тестирование // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965 С. 387-396.
15. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966. С. 15-98.
16. Ярошевский М.Г. Гештальтпсихология // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М.: Per Se, 2005. С. 44.
17. Bartlett F.C. Thinking: An experimental and social Study. London: Allen and Unwin, 1958. 203 p.
18. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.:Wiley, 1965. 378 p.
19. Duncker , K. On Problem-Solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58. № 5. P. 1–113.
20. Koffka K. Principles of Gestalt-psychology. N.Y.: HarcourtBrace & Co, 1935. 720 p.
21. Köhler W. Gestalt-psychology today // American psychologist. 1959. Vol. 14. № 12. P. 727-734.
22. Köhler W. Psychologie de la forme. P.: Gallimard, 1964. 375 p.
23. Radford J., Burton A. Thinking: it's Nature and Development. L.: Wiley, 1974. 440 p.
24. Schulz D.P. A History of modern Psychology. N.Y., London: Acad. Press, 1969. XVII, 346 p.
25. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls. // Acta Psychologica. 1940. Vol. 5. № 1. P. 79-96.
26. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beitrage. Bern u. a.: Hüber, 1976. P. 140-170.
27. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Uber das Kreative Denken // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. 358 s.

28. Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945). 302 p.

References:

1. Zinchenko V.P. Vstupitel'naja stat'ja // Vertgejmer M. Produktivnoe myshlenie. M., 1987. S. 5–26.
2. Mazilov V.A. Psihologija prakticheskogo pedagogicheskogo myshlenija kak romanticheskaja nauka // Psihologija pedagogicheskogo myshlenija: teorija i praktika / Sb. statej. M.: IP RAN, 1998. S. 66-81.
3. Mazilov V.A. Problema myshlenija v geshtal'tpsihologii // Poznavatel'nye processy: teorija, jeksperiment, praktika. Jaroslavl': JarGU, 1990. S. 66-75.
4. Mazilov V.A. Metodologija sovremennoj otechestvennoj psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2008. T. 3. № 3. S. 9-24.
5. Mazilov V. A. Stanovlenie metoda psihologii: stranicy istorii (metod introspekcii) // Metodologija i istorija psihologii. 2007. T. 2. № 1. S. 61-85.
6. Mazilov V.A. Metodologija psihologicheskoy nauki: problemy i perspektivy // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2007. T. 4. № 2. S. 3-21.
7. Mazilov V.A. O predmete psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2006. T. 1. № 1. S. 55-72.
8. Mazilov V.A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija // Metodologija i istorija psihologii. 2008. T. 3. № 1. S. 58-73.
9. Mazilov V.A. Celostnost' i integracija v psihologii (Nekotorye metodologicheskie problemy psihologicheskogo issledovanija) // Vestnik integrativnoj psihologii. Vyp. 1 (3). 2005. S. 38–40.
10. Mazilov V.A. Integrativnye tendencii v psihologii: geshtal'tpsihologija i problema celostnosti // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. Vyp. 1 (9). 2005
11. Mur N. Psihoanaliz v Skandinavii // Jenciklopedija glubinoj psihologii. T. 2. M., 2001. S. 558-585.
12. Sekej L. Znanie i myshlenie // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965. S. 343-365.
13. Sekej L. Produktivnye processy v obuchenii i myshlenii // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965. S. 366-386.
14. Sekej L. K probleme dostupnosti reshenija zadach i magicheskoe testirovanie // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965 S. 387-396.
15. Fress P. Razvitie jeksperimental'noj psihologii // Jeksperimental'naja psihologija / Red. P. Fress, Zh. Piazhe. Vyp.1, 2. M.: Progress, 1966,. S. 15–98.
16. Jaroshevskij M.G. Geshtal'tpsihologija // Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v shesti tomah: Obshhaja psihologija. M.: Per Se, 2005. S. 44.
17. Bartlett F.C. Thinking: An experimental and social Study. London: Allen and Unwin, 1958. 203 p.
18. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.:Wiley, 1965. 378 p.

19. Duncker , К. On Problem-Solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58. № 5. R. 1–113.
20. Koffka К. Principles of Gestalt-psychology. N.Y.: HarcourtBrace & Co, 1935. 720 p.
21. Köhler W. Gestalt-psychology today // American psychologist. 1959. Vol. 14. № 12. P. 727-734.
22. Köhler W. Psychologie de la forme. P.: Gallimard, 1964. 375 p.
23. Radford J., Burton A. Thinking: it's Nature and Development. L.: Wiley, 1974. 440 p.
24. Schulz D.P. A History of modern Psychology. N.Y., London: Acad. Press, 1969. XVII, 346 p.
25. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls. // Acta Psychologica. 1940. Vol. 5. № 1. P. 79-96.
26. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beitrage. Bern u. a.: Hüber, 1976. P. 140-170.
27. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Über das Kreative Denken // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. 358 s.
28. Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945). 302 p.

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Некоторые проблемы изучения истории психологии учебной деятельности

Слепко Юрий Николаевич

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: slepko@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о истории изучения феномена учебная деятельность в российской психологии XX века. Анализ современных подходов к изучению учебной деятельности показал, что ведущим теоретическим подходом к анализу учебной деятельности является теория развивающего обучения Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова. Однако анализ системогенеза деятельности и критика деятельностного подхода В.Д. Шадриковым позволяют говорить о том, что развитие теории учебной деятельности наравне с традиционным культурно-историческим, деятельностным подходом должно включать анализ системных исследований к проблеме.

Ключевые слова: учебная деятельность, деятельностный подход, системогенетический подход, аналитический и системный этап исследования психологии учебной деятельности.

Some problems of study of history of psychology of learning activity

Slepko Yuri Nikolaevich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: slepko@inbox.ru

Abstract. The article discusses the history of the study of the phenomenon of learning activities in the Russian psychology of the XX century. The analysis of modern approaches to the study of educational activity showed that the leading theoretical approach to the analysis of educational activity is the theory of developmental education by D.B. Elkonin-V.V. Davydov. However, the analysis of systemogenesis of activity and criticism of the activity approach of V.D. Shadrikov suggest that the development of the theory of learning activity on a par with traditional cultural and historical, activity approach should include analysis of the system research of the problem.

Keywords: learning activity, activity approach, system-genetic approach, analytical and systemic stage of study of psychology of learning activity

В работе Э.Г. Юдина [11], посвященной методологическим проблемам изучения деятельности, отмечается, что научное исследование категории деятельность может преследовать реализацию множества функций. Так, деятельность может изучаться как объяснительный принцип, как предмет объективного научного изучения, как предмет управления, проектирования, как ценность и др. [11, С. 250-251]. В проводимом нами исследовании проблемы психологического содержания, структуры учебной деятельности описание, объяснение и понимание этого психологического феномена осуществляется средствами объективного научного изучения, а также описания на этой основе способов управления и проектирования.

Результатом проведенного нами анализа современных подходов к пониманию учебной деятельности в психологии стало понимание того факта, что сегодня в психологии существует достаточно большой объем исследований самых разных проблем учебной деятельности. Причем многие из них напрямую связаны с вопросами организации учебной деятельности обучающихся (т.е. обучением), усвоением ими знаний, умений, навыков и мн.др.

Анализ истории развития психологии учебной деятельности показал, что несмотря на достаточно длительную предысторию первые целостные концепции психологии учебной деятельности появились не так давно - в 60-70-е гг. XX в. Начиная с этого периода психология учебной деятельности стала оформляться в самостоятельную область педагогической психологии, что было связано прежде всего с появлением теории учебной деятельности Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова [10]. Ее роль в объяснении феноменов учебной деятельности настолько велика, что понятийный аппарат большинства современных исследований, посвященных данной проблеме, строится на основе именно этой теории. Так, даже в Большом психологическом словаре учебная деятельность понимается преимущественно исходя из определения, данного В.В. Давыдовым [2, С. 564-566]; помимо этого большинство современных учебников по педагогической психологии выстраивают логику описания феномена учебной деятельности исходя из этой же теории. Столь высокая популярность теории Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова вполне понятна - с момента ее появления она наряду с традиционной системой обучения являлась основой для построения образовательных программ начальной школы.

Ее опора на достижения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, деятельностный подход позволяет получать образовательные результаты, обеспечивающие не только познавательное развитие обучающихся, но и развитие их способностей, личностных свойств и качеств и др.

Между тем, несмотря на позитивные результаты, полученные в ходе практической реализации системы развивающего обучения, в психологии учебной деятельности сохраняется актуальной проблема изучения факторов, обеспечивающих ее успешность, механизмов ее реализации, понимание психологической структуры учебной деятельности, ее развития на разных уровнях образования и в разные периоды жизни человека. Проведенный в первой и второй главах работы анализ позволил выделить ряд важных моментов, подтверждающих актуальность обозначенных вопросов.

Во-первых, относительно недавнее сравнительно-психологическое исследование В.Д. Шадрикова и его коллег [2012] показало, что ни одна из наиболее популярных систем обучения (традиционное обучение, развивающее обучение Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова) не является универсальной в плане всестороннего развития обучающихся. Результаты исследования показали, что различия между системами обучения проявляются на уровне развития отдельных познавательных способностей, личностных качеств, а также на уровне развития структур способностей. В соответствии с логикой проведенного анализа можно предположить, что различия между системами обучения носят не абсолютный, а опосредованный влиянием на развитие разных способностей и качеств личности характер.

Во-вторых, изучение истории развития психологии учебной деятельности показало, что аналитический этап исследования психологии учебной деятельности (конец XIX в. – конец 70-х гг. XX в.) был необходимым для решения задач обобщения лучших достижений психологической науки и педагогической психологии [5]. Результатом его и стали в том числе концепции и теории учебной деятельности, нашедшие применение в решении самых разных задач образования и воспитания. Однако, пришедший на смену аналитическому системный этап исследования психологии учебной деятельности требует пересмотра и обновления как методологических основ психологии учебной деятельности, так и методов ее теоретического и эмпирического изучения и понимания.

В-третьих, философский и психологический анализ категории деятельность позволил нам выявить ряд недостатков в методологических основаниях тех концепций и теорий учебной деятельности, которые опирались в своей разработке на достижения деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна

и А.Н. Леонтьева. Анализ показал, что из существующих лишь теория деятельности В.Д. Шадрикова [7; 8] в наибольшей степени соответствует таким признакам, как непротиворечивость философского и психологического понимания деятельности, соответствие философской универсальной структуре деятельности (в ее понимании В.С. Степиным [6]), соответствие задач анализа деятельности предмету психологии как миру внутренней жизни человека. Также важнейшим признаком надежности и достоверности теории системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова является ее неоднократная на протяжении последних 35 лет проверка в практике изучения психологии профессиональной деятельности и профессионального обучения. Как следствие опора на теорию системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова позволяет обратиться к изучению учебной деятельности как одному из видов деятельности наравне с игровой и трудовой.

Указанные позиции позволяют сформулировать ряд задач, решение которых позволит продвинуться в понимании психологического содержания и структуры учебной деятельности.

Обилие современных исследований психологии учебной деятельности, выполненных на методологической основе теории развивающего обучения, создает видимость ее универсальности, уникальности. Ввиду этого требуется внимательное изучение результатов современных исследований проблем учебной деятельности, выполненных на основе теории системогенеза деятельности. В данном случае речь идет о изучении таких функциональных блоков деятельности в теории системогенеза, как цели деятельности (Н.П. Ансимова [1]), мотивация деятельности (Е.В. Карпова [5]), учебно-важные качества (Н.В. Нижегородцева [5]).

Особый интерес представляет анализ исследований системогенеза игровой и учебной деятельности, выходящий за пределы традиционного для российской психолого-педагогической науки периода дошкольного и школьного обучения. В последние годы проведены исследования, дающие возможность изучать с опорой на методологию системогенеза деятельности игровую и учебную деятельность в период дошкольного возраста [3; 4; 5].

Список литературы:

1. Ансимова Н.П. Психология постановки учебных целей. Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2006. 267 с.

2. Давыдов В.В. Учебная деятельность // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 564-566.
3. Карпов А.В. Системогенез игровой деятельности: постановка проблемы и подход к исследованию // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности : материалы VII Международной научно-практической конференции, 20-22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. Ярославль : Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. 328 с. С. 15-21.
4. Карпов А.В., Карпова Е.В. О содержании и закономерностях системогенеза игровой деятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности : материалы VII Международной научно-практической конференции, 20-22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. 328 с. С. 55-66.
5. Нижегородцева Н.В., Карпова Е.В., Ансимова Н.П. Проблемы системогенеза учебной деятельности / под ред. А. В. Карпова. Ярославль: ЯГПУ, 2009. 420 с.
6. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
7. Шадриков В.Д., Мазилон В. А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2015. 411 с.
8. Шадриков В.Д., Зиновьева Н.А., Кузнецова М.Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 464 с.
9. Шадриков В.Д. Развитие младших школьников в различных образовательных системах. М.: Логос, 2012. 233 с.
10. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
11. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

References:

1. Ansimova N.P. Psihologija postanovki uchebnyh celej. Jaroslavl': Izdatel'stvo JaGPU, 2006. 267 s.

2. Davydov V.V. Uchebnaja dejatel'nost' // Bol'shoj psihologicheskij slovar' / Sost. i obshh. red. B. G. Meshherjakova, V. P. Zinchenko. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2007. S. 564-566.
3. Karpov A.V. Sistemogenez igrovoj dejatel'nosti: postanovka problemy i podhod k issledovaniju // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti. Chast' I. Metodologija sistemogeneticheskogo podhoda. Konstruktivnye i destruktivnye tendencii professional'nogo stanovlenija i realizacii lichnosti : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 20-22 oktjabrja 2015 g., g. Jaroslavl' / pod red. prof. Ju.P. Povarenkova. Jaroslavl' : Izdatel'stvo OOO «Agentstvo Litera», 2015. 328 s. S. 15-21.
4. Karpov A.V., Karpova E.V. O sodержanii i zakonomernostjah sistemogeneza igrovoj dejatel'nosti // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti. Chast' I. Metodologija sistemogeneticheskogo podhoda. Konstruktivnye i destruktivnye tendencii professional'nogo stanovlenija i realizacii lichnosti : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 20-22 oktjabrja 2015 g., g. Jaroslavl' / pod red. prof. Ju.P. Povarenkova. Jaroslavl': Izdatel'stvo OOO «Agentstvo Litera», 2015. 328 s. S. 55-66.
5. Nizhegorodceva N.V., Karpova E.V., Ansimova N.P. Problemy sistemogeneza uchebnoj dejatel'nosti / pod red. A. V. Karpova. Jaroslavl': JaGPU, 2009. 420 s.
6. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Tradicija, 2003. 744 s.
7. Shadrikov V.D., Mazilov V. A. Obshhaja psihologija: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2015. 411 s.
8. Shadrikov V.D. Zinov'eva N.A., Kuznecova M.D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka. M.: Institut psihologii RAN, 2013. 464 s.
9. Shadrikov V.D. Razvitie mladshih shkol'nikov v razlichnyh obrazovatel'nyh sistemah. M.: Logos, 2012. 233 s.
10. Jel'konin D. B. Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989. 560 s.
11. Judin Je.G. Metodologija nauki. Sistemnost'. Dejatel'nost'. M.: Jeditorial URSS, 1997. 444 s.

Сведения об авторе:

Слепко Юрий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, декан педагогического факультета Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Читаем забытую классику...

Понятие личности (Из лекций по общей психологии)

Четвериков Иван Пименович

Киевская духовная академия

Аннотация. Публикуется одна из лекций по общей психологии российского психолога Ивана Пименовича Четверикова – «Понятие личности». Публикуется по: Русская религиозная антропология. Т. II: Антология/ Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшин. М.: Московский философский фонд, Московская духовная академия, 1997. 480 с. С. 335-343.

Ключевые слова: классическое произведение, публикация, лекции, Четвериков

Concept of personality (From lectures on general psychology)

Chetverikov Ivan Pimenovich

Kiev Theological Academy

Abstract. The article publishes one of lectures on general psychology of Russian psychologist Ivan Pimenovich Chetverikov – “Concept of personality”. It is published on: Russkaja religioznaja antropologija. T. II: Antologija/ Sost., obshh. red., predisl. i prim. N.K. Gavrjushin. M.: Moskovskij filosofskij fond, Moskovskaja duhovnaja akademija, 1997. 480 s. S. 335-343.

Keywords: classical work, publication, lectures, Chetverikov

Лекция 9 апреля

Понятие личности. Эмпирическая личность и ее виды. Иерархия личностей. Единство и тождество личности. Реальная личность Т. Липпса. Идеальная личность как носительница эмпирической и как условие ее единства и тождества.

Когда мы говорили о конечных целях и основных мотивах, определяющих волевую деятельность, то видели, что источник волевой деятельности находится в личности. Цели конечные ее – раскрытие богатства содержания, которое *implicite* находится в личности. Поэтому необходимо прежде всего остановиться на том, что такое личность. В истории психологии мы встречаемся с определением личности как единства и совокупности переживаний, которые (переживания) в определенный момент времени выступают в сознании. Эта точка зрения высказана Юмом. «Я» есть пучок перцепций, связка, объединение отдельных переживаний, возникающих в сознании. «Я хочу, мыслю, чувствую и т.д. ...» – Совокупность этих переживаний и составляет то, что называется личностью. Если присмотреться к переживаниям, из которых слагается личность, то увидим, что они разнообразны; нет абсолютного единства личности; они (переживания) распадаются на несколько групп, почему можно говорить о многих личностях в душе человека.

1) Существует ряд переживаний, обусловленных связью человека с физическим миром. Посредствующим началом здесь является наше тело. Тысячи переживаний возникают из влияния тела и мира физического на сознание. Совокупность этих переживаний образует физическую личность человека. Существуют особые типы людей, живущих особо близко к природе жизнью. Они живут физической личностью, которая представляет из себя как бы семя, носимое ветром. Физические процессы в мире отражаются сейчас же на личности этих людей. Вся жизнь их стоит в неразрывной связи с природой. Типы этих людей выведены в романах Кнута Гамсуна. Таков, например, Глан в романе «Пан». Пробуждение весны в природе пробуждает силы и в Глане, и жизнь его стоит в тесной связи с жизнью физической природы.

1. Но человек связан тысячами нитей с людьми, с социальной средой. Отношение человека к человеку и жизнь его в определенной социальной среде вызывают ряд психических переживаний – желаний, стремлений и т.д. Все эти переживания в совокупности образуют социальную личность человека, которая также распадается на несколько личностей: классовую, сословную. Судья, например, может говорить преступнику: как человек я вас прощаю; но как судья я вас осуждаю. Здесь ярко выражено столкновение двух личностей. Существование, затем, судов чести, как отдельных и самостоятельных организаций говорит о том, что есть классовая этика, честь, что в свою очередь свидетельствует об особой социальной личности.

2. Человек, далее, живет не только социальными переживаниями. Он живет в культурной среде, и его задача – творить культуру. Совокупность

переживаний, обусловленная жизнью в культурной среде, образует культурную, или «духовную» (Джемс), личность человека. Итак, существуют личности: 1) физическая, 2) социальная, 3) духовная. Каждая является источником стремлений, волевых актов, и бывает часто так, что волевые акты, обусловленные разными личностями, являются взаимно исключаящими. Физическая личность влечет к физическим радостям, а культурная или даже социальная личность противодействует стремлениям физической личности. Получается конфликт многих личностей в сознании. Такой конфликт переживается человеком болезненно, вызывает духовную муку. Задача человека – уничтожить конфликт личностей, приведя их к гармонии. В истории культуры мы встречаем различные попытки уничтожить этот внутренний диссонанс. Прежде всего, с точки зрения Сократа, задача человека состоит в подавлении стремлений, и прежде всего – физических стремлений. Когда один чужестранец, путешествуя, встретился в Афинах с Сократом, он сказал ему: Сократ, я вижу на лице твоём тысячи пороков и страстей. – Сократ ответил: ты прав, но я господин над ними всеми. Затем у стоиков также идет речь о подавлении стремлений. Но этот ответ на вопрос об избежании внутреннего диссонанса является малоудовлетворительным. В новых попытках берется одна личность и делается центром внимания, а другие устраняются с поля зрения. В эвдемонизме выдвигается физическая личность, а остальные должны находиться в подчинении последней. Но односторонность эвдемонизма вне сомнений. В практической жизни обычно выдвигается социальная личность. Получается в этом случае наиотвратительнейший тип людей в футляре, живущих последними распоряжениями, не имеющих своего мнения. Но и этот выход односторонен. Есть, наконец, люди, считающие необходимым жить культурной личностью и подавить личность физическую с ее стремлениями к радостям жизни и социальную, бежать в пустыню от социальных стремлений и физических потребностей.

Но так как три указанные личности даны в человеке естественно, то подавление хотя бы одной из них ведет к искажению психики. Необходимо, сохраняя их, привести их к гармонии и единству. Ни эвдемонизм, ни грубый аскетизм, ни личность в футляре не могут считаться удовлетворительным решением вопроса. Человечество мучается проблемой объединения дисгармонии. Решение ее – вне нашей задачи. Наша задача – установить факт чисто психологический: неудовлетворенность разрозненностью личностей и стремление объединить их в одно. Это свидетельствует о том, что эти три личности не могут существовать самостоятельно, противодействуя друг другу, а составляют одно целое. Стремление к единству – основное стремление в

жизни личности; откуда же берется источник этого стремления к единству? Но раньше определим жажду единства. Она двоякого рода: 1) чтобы все в данный момент существующие переживания были объединены (представляли единство) – это статическое единство личности и 2) чтобы я (вообще индивидуум) не изменял своим убеждениям, чтобы личность в процессе жизни оставалась единой – это динамическое единство личности.

В современной психологической литературе встречается отрицание единства личности. С точки зрения французского психолога Рибо и русских (некоторых) психологов, например, Бехтерева, в единицу времени в человеке существуют не одна, а две личности: 1) сознательная и 2) подсознательная. Обе эти личности могут одновременно проявляться в сознании и быть источником стремлений. Отрицая и тождество личности, Рибо в подтверждение приводит ряд фактов. Прежде всего в качестве доказательства фигурирует чрезвычайно распространенный, сделавшийся шаблонным, рассказ, как одна истеричная больная под влиянием известных причин впала в обморочное состояние и после обморока забыла все, что знала раньше: не узнавала родных, не умела читать, писать и проч., так что ее нужно было учить всему сначала. Она быстро все усвоила и жила второй личностью, иными интересами. Эта новая жизнь продолжалась недолго. Под влиянием второго обморока больная забыла вторую личность и вспомнила все, что было до первого обморока. Она живет интересами дообморочной жизни. Дальнейшая жизнь этой женщины представляет смену личностей. В описаниях Рибо поражает неточность этих описаний. Нет указаний на то, как легко и быстро женщина после обморока усвоила все.

Есть возможность думать, что она усвоила все скорее нормальной личности, следовательно, остались у нее прежние следы. Рибо говорит, что интересы ее были отличны во вторую эпоху жизни, но в чем было отличие, он не указывает и оставляет открытым вопрос о том, существенны эти отличия или же есть связь между интересами новыми и старыми. Все эти факты настолько неточно описаны, что из них нельзя строить новых выводов относительно изменения личностей. Но факт тот, что человеческое сознание 1) требует единства в каждый данный момент; 2) оно требует, чтобы я не изменял убеждениям (требование тождества). Эти два стремления остаются основными. Где их источник? Та смена личностей, на которую указывают Рибо и другие психологи, говорит лишь о смене содержания личности. И поэтому личность – физическую, социальную и духовную можно назвать эмпирической – это единство содержания. Но почему эмпирическая личность является единой? Почему в ней есть стремление к единству? Очевидно, за эмпирической

личностью нужно искать источник единства с точки зрения Т. Липпса, – душу, совокупность сил, источник энергии. Одна основная энергия, единая душа человека является источником единства эмпирической деятельности человека. Эту личность Т. Липпс называет реальной личностью, чтобы уяснить факт эмпирической личности. Эта личность есть гипотетическое понятие, нужное для объяснения указанных фактов (как и душа у Липпса есть лишь гипотетическое понятие при объяснении психических явлений). Но нельзя ли путем анализа вскрыть в фактах эмпирической личности другую личность? В анализе эмпирической личности мы встречаем стремление к идеалу. Оно обуславливает процесс культурного творчества в человеческой жизни, то, что называется прогрессом. Идеал истины, с точки зрения которого оцениваются все познания (?), идеал правды, с точки зрения которого оцениваются стремления, требует признать источник, который находится в идеальной личности человека. Истина и правда – две стороны одного идеала, две стороны одного стремления в личности. Есть единая идеальная личность в человеке, которая проявляется в форме стремления к двуликой правде. Эта идеальная личность есть источник единства статического и динамического, как человек требует. Но человек непрерывно развивается, в своей эмпирической стороне он неизбежно прогрессирует. И требование оставаться верным себе относится не к эмпирической, а к идеальной личности. Я всегда должен оставаться верным идеалам.

Идеальное единство состоит не в подчинении одной эмпирической личности другой – в этом случае получится однобокая личность, – а в подчинении идеальной личности всех эмпирических личностей. Эта личность есть умопостигаемое «я», которое проявляется в эмпирическом (Кант). Отношение между ними не причинное (каузальное), а отношение творческой личности. В психологии мы различали два метода исследования – наблюдение и самонаблюдение. Наблюдение совершается под категорией причинности, оно ищет причинных связей. Самонаблюдение ищет того, что скрывается за эмпирической личностью человека, ищет творческую личность.

Лекция 62.12 апреля [1]912 г.

Мы видели, что психическая жизнь определяется одним основным мотивом; он в человеческой личности. Но из рассмотрения личности видели, что она – нечто сложное, и основной мотив должен распадаться на частные мотивы. Каковы же они? Основной мотив – это мотив эгоистический, который состоит в стремлении к радости личной жизни. Что же разумеется под радостями личной жизни? Ответы разные. Тогда как одни под личными

радостями понимают радости эмпирической жизни, другие – радости эстетического характера и, наконец, радости идеальной личности, это радость, по Достоевскому, небесной гармонии. Но если присмотреться к психической жизни человека, то можно увидеть, что он руководится в волевой деятельности жаждой личной радости, но это не единственный мотив, определяющий жизнь личности. Кроме личной радости является еще один мотив, это то, что называется ценностью личности. Уже у ребенка можно подметить этот мотив: ребенок проявляет каприз – это первый проблеск сознания личности и ее ценности. Как у него проявляется сознание личности, так уже и проявляется каприз. Это показывает, что для него проявление своей воли ценнее всего. Итак, сознание ценности своей личности – новый мотив, определяющий волевою жизнь человека. Эти два мотива у взрослого человека непрерывно проявляются и часто сталкиваются. Человек, например, дал слово выполнить какое-либо дело, но за выполнением его следуют неприятности, которых он старается избежать. Исполнение его утверждает ценность личности, но в то же время идет против радостей жизни; отсюда столкновение. Оба мотива самостоятельны и независимы.

Если бы человек руководился только личными радостями, то его жизнь должна получить эвдемонистический характер; если же человек руководится сознанием ценности личности, то получается индивидуализм, представителем которого является Ницше. Но оба мотива не могут удовлетворить человеческой психики. Эвдемонизм никогда не удовлетворяет человека, а индивидуализм [ведет] к проявлению жажды самоубийства; для Ницше, например, индивидуализм кончился психической смертью. Предпочтение одного мотива ведет к разложению личности. Эти факты свидетельствуют, что кроме этих двух мотивов человеческая жизнь определяется новыми мотивами. Если эти два мотива не удовлетворяют человеческой психики, то потому, что человек не может жить одиночно, он связан с окружающими людьми, с социальной средой, в результате чего возникает социальная личность. Для Ивана Карамазова страдания других были страданиями для него. Федор Сологуб по той же причине отказался от эвдемонизма; последний был у него то эстетическим, то заключался в высшей радости гармонии. Но за Достоевским [он] пришел к мысли, что эвдемонизм не удовлетворяет человека, и пришел к социальной личности, – пусть небесная гармония может доставить радость, но сознание страданий других личностей вызывает страдания моей личности, поскольку она связана с окружающими людьми.

Когда была речь об источниках знания, то мы различали их три: 1) внешнее восприятие, 2) внутреннее восприятие, доставляющие материал для

знания физического и психического миров. Но откуда я знаю психическую жизнь окружающих людей? Этот материал является результатом того своеобразного акта, который Т. Липпс называет вчувствованием: когда мы свою личность и личные переживания вкладываем в чужую личность и она становится чужой. Но эта чужая личность и переживания ее связаны с моей личностью и моими переживаниями. Я необходимо связан с душой окружающих, и всякая чужая личность находит отзыв в моей личности. Отсюда стремление к радости окружающих меня. Это альтруистический мотив, он так же необходим в жизни человеческой личности, как и мотив эгоистический. Но так как не только мои переживания связаны с чужими переживаниями, но и моя личность связана с личностями окружающих меня, то рядом стоит новый мотив – сознание ценности чужой личности. Эти мотивы – сознание ценности чужой личности и сознание ценности моей личности – стоят в тесной связи друг с другом. Чем грубее человек по отношению к другому, тем более он груб к себе, чем более поработает других, тем более он раб себе; тот может уважать чужую личность, кто сам уважает себя. Получается вывод, что [так как] мотив сознания ценности чужой личности не всегда проявляется, то он как будто не необходим для психики. Но это неверно. Если обратимся к истории мотивов человеческой личности, то увидим, что эти мотивы развиваются постепенно, но развитие это обусловлено законом необходимости. Так, мотивы эгоистический, ценности своей личности, альтруистический и ценности чужой личности не со стороны привходят, а развиваются из природных задатков. Если обратимся к эмпирической психологии и в особенности ассоциативной, то все мотивы там исчерпываются этими четырьмя. Но так ли? [Мы] уже видели, что в личности можно различать две стороны: эмпирическую личность и идеальную; если подойти со стороны внешнего наблюдения, то встретимся с пучком перцепций (эмпирической личностью), если же со стороны внутреннего самонаблюдения, то встретимся с идеальной личностью, стремящейся к идеалу двуликой правды-истины. Те мотивы, которые мы рассмотрели, лежат в эмпирической личности, но и идеальная личность включает в себе стремления к идеалам, они новы и отличны от предыдущих мотивов. Все предыдущие мотивы всегда преследуют пользу – цель практического характера, имеют целью личное или чужое благо, или уважение своей или чужой личности. Но если присмотримся к жизни личности, то встретимся с стремлениями, которые не преследуют пользы. Чтобы определить точнее стремления идеальные, обратимся к художественным произведениям. Брандт (Ибсена) отказывается от жены и сына, высших благ эмпирической личности, он отказывается от общины – от социальной личности, и стремится в горы, чтобы построить там храм неведомому Богу. Это порыв, не

преследующий ни своей, ни чужой пользы, это стремление, которое вызвано идеалом и называется идеальным. И в обыденной жизни человека можно иногда встречаться с такими порывами; неясно осознанные идеалы влекут человека к самопожертвованию; это стремление, требующее самопожертвования, это героическая воля – порыв – новый волевой акт, источник которого в новых мотивах. Итак, мотивы разделяются на: 1) лежащие в эмпирической личности и 2) в идеальной личности человека. Вот мотивы, которыми определяется жизнь психической личности.

Учение о свободе воли. Свобода, как воля, имеющая основание в идеальной личности человека... – Психогенезис. Основные положения психогенезиса. Формы развития. Причины развития.

Что такое надо разуметь под свободой воли? Современная психология отвечает различно на этот вопрос. Это зависит от того, что точно не установлено, относительно чего в волевых актах можно говорить о свободе. Как известно, в волевых актах мы различали внутреннее хотение и внешнюю деятельность. Психологи не определяют, о свободе чего они будут говорить: о свободе ли внутреннего хотения или о свободе внешней деятельности, – и часто смешивают то и другое. В предыдущих лекциях было показано, что внешняя деятельность есть простое воспроизведение инстинктивных движений. А если это так, то о их свободе не может быть и речи. Мы вонне действуем так, как позволяет нам наша физическая природа, наш организм. Очевидно, когда говорят о свободе воли, то следует иметь в виду свободу внутренних хотений. В чем же теперь заключается свобода? Ответы опять даются различные. 1) Одни эту свободу понимают, как свободу выбора или целей, на которую направляется наше хотение, или мотивов. 2) Другие эту свободу относят к самому акту хотения, к волевому акту в чистом виде, к решимости.

О свободе выбора в стремлениях не может быть и речи. Все мотивы, так сказать, даны человеческой психике. Если же в обыденной жизни, по-видимому, и производится выбор мотивов или целей, то в таких случаях обычно руководствуются логическими законами, которые все же носят отпечаток необходимости, если не внешней, то внутренней. Значит, в этом случае свобода обуславливается естественною внутреннею логическою необходимостью. Следовательно, свободу нужно искать в акте решимости. Как понимать эту решимость? Некоторые свободу полагают в том, что я могу поступить так или иначе. Обыкновенно [такие] представители говорят: «Я могу поступить в данном случае так, но я мог бы поступить и иначе». В этом

сознании, что я могу поступить так или иначе, и заключается свобода. Разберем детальнее, что обозначает эта фраза. Обратимся к обыденной жизни, здесь мы также встретим аналогичные рассуждения. Заурядный профан может так сказать о погоде прошедшего дня: «Вчера была такая (ясная) погода, но она могла быть и другой». Специалист по метеорологии, наоборот, укажет нам основание, что вчера не могла быть иная погода, чем была, может убедить профана в метеорологии, что погода вчерашнего дня и должна быть именно такою. В таком случае он (профан) принужден будет сознаться в своем незнании метеорологических законов. Таким образом, сама по себе фраза профана о погоде только свидетельствует о незнании этим лицом причин, определяющих погоду. Такое же толкование приложимо и к вышеприведенному рассуждению и пониманию о свободе воли. Такую фразу можно только тогда сказать, когда субъект не знает причин своей деятельности. Человек не знает причин внешней деятельности, которые привели меня к такому или иному действию, и потому говорит, что он волен поступать так или не так. Если бы психолог показал нам, что наши внешние проявления зависят от таких-то и таких причин, мы вынуждены были бы отказаться от этой фразы. Это выражение основывается на незнании причин. Тогда защитники говорят, что в этом положении заключается другой смысл. Говорят, что вышеприведенное утверждение обозначает не незнание причин, а то, что моя внутренняя деятельность не зависит от каких-либо причин, она произвольна. Это сознание независимости от внутренних причин и есть свобода. Как видим, свобода отождествляется с произволом.

Но в мире нет ничего бесосновательного. Если что-либо не зависит от моих причин, то оно зависит от случая. История культуры показывает, что в жизни человечества были периоды, когда всю жизнь подчиняли только всеильному року. Таковое убеждение царило в Древней Элладе. Рок, случай слепой царил над жизнью грека. Случай господствует в судьбе человека. Но такая система не выдерживает критики прежде всего с философской точки зрения. Слепой рок не может господствовать над нами.

В чем же заключается свобода внутреннего волевого акта? Теодор Липпе под свободой понимает такие волевые хотения, которые не зависят от внешних причин. Есть такие состояния человека, которые целиком зависят от внешних условий. Таково, например, состояние гипноза. Все внутренние желания в этом случае не свободны. Развитие человеческого организма вызывает соответствующие стремления и хотения, которые, разумеется, не свободны. Но есть такая деятельность, такие хотения, которые вытекают из моего «я». Не внешние условия, не органические изменения, а сама личность является

источником некоторых хотений. Такие хотения свободны. Защитники детерминизма (отрицатели своей воли) задают в этом случае Липпсу такой вопрос: а что же такое представляет из себя личность? Она состоит из ряда переживаний. А переживания и их характер зависят от среды, от воспитания, от прирожденных условий (наследственности). Ибсен говорит, что каждый человек – призрак прошлого. Все прошлое живет в нашей личности. Всякий несет в себе труп прошлого. Вся личность человека, следовательно, зависит от внешних причин. Значит, и мои хотения зависят от внешних условий, они обусловлены и потому не свободны. Липпс в ответ на такое заявление указывает на явления вменяемости. Если бы не было свободных хотений, тогда остается необъяснимым наличный факт вменяемости. Человек, правда, зависит во многих отношениях от окружающих условий, но сама личность привносит и нечто свое. – Первое положение ответа Липпса не отвечает прямо на вопрос детерминистов. Вторая же часть не указывает точно, в чем же заключается свобода. Наша задача теперь отыскать такие хотения, которые зависят от человека, которые лежат в той стороне психики, которая не зависит от наследственности, которую можно назвать априорной.

В человеке обычно мы уже различили две личности: эмпирическую, зависящую от наследственности и окружающей среды, которая является проявлением личности идеальной; у Канта известная под именем умопостигаемого «я» ноуменальная личность. Стремления этой личности направляются к идеалу правды. Но самые проявления таких стремлений зависят от характера эмпирической личности. Таким образом, во всякой личности следует разграничивать: а) стремление к идеалу и б) способы их обнаружения. Самые стремления обуславливаются идеальной личностью, а не внешними причинами, но характер и способ выражения этих стремлений обуславливаются и зависят от внешних обстоятельств. В стремлениях выражается свобода, но самая форма обуславливается и наследственностью, и средой.

Человек, следовательно, и свободен, поскольку его стремления определяются идеальной личностью, и не свободен, так как самое проявление этих стремлений обусловлено. Свобода является конечным идеалом и, как всякий идеал, поэтому неосуществима в реальной эмпирической действительности.

На этом, к сожалению, и закончим курс общей психологии и перейдем к прикладным дисциплинам.

Хроника

«Микроистория» российской психологии, или как появилась психология Нижегородском университете (рецензия на книгу: Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 307 с.)

Слепко Юрий Николаевич

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: slepko@inbox.ru

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Московский государственный университет дизайна и технологии;

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. Авторы представляют рецензию на книгу: Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 307 с.

Ключевые слова: рецензия, советская психология, Нижегородский государственный университет, история психологии, Сеницын, Лосев,

«Microhistory» of Russian psychology, or how psychology appeared in Nizhny Novgorod University (review of book: Stoyukhina N.Yu. Vydajushhiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918-1921 gg.). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 307 s.)

Slepko Yuri Nikolaevich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: slepko@inbox.ru

Kostrigin Artem Andreevich

Solzhenitsyn Russian Abroad House;

Moscow State University of Design and Technology;

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract. The author presents the review on the book: Stoyukhina N.Yu. *Vydajushhiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918-1921 gg.)*. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 307 s.

Keywords: review, Soviet psychology, Nizhny Novgorod State University, history of psychology, Sinitsyn, Losev

В 2013 г. в издательстве Нижегородского университета вышла в свет монография ученого, исследователя, историка психологии, доцента кафедры психологии управления НГУ им. Н.И. Лобачевского Натальи Юрьевны Стоюхиной – «Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.)» [Стоюхина, 2013]. Работа Н.Ю. Стоюхиной безусловно интересная, познавательная, необходимая – причем не только в контексте задач, которые автор ставит перед собой, но и значительно шире.

Прежде чем поделиться с читателями мыслями о содержании работы Н.Ю. Стоюхиной, сделаем небольшое отступление в историографию новейшего времени. Во второй половине XX в. в американской историографии появилось новое направление историографических исследований – микроистория [1]. По мнению известного российского историка, историографа А.Б. Соколова «микроистория близка новой культурной истории и тоже направлена на изучение ментальности, но ее особенность в том, что она не претендует на обобщения и широкий охват материала, как правило, ориентируясь на единичное и казуальное. Предметом рассмотрения является случай, то, что произошло с конкретным человеком или в небольшой общности людей. Нельзя согласиться, когда микроисторией называют биографии или локальные исследования» [1; с. 136]. Знакомство с работой Н.Ю. Стоюхиной позволяет соотнести историю психологии в Нижегородском университете с основными признаками микроистории.

И название работы, и ее структура сразу же ограничивают внимание читателя на том, что перед нами не систематическое изложение истории психологического знания в первые года советской власти, а именно локальный историко-психологический анализ. Как зарождалась психология в Нижегородском государственном университете в период 1918-1921 гг., какое место университет и ученые занимали в жизни города и региона, трудами каких ученых психология делала свои первые шаги в провинции – это не все вопросы, на которые мы находим ответ в представленной работе. Лучше, конечно же, пусть об этом скажет сам автор. Так, во введении Н.Ю. Стоюхина обращает внимание, что «в этой книге мы расскажем о зарождении психологического знания в Нижегородском государственном университете, восстановив тем самым историческую справедливость. Мы не станем спорить о первенстве психологии в стенах какого-либо вуза, но расскажем о том, кем были первые ученые-психологи, посеявшие зерна философии и психологии в обычном губернском городе, слава которого по всей России была связана в основном с Нижегородской ярмаркой, да еще с уникальным географическим положением (не каждый город стоит на слиянии двух больших рек). Такой мы видим нашу задачу» [2, С. 7].

Итак, здесь мы и можем говорить о том, что автор не претендует на характерные для «большой» истории психологии обобщения и широкий охват материала, ориентируется именно на единичные и казуальные случаи, ограниченные трехлетним временным промежутком. Однако последнее совсем не означает, что для написания «микроистории» требуется значительно меньший интеллектуальный ресурс, нежели для написания истории «большой».

Конечно, вряд ли можно назвать «случаем» то, что произошло и с государством, и с обществом, и с наукой в 1917 году. Однако последствия столь серьезных потрясений, как это часто бывает, самым уникальным образом отразились на судьбах конкретных людей. Характерными являются главы, посвященные ректорству НГУ Дмитрию Федоровичу Сеницыну. Лишь один фрагмент приведем в качестве примера, но очень ярко отражающий своеобразие ситуации. Н.Ю. Стоюхина достаточно подробно, обстоятельно рассказывает читателю об идеях Д.Ф. Сеницына по построению “нового” университета - независимость от власти, демократизация и пр. При этом самих студентов чаще волновали не проблемы просвещения, образования, а выстраивание нового типа отношений между ними и университетом. Приведем лишь один пример: «Нападки на Дмитрия Федоровича [Сеницына - Ю.С., А.К.] продолжались, теперь уже со стороны Совета студенческих старост – старостата. Организованный 28 ноября 1918 года Совет никак не проявлял

своей активности первые полгода, но потом, начиная со второго семестра текущего учебного года, перешел к активным действиям: делегирует в органы управления университетом своих представителей, смещает уличенного в хищениях заведующего студенческой столовой, выясняет вопросы о воинской повинности для студентов, обследует общежития и пр.» [2, С. 102].

Понимание данной ситуации достаточно многогранна - в одном учебном заведении в коротком временном промежутке переплелись самые разные исторические линии и проблемы. Тем не менее, несмотря на то, что эти и другие проблемы Нижегородского университета скорее отражают общее состояние жизни общества в послереволюционное время, в работе Н.Ю. Стоюхиной они остаются проблемами конкретных людей, конкретной общности людей.

В работе Н.Ю. Стоюхиной мы видим и попытку соответствовать еще одному популярному направлению историографии новейшего времени - новой социальной истории. Исследование социальной истории науки предполагает рассмотрение развития научных идей, теорий и концепций на фоне общественных событий, как реакцию на запросы науки и социума. Отличием замысла книги Н.Ю. Стоюхиной является баланс, а точнее, сохранение оптимальной пропорции между историей послереволюционного Нижнего Новгорода и биографией психологов и педагогов, их научных и педагогических достижений, творчества и жизненных трудностей.

Н.Ю. Стоюхина дает портрет Нижегородского университета – первого университета, открытого при Советской власти. Естественно-научные факультеты поддерживались большевиками в большей степени, чем гуманитарные. Она подчеркивает именно драматический характер существования гуманитарных факультетов в 1918-1921 гг. «Драма» для науки и интеллигентов – тогда была новостью для общества. Но, как мы знаем, такое состояние сохранится на всем протяжении Советского периода. Поэтому можно сказать, что интеллигенция Нижегородского университета стала одной из первых «жертв» эпохи.

Особенно детально рассмотрен момент перехода Нижегородского народного университета в государственный Советский. Мечты возглавлявшего его Дмитрия Федоровича Сеницына, первого ректора Нижегородского университета, шли слишком далеко и смело: «Свободный – автономный Университет, независимый ни от какой партии, ни от какого правительства. Университет, в котором ум и душа профессора не связывается ничем, кроме истины. Университет, в котором один повелитель – наука и один бог – человечество. И этот Университет мы получили из рук демократии, от той ее

части, которая входит в состав Советов. Здесь понятно было интернациональное значение науки и ценность знания, свободного от партийных шор» [2, с. 22]. Как же ошибался Дмитрий Федорович...

Автор книги владеет многими архивными материалами и подробно освещает события жизни и преподавательскую деятельность психологов и других преподавателей, работавших в Нижегородском университете в исследуемый период. Среди них: ученики Г.И. Челпанова психолог Борис Васильевич Лавров, Алексей Федорович Лосев, Николай Васильевич Петровский, Павел Сергеевич Попов, также Михаил Михайлович Рындин, Владимир Федорович Динзе, Любовь Осиповна Эйнгорн, Сергей Дмитриевич Смирнов, Валериан Андреевич Волошинов, Василий Леонидович Комарович, Николай Иванович Радциг, Вильгельм Генрихович Иогансон и др.

Особенно детально Н.Ю. Стоюхина рассматривает деятельность историко-филологического факультета университета, где работали следующие главные герои книги: психолог Б.В. Лавров, филолог и философ А.Ф. Лосев, психолог Н.В. Петровский и логик П.С. Попов. Подробно освещаются биографии этих ученых: учебные заведения, где они учились, учителя, у которых они получали опыт, труды, ими написанные; приводятся фото Curriculum vitae Н.В. Петровского и П.С. Попова. Наталья Юрьевна так характеризует феномен автобиографии: «В автобиографиях, написанных чернилами на самой разной бумаге – от тетрадных листов до плотной и гладкой, с тиснением, – слышны голоса того поколения. Читая эти бесценные документы, попадаешь под обаяние живого авторского слова» [2; С. 209].

Наконец, в книге проводится анализ становления психологического знания в стенах историко-филологического факультета Нижегородского университета. Первым деканом историко-филологического факультета был Б.В. Лавров. Многие обстоятельства мешали воплощению качественного образования и науки. Наталья Юрьевна пишет: «Трудностей было много. Не хватало помещений для учебы – Борис Васильевич [Лавров – Ю.С., А.К.] хлопочет о том, чтобы предоставить зал 1-й мужской гимназии для чтения лекций; не хватает профессоров – преподаватели кафедры постоянно ездят в Москву и Петроград для проведения переговоров со столичными педагогами университетов, уговаривая их переехать в Нижний Новгород» [2, С. 86]. Несмотря на такую атмосферу, на факультете расцвела психологическая наука. Благодаря усердности поиска Н.Ю. Стоюхиной были найдены уникальнейшие архивные материалы, содержащие учебные планы и программы курсов, которые преподавали главные герои книги. Мы можем увидеть ранние плоды блестящего ума А.Ф. Лосева: в Нижегородском университете он вел

курсы «История греческой литературы», «Сравнительный синтаксис греческого и латинского языков» и «Семинарий по “Поэтике” Аристотеля»; систематическую разработанность курсов «Психологии», «Психологии волевого процесса», «Введению в философию» и «Семинарию по этике Вл. Соловьева» Б.В. Лаврова; практико-ориентированный курс по экспериментальной психологии, глубочайшее изложение курса «Психологии», «Введению в философию» и «Истории новейшей философии» Н.В. Петровского; гносеологически ориентированную «Историю новой философии» и «Логику» П.С. Попова.

Ученики Г.И. Челпанова составили мощную основу для овладения психологией. Но Партия и другие причины не позволяли Университету развиваться в сторону автономности, завещанной его первым ректором: уволен ректор Д.Ф. Синицын, студенты выступили против преподавания Б.В. Лаврова, внедрялся проект пролетаризации высшего образования, и, наконец, произошло закрытие историко-филологического факультета Нижегородского университета.

Н.Ю. Стоюхина заключает свою книгу следующими словами: «Персонажи, о которых в книге шла речь, – люди из той жизни, которая воспринимается нами как утраченная. Но их живое присутствие, притягательность их присутствия спустя столько времени оказались главной их силой. Через непосредственную связь их с прошлым происходило воспроизводство той традиции гуманитарного знания, что существовала в России до революции. А.Ф. Лосев, П.С. Попов, Н.В. Петровский и их коллеги были сгустком традиции, где концентрировалась сама возможность передать наследие. Порой вопреки внешним обстоятельствам они смогли передать великую традицию культуры» [2, С. 209].

Книга Натальи Юрьевны Стоюхиной представляет собой первое глубокое историческое исследование периода первых послереволюционных лет деятельности психологов в Нижегородском университете. Ею был проанализирован большой биографический и архивный пласт, в котором были видны личности героев, их трудности и достижения. Такие исследования дают возможность увидеть процесс становления ученых и развития науки.

Список литературы:

1. Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 242 с.

2. Стоюхина, Н. Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.) [Текст] / Н. Ю. Стоюхина. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 307 с.

References:

1. Sokolov, A. B. Vvedenie v istoriografiju novogo i novejshego vremeni stran Zapadnoj Evropy i SShA. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2007. 242 s.
2. Stojuhina, N. Ju. Vydajushhiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918-1921 gg.) [Tekst] / N. Ju. Stojuhina. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 307 s.

Сведения об авторах:

Слепко Юрий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, декан педагогического факультета Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2017
№1
232 с.
10,1 п.л.

ISSN 2415-7953